

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
УЧЕНЫХ 1 ОТДЕЛЕНИЯ –
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ
ВОЙНЫ, МИРА И АРМИИ
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК**

Том 4

2-е издание, исправленное

Москва – 2023

УДК 32
ББК 66
НЗ4

Рецензент:

Андрей Геннадьевич Шляхтунов, доктор политических наук,
профессор, действительный член Академии военных наук

НЗ4 Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. Том 4 / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность», 2023. – 228 с.

Коллективная монография **Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии (Том 4)** содержит материалы и авторские статьи ученых отделения, посвященные осмыслению важнейших вопросов теории и практики обеспечения военной и национальной безопасности Российской Федерации.

В монографии нашли отражение вопросы, связанные с анализом основных аспектов обеспечения военной и национальной безопасности Российской Федерации, геополитические аспекты развития системы международных отношений, теории и практики применения информационно-коммуникативных технологий, психологии и педагогики, а также истории развития современной российской государственности.

Материалы монографии могут быть использованы в процессе планирования и организации научно-исследовательских работ, а также найти применение в преподавании отечественной истории, политологии и других социально-гуманитарных наук.

УДК 32
ББК 66

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексеева Татьяна Александровна

«Страна, которая делает большое различие между своими учеными и своими воинами, будет иметь законы, сформулированные трусами, и войны, которые ведут дураки».

Фукидид

«Стратегическая культура» – одна из тех научных категорий, которая, хотя и присутствует в отечественном научном дискурсе, но все же не получила еще полного признания, особенно в аналитике. Мне доводилось об этом писать еще десять лет тому назад [1, С. 130–147], позднее к проблеме неоднократно обращались магистранты и аспиранты в своих исследованиях, посвященных внешней политике и проблемам национальной безопасности отдельных стран. Но, похоже, мы все еще переживаем период, через который проходили также наши «западные» коллеги (впрочем, лет за двадцать до нас), когда военные историки и теоретики «не замечали» того, что делают в этой сфере политологи, а политологи цитировали друг друга, почти не учитывая то, что делают военные эксперты и аналитики. Между тем, категория доказала свое право на существование и могли бы быть весьма полезной, хотя бы с точки зрения понимания мышления наших партнеров/противников, с чем мы постоянно сталкиваемся во время переговоров. Короче говоря, нам нужна совместная исследовательская программа политологов и военных. И время для нее пришло. Но для этого следует напомнить о некоторых аспектах стратегической культуры и того, как она входила в научный дискурс.

Достаточно надежных инструментов у международных ученых, несмотря на попытки на протяжении многих десятилетий разработки количественных и качественных методов анализа, по сей день нет. Международные исследования – не точная наука. По-прежнему, рассуждая о возможных вариантах поведения государств в той или иной ситуации, ученые вынуждены оставаться в плену известной формулы «как представляется». «Надежные предвидения» никогда не будут возможными в международной политике, – писал известный международник, один из создателей «политического реализма» Ганс Моргентау еще в 1948 году, – вследствие «противоречивых тенденций», которые всегда будут присутствовать в каждой политической ситуации: какие из них станут превалировать будет так или иначе «результатом угадывания». Что может сделать теория, так это позволить ученым «проследить различные тенденции, которые как потенциал присутствуют в ситуации... указать на разные условия, которые делают более вероятной одну тенденцию, которая будет превалировать над другой, и, наконец, предоставить вероятности различных условий и тенденций, позволяющие преобладать в действительности» [26, Р. 6–7].

Поэтому, несмотря на многолетнее увлечение количественными методами анализа, ни точных математических расчетов, ни статистических закономерностей оказывается недостаточно для точного прогноза и оценки вариантов принятия решений. И все же историки, политологи, психологи, математики и представители других профессий пытаются претендовать на предвидение паттернов поведения национальных государств и их политических и военных лидеров. Более того, довольно часто можно встретить утверждения, что именно в этом заключается роль ученых по отношению к лицам, принимающим политические решения, в том числе, в такой сфере, как строительство вооруженных сил или торговля оружием на международном рынке. В то же время все больше исследователей доказывает на разных примерах, что люди – не роботы, а, стало быть, их решения могут быть продиктованы эмоциями, традициями, культурными привычками, стереотипами мышления, случайностями, историческим опытом или мифологией и т.д., а отнюдь не только трезвой оценкой имеющихся фактов. Несмотря на все трудности, некоторые закономерности все же удается вычленивать, хотя они и оказываются связанными не только с более или менее достоверной картиной реальности, но и с такими неточными и противоречивыми феноменами, как национальная политическая и стратегическая культура.

У каждой цивилизации обычно бывает собственное представление о войне, которое в той или иной степени является следствием ее культурного прошлого. С этой точки зрения стратегическая культура – это унаследованная система политико-военных концептов, которая основыв-

вается на историческом и социальном опыте народа, страны или группы стран, принадлежащих к одной цивилизации. Под влиянием стратегической культуры политические лидеры интерпретируют международные события вовсе не так, как они могли бы быть поняты другими цивилизациями. Зачастую на протяжении многих поколений сохраняется «имидж» противников и соседей, оказывающий сильное влияние на формирование ожиданий лидеров.

Стратегическая культура рассматривается также как продукт уникальных уроков, которые передаются сменяющим друг за другом поколениям общества. Это происходит главным образом через освоение классических текстов, воплощающих национальные военно-политические традиции. Усвоив соответствующие уроки, лидеры формируют довольно стабильные представления о том, «как работает этот мир», а также свои предпочтения в отношении стратегических и военных действий.

Интерес к культуре войны – отнюдь не новое явление в международных исследованиях. Не говоря уже о XIX столетии, и межвоенном периоде, вспомним, хотя бы «Вторые Великие дебаты» между бихевиоралистами, настаивавшими на необходимости принятия методологии, совместимой с методологией естественных наук, и традиционалистами, ищущими свои методы чуть ли не во всем социально-гуманитарном познании. Но осмысление «культурного» фактора все еще не носило систематического характера.

Только начиная с 1970-х гг., теория международных отношений, несмотря на преобладающее влияние политического реализма, начала проявлять все более заметный интерес к культурным аспектам политики, истории и стратегии. Позднее этот сдвиг в интересах исследователей даже получил название «культурный поворот». Хотя интерес к культуре проявляли многие мыслители, особенно в XIX столетии, постепенно культура начала помимо описательной выполнять также и эпистемологическую функцию, позволяя выявить наиболее важные черты в познании коллективности, хотя еще долгое время крайне непоследовательно. Пусть ученые этого направления и продемонстрировали в очередной раз согласие о несогласии относительно целей исследований, одновременно, однако, они символизировали разрыв с позитивизмом и стремлением всегда и во всем опираться на «факты».

Причины научных поворотов всегда довольно сложны, но исследователи обычно связывают их с «кризисом» Модерна (Современности) в той части, в которой «его основания предполагают некие единства – автономный субъект, суверенное государство, «большая теория», а также их оппозиции – субъект/объект, я/другой, внутренний/внешний... Отныне все они подвергаются последовательным «вызовам». Объек-

тивная реальность постепенно начинает заменяться текстуальностью, способы производства дополняются новыми возможностями информирования, репрезентация открывает путь симуляциям, легитимность традиции страдает по целому ряду направлений, объединявший ранее все это прогресс фрагментируется, а конвенциональная мудрость становится одним из многих конкурирующих между собой ритуалов власти, используемых для дисциплинирования международного сообщества. Это постмодернистский момент...» – подчеркивал известный австралийский международник-конструктивист Джеймс Дер Дериан [13, Р. 189].

Реальная возможность для международников внести свой вклад в разработку концепции культуры появилась, в том числе и не в последнюю очередь, благодаря идеям американского антрополога и социолога Клиффорда Гирца, опубликовавшего в 1973 году книгу «Интерпретация культур» [22]. Гирц определил культуру как исторически транслируемый паттерн смыслов, воплощенных в символах, системе унаследованных концепций, выраженных в символической форме средствами, используемыми людьми для коммуникации, и увековечивают, и развивают свое знание и отношение к жизни. Под влиянием этой работы культура начала рассматриваться многими исследователями как социально установленные структуры смысла человеческой деятельности, система символов, с помощью которых группа транслирует знание через время и пространство или иначе выражает семиотическое измерение социальных практик. Тем самым Гирцем и его последователями был предложен интерпретативный подход к изучению культуры, предполагающий включение элементов структурализма, герменевтики, понимающей социологии, философии символических форм и т.д., довольно быстро нашедших свое место в конструктивистской парадигме.

Соответственно, под влиянием всех этих процессов началась фундаментальная реструктуризация теории международных отношений. При этом новая теория международных отношений становилась все более релятивистской, в том числе по поводу самого процесса теоретизирования в отношении окружающего мира. И это было только начало. События последних десятилетий потребовали интерпретации культуры при изучении национальной безопасности. Как ученые, так и практики начали пытаться рассматривать проблемы Ближнего Востока, противоречий между США и Китаем, США и Россией, международный терроризм и т.д. через призмы национальной идентичности и культуры.

Конструктивизм привлек внимание исследователей к идейным основаниям национальной безопасности и сегодня он присутствует в двух основных вариантах: как «культурологизм», то есть рассмотрение культурных аспектов проблем войны и мира с позиции и с использованием арсенала чуть ли не всех социально-гуманитарных наук; и как исследо-

вания «культурных» аспектов стратегии («стратегическая культура»). Более того, становится все более очевидно: они вовсе не противоречат друг другу, а наоборот, открывают возможности нового прочтения и объяснения происходящих явлений процессов.

Традиционный фокус на сочетании силы и политики дополнился идейными подходами к вопросам национальной безопасности. За немногими исключениями, можно сказать, что «культурологизм» и конструктивизм явились отражением утверждения новой «постнеклассической» (иначе, сформулированными принципами картины мира, которые связывают с именем бельгийского физика российского происхождения Ильей Пригожиным), предложившим новый тип научного мышления, отголоски которого дошли в том числе, и до социальных наук, включая международные исследования. Этот новый тип мышления в науке предполагает, подчеркивал академик В.С. Стёпин, индетерминизм; приоритет случайности по отношению к закономерностям; относительность пространства и времени; эволюционность и нелинейность развития (бифуркации), условность всяких закономерностей в природе и обществе; коэволюционность изменений и т.д. [7].

Появление на этом фоне вариантов нового осмысления процессов и явлений в международной жизни, в том числе, культурного характера, в какой-то мере отражало эти новые взгляды, хотя, по всей видимости, их авторы не связывали свои рассуждения с практически «революционными» изменениями в физике и других естественных науках. Наоборот, в теории они, зачастую противопоставляя свои взгляды естественнонаучным картинам мира, отождествляли их с позитивизмом механистической картины мира, в лучшем случае с «эйнштейновской» относительностью. Но мир меняется. И требует качественных изменений в мышлении, в том числе и международников...

Национальные способы войны

Рассмотрим на нескольких примерах «культурологические» подходы к проблемам войны и мира. Исследование проблемы национальных особенностей войны – относительно новое явление, поскольку еще столетие назад военные теоретики и историки стремились главным образом рационализировать имеющийся европейский военный опыт, не особенно задумываясь о специфических культурных составляющих его. Главным образом это было связано с тем, что метрополии в эпоху империализма не слишком интересовались способами ведения войны своих колоний, которые сравнительно легко приобретали, хотя бы вследствие своего технического превосходства; а европейские армии в общем и целом воевали и строились примерно по одним и тем же принципам.

«Прорыв» в этой области произошел в Великобритании, и ее же традиции оставались в центре максимального внимания профессионалов на протяжении большей части XX века. Важнейшую роль в этом сыграл известный военный историк Бэзил Лиддел-Гарт.

Концепт «национального способа ведения войны» был сформулирован им в 1920–30-е годы. В нескольких своих работах он доказывал, что существует особый, специфический для Британии способ воевать и управлять войсками, особая стратегия в ведении войн [3]. Он в принципе отверг идею «решающего сражения». Еще в статьях 1920-х гг. он раскритиковал саму идею ведения «абсолютной войны ... против главных сил противника», назвав ее главной ошибкой Наполеона, а затем Клаузевица [12, Р. 317]. Фактически этот тезис дублируется с родственным понятием «непрямые действия», сохраняющиеся и сегодня в британской доктрине обороны как «маневренный подход» [12, Р. 313].

Доказывая, что «война – это путь обмана», преодоление оппонента обходным путем, – Лиддел-Гарт изложил самую суть британской военной и политической стратегии, которую страна демонстрирует на протяжении как минимум двух столетий. Цель войны – не военная победа, не разгром противника, а «добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения», причем минимально подвергаясь опасности, т.е. по возможности чужими руками, иначе говоря, речь идет о достижении нового мирового порядка, более выгодного Великобритании. Именно такой стратегии страна придерживалась еще в XVIII веке, используя флот и избегая по возможности ведения боев на суше. Даже в битве при Ватерлоо основные тяготы несли сухопутные войска союзников. Он назвал отход от такой традиционной линии в период Первой мировой войны, когда Британия создала огромную армию и использовала большую ее часть для непосредственных действий на главном театре войны, трагическим по своим последствиям. Лиддел-Гарт поэтому призвал к возвращению к традиционной политике «непрямых» действий, маневрирования и использования сил союзников в случае прямого конфликта.

Иначе говоря, стратегия должна носить фактически коммерческий характер, отсюда и методы: блокады, диверсии, займы и помощь оружием «союзникам», блеф, обман, пропагандистские акции и т.д. Центр тяжести переносится на дипломатические методы урегулирования мира с максимальными выгодами для Британии, в то время как тяготы войны должны быть предоставлены другим. Таков смысл стратегии «коварного Альбиона», сформулированный военным историком без какого-либо морального осуждения, а просто как констатация факта «культурных особенностей» страны.

Лиддел-Гарт постоянно возвращался к этим идеям в последующих переизданиях своей книги, по существу заложив основы целого направ-

ления исследований. Последующий опыт германского блицкрига, равно как стратегические предпочтения Уинстона Черчилля в период Второй мировой войны с их акцентом на механизированные войска, сделали ранние работы Лиддел-Гарта чуть ли не пророческими, что в немалой степени создало ему репутацию влиятельного стратега. Неслучайно его книга «Британский способ ведения войны» переиздавалась в 1941 году, а с существенными дополнениями в 1967 году.

Идея «маневрирования» получила дальнейшее развитие уже после смерти Лиддел-Гарта в 1973 году американский военный историк Рассел Вейгли опубликовал книгу, позднее многократно переиздававшуюся, – «Американский способ ведения войны. История военной стратегии и политики США» – анализ подхода США, начиная с Американской революции и вплоть до Вьетнамской войны [31]. Вейгли приписал Джорджу Вашингтону раннюю американскую традицию ведения оборонительной войны на «истощение», поскольку вооруженные силы новой страны были относительно слабыми. И лишь со временем по мере укрепления своего экономического, политического и военного потенциала перешли к войне на «уничтожение», за которую выступал Улисс Грант, а позднее и американские стратеги времен Второй мировой войны, предполагавшие развертывание крупных сил и военно-технических средств, и вследствие превосходства – победу над врагом. Этот подход доминировал в американской военной истории на протяжении работы нескольких поколений военных историков, полагал Вейгли.

Сходные идеи высказывались военными историками и в отношении «Запада» в целом. Речь идет о довольно часто цитируемой работе американского консервативного историка Виктора Дэвиса Хансона «Западный способ ведения войны» (1989 г.), а также других его работ – «Душа сражения (1999)» и «Бойня и культура» (2001).

«Западная» культура доказывает в своих работах Хансон, обладает некоторыми уникальными чертами, что обеспечивало ее превосходство над «Другими» на протяжении более чем 2 500-летней истории.

По мнению Хансона, «западная» традиция в целом отражает демократические ценности и приоритет гражданина-солдата – он прослеживает ее со времен конфликтов между древнегреческими полисами. Наряду с военной традицией Древней Греции, а также «западными» идеями коллективной и индивидуальной свободы; он назвал также «гражданский милитаризм» особый тип дисциплины, сочетающей почтение к авторитету с героическим идеалом индивидуального мужества и смелости (это близко к квази-равенству с военачальниками – отношения, немислимые ни в Китае, ни среди ацтеков, зулу или в Османской империи с полным подчинением солдат своим командующим). Даже Александр Македонский, подчеркивал Хансон, хотя со

временем и начал вести себя подобно живому богу в восточном стиле, терпел критику со стороны своих подчиненных.

Не забыл Хансон также эффективность рыночной экономики и значение господства рационализма, несмотря на влияние религии при принятии решений, а также самокритичность и участие лиц, не принадлежащих ни к военному сословию, ни к властям. Во всем этом Хансон усмотрел корни признания базовых правил «честного» сражения и избегания затяжных войн. Такой, своего рода, спорт – иллюстрация известной английской поговорки «Война – развлечение королей». Это предполагает в целом симметричные силы, способные нанести противнику решающее поражение либо в главном сражении, либо во время кампании в целом. В этом причина неспособности «Запада» эффективно противостоять ассиметричным «вызовам», полагал Хансон, партизанским войнам и терроризму [19, 20, 21], когда война ведется не «по правилам».

Справедливости ради, стоит заметить, что работы Хансона были приняты отнюдь не всеми военными историками, многие из которых увидели в них «прозападный шовинизм». Неслучайно в книге «Сражение: история военных действий и культура» американский исследователь Джон Линн назвал утверждение Хансона о «западном» способе ведения войны просто «фантазией» [24, Р. 25]. Он отверг устойчивый тезис о военном превосходстве «Запада», для чего ему пришлось обратиться к истории войн, начиная от Древней Греции и вплоть до настоящего времени. Рассматривая попутно примеры древних Китая и Индии, Европы эпохи Средневековья, а также периода Просвещения, он проиллюстрировал свои тезисы на примерах Британской Индии, наполеоновской Европы, войны США в зоне Тихоокеанского бассейна, боевых действий Египта против Израиля и вплоть до сегодняшнего терроризма.

Используя культурологическую методологию, Линн доказывал в своей работе, что отнюдь не техника, оказывает главное влияние на боевые действия с древнейших времен – на войне идеи важнее пуль и бомб. Клаузевиц писал, что война – это политика. Нет, возразил Линн, война – это культура. Реальность такова, что вооруженный конфликт возникает благодаря и формирует характер сражения на основе культурных ценностей, утверждений и ожиданий. Эти отношения оказывают на войну и победу более сильное влияние, нежели любые другие факторы. Поэтому никакого «западного» способа ведения войны не существует, а имеется множество культурных паттернов военных действий. Только это может объяснить феномен терроризма и способы борьбы с ним. По его мнению, природа терроризма и ответы на него ставят вопрос о стратегии по-новому: что это криминальные акты, военные действия слабых или нечто, заслуживающее новой концептуа-

лизации? Ответ на этот вопрос может быть дан только в культурологических терминах.

Политологи были отнюдь не единственными сомневающимися в том, что культурологический подход создает полезные рамки анализа. Джереми Блэк, известный военный историк, солидаризировался с Джоном Линном и в целом был весьма скептичен по отношению к полезности концепций национального способа ведения войны. В книге «Переосмысливая военную историю» Блэк утверждал, что «уж слишком легко материализовать национальные подходы и политику с тем, чтобы сделать их яснее, связнее и более очевидно основывающихся на легко одобренных национальных интересах, чем это есть на самом деле». С его точки зрения такие теории «утверждают ложную связность для того, чтобы выстроить ясные строительные блоки для аналитических целей [10, Р. 142].

Интересные аспекты культуры войны были затронуты не только военными историками, но и также учеными других специальностей, например, антропологами. Так, любопытные взгляды на проблему развивал известный антрополог Эмилио Виллемс в работе «Образ жизни и смерти: Три столетия Пруско-Германского милитаризма: Антропологический подход» [32]. Автор использовал макро-исторические аргументы для раскрытия смыслов культурных конструктов, даже если они представляли в качестве исторических артефактов.

Милитаризм, писал Виллемс, появился отнюдь не по воле правителей. Это социальное формирование – «культурный комплекс», – следствие серии адаптивных изменений в ситуации меняющейся окружающей среды. Вслед за Генрихом фон Тройчке, Виллемс проследил корни милитаризма в экспансии Тевтонского ордена из Палестины, Нюрнберга и Венгрии на Северо-Восток Европы еще в период XIII–XIV вв. Однако свою формальную форму (Gestalt) милитаризм обрел только в XVII–XVIII вв. Это был уже не просто способ организации власти – отражая геополитические реалии Пруссии, он пронизывал все общество тем самым, устанавливая особый путь дальнейшего развития. Абсолютистский конструкт неоднократно подвергался проверкам на прочность, но выдержал их, включая период Наполеоновских войн, хотя и претерпел некоторые метаморфозы особенно в период подъема военно-бюрократического национализма XIX столетия.

Виллемс указывает, что период после 1890-х гг. означал радикализацию милитаризма. С этого момента он организовывал все общество «на войну», чему во многом способствовала растущая разрушительная сила военной техники. «Милитаризм – это все, чем была Пруссия, а Пруссия – всем, чем не может быть предполагаемое либеральное общество». Только после того как «Мировой дух покинул Берлин», милитаризм стал «жерт-

вой эволюционных изменений», что на волне поражения во Второй мировой войне привело к задержавшемуся, хотя и осознанному отказу от милитаристской традиции – субъективному признанию устаревания милитаризма [32, Р. 11, 203].

Прусский милитаризм – результат географического пространства, исследование «фенотипического Другого», сотворенного в процессе ассоциативных, в сущности вполне «пруссских» рассуждений о «культурном комплексе», двигавшихся от формальных атрибутов социальных качеств к национальным и эпохальным сущностям, – подчёркивал в своей рецензии на книгу Виллемса известный американский историк Майкл Гейер [9, Р. 168–169].

Европейская традиция выстраивала обычно подъем национальных государств, движимых четким стратегическим расчетом, опираясь не только на европейский опыт войн, но и на культурные традиции.

На протяжении нескольких поколений этот опыт транслируется на остальное человечество, хотя условия, среда и практика могли существенно различаться. Социолог Мигуэль А. Сентено поставил под вопрос господство европейской модели. Его заинтересовали совершенно иные традиции других регионов. В работе «Кровь и долг» он обратился к латиноамериканскому опыту, как более адекватному политике в других регионах, будь то Балканы или Африка южнее Сахары [11].

Сентено проследил относительно мирную историю континента, начиная с конца XVIII столетия и вплоть до первых десятилетий XX века, показав отсутствие важнейших предпосылок войн: «Латинская Америка была относительно мирной, поскольку не сформировала развитых политических институтов, способных управлять войной. Нет государства, нет войны. Более того, с учетом ее истории, военные как институт идентифицировали самого важного национального врага как внутреннего. При отсутствии внешнего врага, войны были избыточными» [11, Р. 26].

Несмотря на репрессивную историю многих латиноамериканских стран, государства в них были, как правило, слабыми. Не существует таких понятий как гражданство или физическая интеграция общества. Способность монополизировать применение силы в рамках определенных границ также отнюдь не постоянна. Причины – в истории, процесс формирования государств не копировал европейский путь, который часто политологи и историки рассматривают как универсальный.

В Латинской Америке, пишет Сентено, войны были редкостью и даже когда они случались, природа их была ограниченной. А ограниченная война «не предполагает политической и военной мобилизации общества, за исключением (и не всегда) изначальных моментов эйфории» [11, Р. 21]. Как следствие, не было большой нужды в конструиро-

вании сильного чувства национализма для развития государственных институтов, способных управлять войной. Таким образом, «как и в большинстве стран постколониального мира, государства предшествовали нациям», – подчеркивает Сентено [11, Р. 24].

Кроме того, поскольку независимость была получена скорее в силу краха самой Испании, нежели мощной внутренней потребности, не так уж много характеристик, отличающих эти государства от метрополии. Национализм также не мог быть сформирован в силу различий с соседними странами, поскольку их немного. Поэтому существенно большие различия наблюдаются в отношении классов или этнических групп внутри стран, нежели через границы. Войны в этом регионе не столько способствовали строительству национальных государств и формированию демократии, – сделал вывод Сентено, – сколько разрушали институты, способствовали внутренним расколам, «убивая многих без очевидной цели или посмертной славы».

Применив новые данные, такие как документы о налогообложении (кстати, уровень сбора налогов в Латинской Америке существенно ниже, чем в странах их уровня благосостояния), решения о названиях и переименованиях улиц, возведении публичных монументов, равно как и информацию о военном призыве (чуть ли не главный фактор формирования национальной идентичности), автор приходит к выводу, что следует с большой осторожностью применять общепризнанные теории и методы в отношении формирования национальных государств в Латинской Америке.

Мы привели только несколько примеров культурологических взглядов на проблемы войны и стратегии, взятые из разных областей науки, но и они уже дают представление о широте и нестандартности подходов к культурологическим аспектам проблем войны и мира. Поэтому изучение культурологических вопросов войны с самого начала носило междисциплинарный характер и отнюдь не ограничивалось работами политических и военных теоретиков, хотя и выступало под разными наименованиями. В любом случае эти исследования создали предпосылки и явились фоном для появления концепта «стратегической культуры».

Эволюция концепта «стратегической культуры»

Собственно, само понятие «стратегической культуры» было введено в научный оборот только в 1970-е гг. американским теоретиком Джеком Снайдером. Оно понадобилось ему для объяснения стиля поведения СССР в области национальной безопасности, поскольку столь популярная в те годы теория рационального выбора, не могла его объяснить. Как выяснилось, ход и события «холодной войны» все чаще ставили под вопрос традиционные для «Запада» рационалистические

модели поведения, причем как свои собственные, так и варианты реагирования противника.

Снайдер представил впервые свой концепт в докладе «Рэнд Корпорейшн» под названием «Советская стратегическая культура: последствия для ограниченных ядерных операций». Снайдер определил стратегическую культуру как «суммарную тотальность идей, обуславливающих эмоциональные ответы и паттерны привычного поведения, обретаемые членами национального стратегического сообщества через обучение и имитацию» [29, Р. 8]. Ни стратегическая культура, ни стратегическая доктрина, ни стиль урегулирования кризисов, доказывал Снайдер, не представляют строгого кода поведения. Разумеется, ситуации не одинаковы. Однако оценка рациональности решений отчасти всегда должна принимать во внимание стилистические и культурные предрасположенности.

Рационалистические аналитические оценки порождают две трудно разрешимые проблемы. С одной стороны, они не позволяют разрешить проблему «валидности», т.е. доказательности утверждений в ситуации недостатка достоверной информации и наличия весьма разнородных и разно порядковых данных. Поэтому всякая модель условна. С другой стороны, возникает очевидная потребность упорядочивания имеющихся данных с учетом контекста, который, в свою очередь, с неизбежностью отражает историю, личностные факторы лидеров, стереотипы образования, характер дискуссий о национальной безопасности и т.д. Отсюда – необходимость введения какой-то промежуточной переменной, в качестве которой и может выступить стратегическая культура.

Снайдер писал, что советская стратегическая мысль и поведение вытекают из «вполне определенной советской стратегической культуры». Для прогнозирования поведения СССР, полагал он, теории рационального выбора недостаточно – вполне определенная история Советского Союза, его политические институты и стратегическая ситуация «совместно создают уникальную смесь стратегического мышления и уникального паттерна стратегического поведения на основе этих убеждений» [29, Р. 38].

Снайдер утверждал, что стратегическая культура США вроде бы предотвращает курс на ограниченную ядерную войну. Но это не так. Более того, он предположил, что более вероятно, что США скорее, нежели СССР, применят ядерное оружие ограниченным или тактическим способом. «Было бы опасно предполагать, что лица, принимающие решения в ситуации кризиса в Советском Союзе, будут выкраивать свое поведение по американским моделям стратегической рациональности» [29, Р. 39]. При этом, следует иметь в виду два важных соображения: содержание стратегической культуры изменчиво и не может быть принято, как догма

на все времена; и, кроме того, у военных есть свои профессиональные склонности, которые отнюдь не всегда разделяются политиками. Как бы там ни было, ограниченная ядерная война по сей день так и не состоялась. А концепт стратегической культуры начал довольно активно применяться в калькуляциях национальной безопасности.

Со времен Снайдера вопрос о «стратегической культуре» стал объектом множества споров между теоретиками. Основным конфликтом завязался между сторонниками «культуралистского» подхода и политическими реалистами, господствовавшими среди лиц, принимающих решения, по крайней мере, в США на протяжении уже нескольких десятилетий.

Несмотря на поражение США во Вьетнаме, реалисты продолжали настаивать на том, что именно их подходы – наиболее надежный способ избежать чего-либо подобного в будущем. Кеннет Уолтц как создатель «неореализма» в работе «Теория международных отношений» (1979 г.) уделил даже культурным аспектам политики, в том числе, и проблеме идентичности, даже меньше внимания, чем это делалось в традиционном реализме. Он рассматривал государства как унитарные недифференцированные акторы, чье поведение (в особенности, тенденция к «самопомощи» при формировании и реформировании баланса сил) формируется под влиянием ограничений системы, в которой они действуют [30, Р. 4]. Он фактически проигнорировал аргумента Снайдера, которых, благодаря публикации доклада РЭНД, к этому времени было уже 26, и идеи которого уже стали заметным политическим учением.

Возможно, предложения Снайдера так и остались бы своего рода курьезом, если бы не поддержка, которую он получил со стороны Колина Грэя (хотя и не принял его трактовки «стратегической культуры» в последующие годы). Будучи одновременно гражданином Британии и США, чья карьера включала как академические назначения и позиции в мозговых центрах в этих странах, а также в Канаде, Грэй после избрания Рональда Рейгана президентом был включен в Совещательный комитет по контролю за вооружениями и разоружением. Как и многие другие зарубежные советники по международным отношениям в администрации Рейгана, он отвергал положения, положенные в основу «разрядки» между СССР и США 1970-х гг. Он адаптировал концепт Снайдера, заключив, что США обладают вполне определенной стратегической культурой, и утверждал, что фундаментальные положения американской ядерной стратегии того времени – это то, что никто не может выиграть в ядерной войне – были «чисто американскими», и их не разделял Советский Союз, который-де никогда полностью не отказывались от положения о взаимном гарантированном уничтожении [15, Р. 21–47]. Перестраивая американскую ядерную стратегию вслед за крахом разрядки, администрация Рейгана восприняла идеи Грэя и других политологов, придерживавших-

ся сходных позиций, выдвинув «Стратегическую оборонную инициативу («Звездные войны») и пойдя на нарушение договора 1972 г. об антибаллистических ракетах (АБМ) [15, Р. 4] .

Следует признать, что сам Снайдер дистанцировался от тех, кто использовал концепт стратегической культуры для узаконивания такого рода сдвигов в политике. Снайдер утверждал, что Грэй и другие дали излишне расширительную трактовку концепта стратегической культуры, начали замещать его оригинальное положение политической культурой или даже национальной культурой в целом. В соответствии с его изначальным намерением стратегическая культура объясняет наличие ясно различимого стратегического подхода перед лицом «изменений условий, которые ее породили, через процессы социализации и институционализации и благодаря роли стратегических концептов в легитимации этих социальных устройств». Атрибуты должны быть объяснены только с точки зрения стратегической культуры, «когда определенные подходы к стратегии становятся включенными в обучение, институты и распределение сил», иными словами, когда «стратегическая культура начинает жить своей собственной жизнью, различаясь с социальными интересами, которые способствовали ее формированию». Он сделал вывод о том, что «культура, включая стратегическую культуру, это объяснение, которое должно быть применяемо только тогда, когда все другие объяснения проваливаются» [28, Р. 3–9]. Но его никто не услышал – стратегическая культура уже вошла в широкую практику аналитики по военно-стратегическим вопросам.

Впрочем, Грей и его коллеги – это лишь первое поколение исследователей стратегической культуры. Они указали на очевидные недостатки теории рационального выбора и теории игр в том, что касается предсказания поведения СССР: «Все, что мы намеревались сделать, так это напомнить нашим читателям и официальным клиентам, что существует очевидное советско-российское измерение врага в «холодной войне»; мы конкурируем не с какой-то сверхдержавой А или Б в чёрном ящике, выходящей за пределы культуры» [16, 17, Р. 55]. Грэй даже признал значение работ Хансона о «западном» способе ведения войн [16, Р. 293], тем самым сделав немаловажный шаг в сторону воссоединения теории «стратегической культуры» и военно-теоретического осмысления национальных способов ведения войн, со временем превратив их в общее направление исследований.

Попытки их соединения предпринимались разными авторами неоднократно. Например, довольно большой интерес исследователей вызвала работа Майкла Дойла «Способы войны и мира» (1997), содержащая подробный анализ наиболее значимых политологических работ на близкие темы, но фактически проигнорировавшего труды военных историков

[14]. Дойл подразделил все исследования культурных оснований войны и мира на три блока – политический реализм, либерализм и социализм – «три классических выбора, конкуренция между которыми сформировала двадцатое столетие» [14, Р. 26]. По его мнению, именно либеральное мировоззрение, в котором государство – не единственный рациональный актер, «коалиция или конгломерат ... интересов», в котором «внутренние ценности и институты формируют внешнюю политику»), в наибольшей степени совместимы с концептом стратегической культуры и национального способа ведения войны [14, Р. 19–20]. Однако приходится признать, что реалисты по-прежнему господствуют. По его мнению, большинство ученых-международников либо сами идентифицируют себя, либо легко идентифицируются как реалисты, а это предполагает приверженность теории рационального выбора и признание положения, что государства – рациональные акторы на международной арене – и тем самым отрицают культурные и исторические объяснения международного поведения государств.

Второе поколение адептов стратегической культуры продолжало идти по пути ее расширения, причем не только за счет попыток рассмотреть такого рода феномены в конкретных странах, уже не только наиболее крупных, но и преодолеть рубежи с другими теориями международных отношений, дополнив концепт базовыми реалистскими утверждениями, либеральными рассуждениями о свободе, демократии и мировом сообществе или даже за счет постмодернистских изысканий, в респектабельном выражении – конструктивизма.

Например, Джеффри Паркер использовал термин «стратегическая культура» в книге «Великая стратегия Филиппа 2-го», но дал ей нестандартное определение. По Паркеру, «те же три соображения формируют стратегическую культуру в XVII столетии как в XX». Это:

- 1/ командование и контроль;
- 2/ коммуникации и разведка;
- 3/ предположения, которые формируют стратегическое видение и оказывают влияние на выбор стратегических приоритетов [25, Р. 12].

Его определение детерминант стратегической культуры предполагало, что культура включает оперативное поведение и представляет собой попытку связать концепт с военной литературой по операционному поведению последних десятилетий. К середине 1990-х годов сторонники именно такой интерпретации далее развивали эту линию, дополнив ее: командование, контроль, коммуникации, компьютеры, разведка, наблюдение, рекогносцировка подтверждение. Однако, поскольку Паркер не обосновал свою формулировку какой-либо литературой по стратегической культуре, авторы, писавшие после него, обычно не включили его определение и не пытались соединить литературу по

операциям со стратегической культурой, хотя мне она представляется весьма убедительной.

По имеющимся оценкам, сегодня уже работает третье поколение исследователей стратегической культуры. Теоретики продолжают спорить, причем пространство диалога существенно расширилось от актуальности самого концепта и вплоть до возможности его рассмотрения через методологию конструктивизма. Появились работы, посвященные стратегической культуре Китая, Индии, Латинской Америки и других стран (но пока не России – «западные» теоретики сплошь и рядом продолжают пользоваться советскими моделями). Вследствие междисциплинарности самого концепта, снова и снова предпринимаются попытки прочтения концепта через другие социальные науки.

А. Джонстон, например, через исследование стратегии Китая пришел к разработке «культурного реализма» [23]. «Под стратегической культурой, – писал он, – ранжированные предпочтения большой стратегии, вытекающие из центрального парадигматического предположения о природе конфликта и врага, и коллективно разделяемого лицами, принимающими решения. /.../ Я настаиваю, что стратегическая культура состоит из двух основных элементов: (а) центральная парадигма, которая дает ответы на три основных, связанных вопросов о природе конфликта в делах человеческих, о природе врага и об эффективности насилия; (б) ранжированная группа стратегических предпочтений, логически вытекающая из этих центральных утверждений» [23, Р. IX–X]. Эти наиболее важные эвристические и сопровождающие их стратегические предпочтения должны быть конгруэнтны соответствующим объектам анализа (например, стратегические тексты, репрезентативные для формативного периода развития стратегической мысли и практики), позволяющим отдельной стратегической культуре существовать в данном конкретном обществе. Более того, необходимо показать, что в исторический период, представляющий интерес, эти эвристические и стратегические предпочтения приемлемы для большой группы принимающих решения лиц, социализировавшимися в соответствующей стратегической культуре еще до того, как будут сделаны выводы о ее последствиях для их поведения. А затем необходимо показать, что паттерны стратегического поведения соответствуют стратегическим предпочтениям, которых придерживаются эти принимающие решения лица.

Джонстон выделил несколько сильных сторон теоретиков «третьего поколения»:

1) Они стремятся обойти детерминизм первого поколения. Это делается либо через выведение поведения из-под влияния независимых переменных, либо с помощью долговременных (макроисторических) или широких пространственных сравнений контекстов.

2) Они увлекаются сравнительным тестированием или столкновением объяснений (например, институциональных и организационно-культурных подходов).

3) Возникает вопрос о том, следует ли анализировать организационную культуру как независимую переменную в процессе осуществления стратегического выбора, в частности, проблему дизъюнкции между символической (культурной) стратегией и операционной доктриной. Продолжается спор: следует ли рассматривать военную доктрину как зависимую или независимую переменные.

4) Отказ от рассмотрения стратегической культуры как долговременного, или постоянного концепта. Акцент делается на быстроте изменений, что ставит под вопрос проблему культурной инерции или традиций как таковых; но тогда теоретики подходят слишком близко к анализу системы верований – в самом деле, почему культура изменяется так быстро, если отражает сознательные, полусознательные или бессознательные ориентации в мире?

5) Представления «третьего поколения» во многом традиционны – у лиц, принимающих решения, не так уж много вариантов для выбора. Соответственно, возникает необходимость введения определений, не входящих непосредственно в культуру, в частности, организационного устройства или аспектов социализации гражданских лидеров [23, Р. 20–21].

Все эти и многие другие вопросы так или иначе оказываются в центре дискуссии сторонников и противников «культурного» измерения политических и военно-стратегических решений. В целом, исследователей «третьего поколения» отличает склонность к эклектике с точки зрения методологии и эмпирического фокуса. Некоторые из них идут по пути релятивизма и конструктивизма, другие – вслед за А. Грамши, рассматривают стратегическую культуру как идейный массовый продукт символического манипулирования со стороны принимающих решения элит, стремящихся добиться массовой поддержки их конкретного стратегического выбора; третьи обращаются к более традиционной позитивистской методологии, испытывая неуверенность в области чисто интерпретативистских методологий, пытаясь найти научное обоснование рассматриваемым вопросам и ответам. И тем не менее отчетливо видна тенденция воспринимать идеи, традиции и обычаи в стратегической сфере всерьез как эмпирически наблюдаемые ограничения политического и стратегического выбора.

Тем не менее высказывается и важное предостережение: предположения относительно стратегической культуры и национальных способов ведения войны может, в самом деле, повести принимающих решения по опасному пути, тем не менее, продолжающиеся дебаты об определении и утилитарности этих концепций, показывают, что в нача-

ле XXI столетия политологи и историки уверенно продолжают их использовать.

Как бы там ни было, это направление исследований, как правило, стремится ответить на три ключевых вопроса:

– Могут ли культурные теории дать полезные объяснения национальной политике безопасности?

– Является ли стратегическая культура «полуперманентной», на чем настаивает большинство исследователей, или же она изменяется с течением времени?

– Насколько универсальна стратегическая культура – это общечеловеческие принципы или все же она глубоко национальна?

Поскольку концепций стратегической культуры сегодня много и они составляют в известном смысле «конкурентную среду», никакая интерпретация имеющихся данных о мире, полученных социологами, экономистами, военными, учеными-естественниками и др., не может быть не учитывающей эту тенденцию в политической мысли. Обычно исследователь избирает способ интерпретации в зависимости от его способности обеспечивать приемлемые объяснения изучаемых явлений, а в особых случаях, при драматических изменениях в культурном контексте и смене культурных универсалий, – вследствие соответствия «духу времени». «Исследователь может стремиться вернуть культуре устойчивость, дать ей новые опоры, – указывает отечественный философ В. Порус. – Или, что не исключено, помочь ей уйти в историю, освободив место новой культуре. В любом случае он создает мифы, которых требует изменившаяся культурная среда. Характерная особенность этих мифов в том, что они «облачены в научные тоги», то есть оформлены так, как это принято в науке, но отличаются своей очевидной «ангажированностью», подчиненностью философски определяемым целям» [5, С. 30].

Неуверенность и даже сомнения в применении категории «стратегической культуры» в немалой степени связана также сегодня и с тем, что универсальность модели национально-территориального государства, в том числе как специфической культурной общности, в последние годы ставится многими политологами под вопрос. В статьях и книгах можно встретить рассуждения о современном государстве как «сущностно оспариваемом» концепте¹. Но такой же подход может быть приме-

¹ Напомним, что речь идет о расширенном толковании «сущностно-оспариваемых» понятий В. Гэлли. «Действительно, – подчеркивают современные политологи, – такие смыслообразующие для анализа политического развития категории, как территориальное государство, как национальное государство и государство-нация, капитализм и либерализм, демократия, демократизация и права человека, народ, нация, национализм и национальная идентичность, социальная группа и сообщество, популизм, публичная политика, политика идентичности, управление и управляемость (список можно продолжать), требует переосмысления с учетом их многозначного толкования» [8, С. 58],

нен и к «стратегической культуре». В любом случае, практика подтверждает, что концепт сегодня значительно чаще используется как дополнительный к рациональным оценкам состояния и развития военной сферы, нежели в качестве абсолютизированной схемы, диктующей жесткие выводы и прогнозы. Тем более, что с учетом новейших технологических возможностей сама территориально-историческая привязка становится более гибкой, подвижной, взаимозависимой, политическая субъектность сама по себе расширяется [2].

Мойзес Наим в своей известной книге «Конец власти» привел пример шахмат, показав, что цифровизация с помощью компьютерных программ позволяет воссоздать миллионы партий, спрогнозировать возможности каждого хода. Но тут же привел пример возможности неожиданной стратегии вследствие собственной способности игрока-шахматиста оценивать ситуацию [4, С. 19–20]. Именно поэтому фактор стратегической культуры отнюдь не утрачивает своего значения.

Конструктивизм привлек внимание исследователей к идейным основаниям национальной безопасности, и сегодня он присутствует в двух основных вариантах: как исследования «культурных» аспектов стратегии – «культурализм», и как «конструктивизм», хотя они вовсе не противоречат друг другу, а наоборот, открывают возможности нового прочтения и объяснения происходящих явлений и процессов.

Как бы там ни было, на этой основе позднее развивалась научная традиция в военной истории, независимая от политической науки. По существу, только на рубеже XX и XXI столетий, стена между двумя дисциплинами наконец-то начала разрушаться – представители обеих дисциплин признали очевидное: концепты взаимодополнительны, поскольку национальный способ ведения войны – подмножество и одновременно продукт стратегической культуры [25].

Таким образом, если ограничиться исключительно политологической литературой, то можно упустить из вида многие важные аспекты мышления о стратегической культуре, а, стало быть, обеднить и примитивизировать ее использование как аналитического инструмента. В то же время, следует иметь в виду, что политологические разработки обычно игнорировались военными историками. Исследование проблем шло и во многом продолжает идти сегодня параллельными путями, особенно в России. А это существенно сужает поле возможностей, открытых для аналитиков. Не в этом ли причина того, что, выстраивая строго научный, доказательный анализ, мы не в состоянии понять логику рассуждений наших оппонентов в стиле «highly likely», когда вероятность события именно в силу предполагаемой культурной обусловленности воспринимается как состоявшийся факт?

Литература и источники:

1. Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. № 5. С. 130–147.
2. Бочарников И.В. Острые грани современной мировой политики // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 3 (60). С. 198–209.
3. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее. Москва: «Дело» РАНХ и ГС, 2020.
4. Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действий, Москва: Иностранная литература, 1957.
5. Мойзес Н. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе, Москва: АСТ, 2016 – С. 19–20.
6. Порус В.Н. Имитация рациональности: симулякры бюрократии // Политическая концептология. 2011. № 2. С. 30.
7. Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция, Москва: Прогресс-Традиция, 2000.
8. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. 2021. № 5. С. 56–77.
9. American Historical Review, 1988, Vol. 93, Issue 1, Pp. 168–169.
10. Black J. Rethinking Military History, London: Routledge. 2004.
11. Centeno M.A. Blood and Debt: War and the Nation State in Latin America, University Park: Pennsylvania State University Press, 2002.
12. Danchev A. Liddell Hart and the Indirect Approach // Journal of Military History, 1999, Vol. 63. P. 317.
13. Der Derian J. Introducing Philosophical Traditions in International Relations // Millennium. 1988. Vol. 17. # 2. P. 189.
14. Doyle M.W. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism // New York 1997.: W.W. Norton & Co
15. Gray C.S. National Style in Strategy: The American Example // International Security. 1981. № 6: Pp. 21–47.
16. Gray C.S. Modern Strategy, Oxford: Oxford University Press. 1999.
17. Gray C.S. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes. Back // Review of International Studies. 1999. P.55.
18. Great Liberators Vanquished Tyranny. New York: The Free Press, 1999.
19. Hanson V.D. The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. Oxford: Oxford University Press 1989.
20. Hanson V.D. Carnage and Culture: Landmark Battles in the Rise of the West. New York: Doubleday 2001.
21. Hanson V.D. The Soul of Battle: From Ancient Times to the Present Day, How Three.
22. Heertz C. The Interpretation of Cultures, Selected Essays. NY: Basic Books, 1973.

23. Johnston A.I. *Cultural Realism. Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton: Princeton University Press, 1995.
24. Lynn J.A. *Battle: A History of Combat and Culture from Ancient Greece to Modern America*, Boulder. CO: Westview Press, 2003.
25. McInnes C. *Hot War, Cold War: The British Army's Way in Warfare 1945–95*. London: Brassey's, 1996.
26. Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, NY: Knopf, 1948.
27. Parker G. *The Grand Strategy of Philip II*, New Haven 1998, CT: Yale University Press.
28. Snyder J. *The Concept of Strategic Culture: Caveat Emptor in C.G. Jacobsen (ed.) Strategic Power: USA/USSR*, New York: St Martin's Press, 1990, Pp. 3–9.
29. Snyder J. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*, RAND R-2154-AF, Santa Monica, CA 1977: The Rand Corporation.
30. Waltz K.N. *Theory of International Relations*, Reading, MA: Addison-Wesley. 1979, P.4.
31. Weigly R.F. *The American Way of War. A History of United States Military Strategy and Policy*, Bloomington: Indiana University Press, 1977.
32. Willems E. *A Way of Life and Death: Three Centuries of Prussian-German Militarism: An Anthropological Approach*. Nashville: Vanderbilt University Press, 1986.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ В РОССИИ

Бочарников Игорь Валентинович

На протяжении длительного времени Российская Федерация подвергается воздействию информационно-психологических, информационно-коммуникативных и иных информационных технологий, направленных на переформатирование общественного сознания.

В последние годы это воздействие обрело характер широкомасштабной информационной агрессии. С учетом того, что к власти в США по итогам президентских выборов 2020 года пришла администрация, ориентированная на утверждение глобального лидерства, в том числе посредством реализации информационных технологий, очевидно, что информационный прессинг России в ближайшие годы станет основным трендом американской внешней политики.

Об усилении информационного прессинга в отношении России и использовании против нее комплекса мер информационно-психологического, информационно-коммуникативного воздействия свидетельствуют как действия новой американской администрации, по сути, реанимировавшие основные параметры «клинтоно-обамовской» стратегии утверждения глобального демократического лидерства, так и положения до-

кументов стратегического планирования США и НАТО, принятые в последнее время.

Так, в частности, в соответствии с «Временными указаниями по стратегии национальной безопасности» от 3 марта 2021 года кибербезопасность определена главным приоритетом администрации Дж. Байдена². Очевидно, что по сложившейся традиции правомерность действий США в этой сфере не подлежат никакому сомнению, даже если они будут нарушать международное право, в то же время любые контрдействия или действия оппонентов по защите своей безопасности и интересов в информационной сфере будут расцениваться американской администрацией как враждебные.

Все это свидетельствует о том, что мир вступил в очередной этап противостояния – «холодную войну – 2.0», в рамках которого именно Россия оказалась на переднем крае противостояния коллективному Западу во главе с США. В рамках этого противостояния применяются как новые технологии, разработанные и разрабатываемые в настоящее время, так и прошедшие апробацию в течение почти полувекового биполярного противостояния в XX веке.

Важнейшим инструментом этого процесса будут апробированные технологии «цветных революций», представляющие собой государственные перевороты, сочетающие как «ненасильственные действия» (*nonviolent actions*), так и силовые технологии противоборства (захват, блокирование и удержание зданий и объектов государственной инфраструктуры, столкновения с силами правопорядка и т.д.). При этом сам по себе алгоритм «революции», под какими бы гуманистическими лозунгами она ни инициировалась, предполагает силовое подавление оппонентов, вплоть до их физического уничтожения³. Это и есть та «умная сила» («*soft power*») Дж. Найя, взятая на вооружение администрацией Б. Обамы, вице-президентом при котором был Дж. Байден, а госсекретарем Х. Клинтон. Следует отметить, что в США теория и практика применения информационно-коммуникативных, информационно-психологических и иных информационных технологий явились достаточно развитыми, проработанными и апробированными формами и способами конкурентной борьбы. Этому были посвящены работы ведущих политологов и аналитиков (Дж. Най, Дж. Шарп, С. Хантингтон и др.), рекомендации которых нашли отражение в документах стратегического планирования США [3].

² В активе данной администрации успешная реализация крупномасштабной дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африке, в рамках проекта «Арабская весна», а также «Украинский майдан – 2014» и ряд других государственных переворотов более мелкого масштаба. *Прим. автора.*

³ Свидетельством тому являются зверские расправы с лидером Ливии М. Каддафи, жителями Одессы в Доме профсоюзов 2 мая 2014 года, а также другие многочисленные примеры подавления инакомыслия. *Прим. автора.*

В то же время, очевидно, что ни Дж. Шарп с Дж. Наем и С. Хантингтоном и уж тем более ни Х. Клинтон с Дж. Байденом не являются авторами этих технологий. Они лишь успешно и удачно их интерпретировали и использовали в определенное время и в определенном месте с целью утверждения американского диктата в ряде стран и регионов мира. В этом плане, очевидно, нужно отдать должное прагматичности американского истеблишмента, его решимости и способности применять на практике далеко не конвенциональные технологии в том случае, если цель оправдывает средства.

Сами технологии, как информационно-психологического воздействия, так и непосредственно государственных переворотов с использованием технологий «инициирования народного гнева», известны с древнейших времен и нашли свое отражение как в библейских источниках, так и трудах мыслителей разных времен от Сунь-цзы до Н. Макиавелли.

Так, в частности, в трактате «Искусство войны» Сунь-цзы отмечал, что вершина воинского искусства заключается не в том, чтобы одержать сто побед в ста битвах, а в том, чтобы повергнуть врага без сражения. «Самая лучшая война, по словам Сунь-цзы, – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осадить крепости» [14, 40].

Эти и другие афоризмы Сунь-цзы нашли свое отражения в стратегиях полководцев различных времен и народов. Актуальны они и в наше время. Своего рода интерпретацией этих стратагем стало малоизвестное высказывание Р. Рейгана о том, что «нет необходимости завоевывать государства, достаточно купить их правительства» или привести к власти ангажированное (уже купленное) правительство. Что в общем то и реализуется в ряде стран, особенно так называемого постсоветского пространства.

Идея несилового влияния развивалась и в древнегреческой политической мысли, в работах мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени: Г. Гроция, И. Канта, А. Токвилля и др.

Одновременно с этим прорабатывались подходы к нейтрализации информационно-коммуникативного воздействия. Наиболее преуспел в этом Н. Макиавелли, который в своем трактате «Государь» изложил, по сути, свод рекомендаций по противодействию дестабилизации внутриполитической ситуации, в том числе посредством информационных технологий, в том виде, в каком они получили развитие в тот период. Именно ему и принадлежит искаженный в последующем постулат «цель оправдывает средства». Вырванная из контекста, упрощенная и извращенная, эта фраза стала основным средством дискредитации личности

выдающегося мыслителя эпохи Возрождения. В действительности же фраза, о которой идет речь в работе «Государь», изложена следующим образом: «Если цель достигнута, если государь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье» [10, 14]. Таким образом, известная ныне трактовка постулата «цель оправдывает средства» являет собой упрощенную и вульгаризированную его интерпретацию. И тем не менее зачастую именно она лежит в основе практических действий, выходящих за рамки норм правового и морально-этического характера.

В XX веке идеи несилового влияния получили развитие в работах А. Грамши, создавшего принципиально новую теорию государства и революции, изложенную в ряде работ, в том числе в «Тюремных тетрадах». По мнению А. Грамши, положение, при котором достигнут необходимый уровень согласия граждан и власти, являет собой «культурную гегемонию», опирающуюся на «культурное ядро» общества, и пока оно стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля». Соответственно подрыв и разрушение «культурного ядра» и «коллективной воли» – главные условия революции [6, 130–143]. Крушение СССР на рубеже 80–90-х годов XX столетия является ярчайшим подтверждением справедливости этого вывода А. Грамши.

Таким образом, информационно-коммуникативные технологии являют собой достаточно разработанную в теории и апробированную на практике совокупность методов и инструментов достижения желаемого результата. Они экономичны и эффективны, доступны и чрезвычайно рентабельны, позволяя с минимальными затратами добиваться больших результатов. Поскольку речь идет о власти тем более на государственном уровне, то всегда будут находиться силы и структуры (как внешние, так и внутренние), стремящиеся к тому, чтобы на волне недовольства, в том числе инспирированного, управлять процессами подрыва внутривнутриполитической стабильности и, соответственно, достижения самой власти.

Вследствие этой своей специфики информационные технологии получили широкое распространение в ходе различного рода революций, государственных и дворцовых переворотов. Показательны в этом плане события Великой Французской революции 1789–1793 годов. Именно под воздействием «вброса» соответствующим образом интерпретированной информации удалось в короткое время дискредитировать правящий режим, мобилизовать значительные массы недовольных людей и направить их на свержение легитимной власти и попрание государственных символов (арест и казнь главы государства, взятие Бастилии и др.). При этом начинавшаяся как протест против абсолютной (королевской) власти и ее произвола, революция закономерно трансформировалась в процесс утверждения диктатуры победившей социальной группы и тер-

рора как формы обеспечения своего господствующего положения в обществе. Со времен Великой Французской буржуазной революции мало что изменилось в технологиях разрушения сложившихся национально-государственных устоев и последующего утверждения насильственных форм подавления инакомыслия. В последующем эти технологии были использованы во всех трех революциях в России 1905 и 1917 годов.

Информационные технологии активно использовались не только в процессе дестабилизации внутривластной ситуации, но и утверждения пришедшего к власти режима. Наиболее эффективно в этом направлении действовали британские колониальные администрации. Особый упор в работе с местным населением делался на насаждение религии, языка, культуры, ценностно-мировоззренческих установок и т.д. Безусловно, в этой своей деятельности англичане преуспели, поскольку английский язык стал родным для населения большинства стран, являвшихся британскими колониями. А это, в свою очередь, формировало соответствующую ментальность населения этих стран, до сих пор воспринимающего Великобританию как неформальную метрополию.

Особым направлением распространения гегемонии явилась торговля, причем не только товарами и услугами общего потребления, но и продукцией неконвенционального характера. Показателен в этом плане пример той же Великобритании, фактически стоявшей у истоков торговли не только рабами, но и наркотиками. Две опиумные войны в Китае, в частности, были направлены на обеспечение беспрепятственной торговли британскими товарами, в том числе опиумом на суверенной территории Китая.

Технологии дестабилизации внутривластной ситуации с целью подрыва основ государственности активно и целенаправленно использовались в России и против России с момента утверждения ее в качестве суверенного государства, претендующего на свою роль в мировой политике. Начиная с периода правления Ивана III, заложившего основы централизованного Российского государства, вплоть до настоящего времени информационные технологии широко и активно используются для сдерживания России и нанесения ей максимального ущерба.

Примечательна в этом плане широкая информационная кампания по очернению России развернутая в середине XVI века. В ряде крупнейших европейских городов в тот период огромным тиражом были изданы «летучие листки», в которых рассказывалось: «Московия – страна тьмы, «...русские – дикари, варвары и царь у них совсем ужас ... у него минимум 50 жен, как в турецком гареме, турки не являются самой страшной угрозой Европе по сравнению с русскими» [1]. Целью этой кампании являлось нанесение ущерба внешнеполитическому

имиджу России. Уже тогда русофобия была настолько развита, что даже само название страны – Россия – не употреблялось, а на европейских географических картах ее территория обозначалась как Московия или Тартария (Татария).

В этот же период произошло и еще одно знаковое событие, заложившее основу раскола единого русского субэтноса по религиозным признакам – Брест-Литовская уния. В ее основе лежало решение ряда епископов Киевской митрополии о принятии католического вероучения и переходе в подчинение римскому папе с одновременным сохранением богослужения на церковнославянском языке [7]. Это стало основой не только для разделения русского населения, оказавшегося на территории Польши, но и противопоставления одной его части другой. Со временем это противопоставление обрело характер религиозно-идеологической экспансии, остановленной в середине XVII века в ходе воссоединения Украины с Россией и вновь реанимированной уже в настоящее время в рамках реализации проекта Украина – АнтиРоссия [13].

Важнейшим маркером любой революции или масштабного антиправительственного выступления является внешняя подпитка. Массовые протестные выступления опирались и опираются не только и не столько на народные массы, являющиеся лишь социальной основой любого движения, а на экономическую, финансовую, дипломатическую, военную и иную помощь внешних сил. Особенно это актуально для России, у которой внешних противников всегда был переизбыток.

Примерами реализации такого подхода были насыщены события Смутного времени 1604–1612 годов, восстания С. Разина и Е. Пугачева, декабристов и т.д. Примечательна в этом плане позиция Екатерины II, воспринявшей восстание на Северном Кавказе шейха Мансура (1785–1791 гг.), как возможные «происки» Турции, с которой Россия тогда находилась в состоянии войны (1788–1791 гг.). Следует отметить, что и сам Е. Пугачев, до того как возглавить восстание в Поволжье и на Урале, был отмечен в ходе русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) на Северном Кавказе, где пытался привлечь на свою сторону казаков-старообрядцев.

Очевидно, именно тогда сформировалась закономерность: как только Россия вступала в войну, против нее тотчас же начинались действия по подрыву внутривнутриполитической стабильности и инициированию бунтов, восстаний и иных антиправительственных акций. При этом особую роль, начиная с XIX века, стали играть средства массовой информации и различного рода антиправительственные издания. Примечательно в этом плане изречение, приписываемое Наполеону, относительно того, что «четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия» [2, 52].

В России долгое время этому ресурсу не придали должного значения, в то же время против нее средства массовой информации и различного рода издания использовались достаточно эффективно. Так, например, в ходе русско-японской войны нельзя было открыть ни одной газеты, ни иностранной, ни отечественной, чтобы не увидеть в них откровенную травлю руководства страны и ее Вооруженных Сил. Крайне негативную роль СМИ сыграли и накануне т.н. «кровавого воскресения» 9 января 1905 года. Накануне власти Санкт-Петербурга, стремясь предотвратить трагедию, выпустили объявление, запрещающее шествие 9 января и предупреждающее об опасности. Но симптоматично, что вся петербургская пресса забастовала именно 9 января. Таким образом, она внесла свой «вклад» в революцию и ее жертвы [4, 16].

Помимо информационной поддержки, антиправительственным силам оказывалась большая финансовая и материальная помощь.

Всякая революция требует оружия и денег, революция в такой стране как Россия – безусловно, больших денег и большого количества оружия. И то, и другое первая русская революция (1905 года) получила от тех, кто в наибольшей степени был заинтересован в дестабилизации ситуации в стране. Больше всех в этом была заинтересована Япония, но не только она. Значительные финансовые средства на революцию 1905 года поступили также из США. По традиции свою подрывную роль сыграла и Великобритания, приняв участие в снабжении революционных группировок оружием.

Основные же финансовые средства шли на финансирование протестной забастовочной деятельности. Во многом это способствовало тому, что если еще в 1904 году забастовочное движение в России носило эпизодический и локальный характер, бастовало менее 5% рабочих ежегодно, то с началом 1905 года, практически одновременно с русско-японской войной, оно приняло массовый характер [4, 15].

Примечательна и роль интеллигенции традиционно сыгравшей роль крайне негативную роль в эскалации внутривнутриполитической нестабильности в стране. Так, например, М. Горький 9 января 1905 года на заседании Вольного Экономического общества заявил: «Сегодня в России началась революция. Шаляпин дает на революцию 1000 рублей, Горький – 1500 рублей...». Примечательно, что и сам печально известный провокатор – поп Гапон – в этот период прятался у М. Горького. Тогда революция не победила, она победила позднее. Правительству удалось сбить революционный накал внутри страны, но войну пришлось спешно завершать, в том числе и на невыгодных для страны условиях. Война в условиях революции закономерно обрекала государство на гибель, что со всей очевидностью и подтвердили события 1917 года. Япония, таким образом, вышла победителем из войны во многом благодаря

подрывной деятельности российской либеральной и революционной общественности.

Масштабная подрывная информационно-пропагандистская деятельность против России была развернута и в годы Первой мировой войны. Именно в ходе нее в 1915 году российской радикальной интеллигенцией во главе с В.И. Лениным был рожден лозунг «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Взяв на вооружение этот преступный по своей сути лозунг, Россия в очередной раз, говоря словами К. Клаузевица, начала побеждать сама себя.

В предвоенные и особенно военные годы, несмотря на массивную антисоветскую информационно-пропагандистскую кампанию руководству государства удалось не допустить масштабной дестабилизации ситуации в стране. Несмотря на то, что в 20–30-х годах в ряде регионов вспыхивали различного рода восстания, а с присоединением Западной Украины и Прибалтики на этих территориях активизировалось антисоветское подполье, тем не менее они носили локальный характер и не оказывали значимого влияния на развитие ситуации в стране. Внутриполитическая стабильность базировалась на повсеместной поддержке населения СССР, искренне верившего в идеалы построения справедливого общества – первого в мире государства рабочих и крестьян. При этом репрессивные меры, хотя и имели место в политической практике предвоенного периода, но не они определяли характер и содержание политических процессов в стране. Ведущими трендами развития СССР являлись преодоление разрухи, индустриализация, ликвидация безграмотности, культурная революция, образование и предоставление равных возможностей всем членам советского общества. Это была действительно Великая идея, в том числе и в плане ее практической реализации и грандиозных преобразований в общественном развитии. Вполне закономерно в этот период в общественном сознании укоренились идеи патриотизма и преданности идеалам социализма.

Заряд патриотизма, полученный советским обществом в рамках построения справедливого общества, в полной мере проявил себя в годы Великой Отечественной войны. На защиту с агрессором поднялась вся страна и весь многонациональный народ. Ставка на коллаборционизм и инспирирование антисоветских выступлений не оправдалась. Хотя сотрудничество с оккупационными властями и имело место, но оно не было массовым. Напротив, массовым был героизм советских людей, как на фронте, так и в тылу. Победа в Великой Отечественной войне явилась эпохальным событием, в том числе в плане консолидации советского общества. В то же время потенциал, полученный в ходе Великой Отечественной войны, не был использован и направлен на эффективное развитие общества в последующем.

Окончание Второй мировой войны знаменовало собой начало новой войны – «холодной», предвестники которой прозвучали еще в выступлении Черчилля в Фултоне в марте 1946 года, сам же старт был задан обнародованием Стратегии Г. Трумена 1947 года, которой был определен внешнеполитический курс на конфронтацию с СССР во всех сферах мировой политики: военной, экономической, технологической и др. Наиболее же жестким являлось противоборство в информационной сфере.

Осознание представителями американской администрации того факта, что победить Советский Союз в открытом противостоянии (даже посредством ядерного шантажа) невозможно побудило к поиску наиболее уязвимых сфер жизнедеятельности советского общества.

Именно тогда военно-политическим руководством США была сделана установка на информационно-психологическое воздействие на население СССР, цель которого, по признанию директора ЦРУ А. Даллеса, заключалась в том, чтобы «внедрить в его сознание ложные ценности». С этой целью стали активно использоваться и непосредственно технологии психологической войны, являющие собой, согласно американским наставлениям в этой области, «мероприятия, оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных иностранных групп с целью поддержки национальной политики» [8].

Все это в конечном итоге сыграло знаковую роль в плане реализации целей и задач американской внешней политики, обеспечив подрыв мировоззренческих основ государственности СССР и его союзников.

В то же время, очевидно, что в значительной мере успешной реализации этих целей способствовало и само советское руководство после смерти И.В. Сталина. Вовлеченные в борьбу за власть в партии и государстве представители высшей партийной и политической элиты не сумели адекватно отреагировать на новые угрозы в сфере государственной безопасности. Хотя именно в тот период общество и государство нуждалось в консолидации и отражении угроз уже иного характера – информационного, информационно-психологического. Тем не менее приоритетом для советского руководства стала борьба за власть внутри страны, поэтому информационные угрозы в тот период были не просто проигнорированы, а еще более усилены деятельностью Н.С. Хрущева и его окружения, активно использовавшего инструменты информационного противоборства в борьбе за власть и утверждение своих позиций. Важнейшей спецификой его деятельности в этом направлении стало очернение предшествующего советского руководства и его политики. По сути, шло реформативное переформатирование общественного сознания с целью отторжения предшествующего опыта социалистического строительства и

восприятия новой политики – политики самого Хрущева как продолжения «ленинского курса».

В русле достижения этой цели шла целенаправленная дискредитация не только И.В. Сталина, но и всей политики Советского государства предвоенного периода, несмотря на то, что сам Хрущев был одним из активных участников событий и процессов того времени. Чего, например, стоит известный инцидент со списком «врагов народа», подготовленный Н.С. Хрущевым в бытность его первым секретарем Московского комитета партии, на котором И.В. Сталин поставил резолюцию – «уймись, Никита». Да и в годы Великой Отечественной войны роль Н.С. Хрущева была далеко неоднозначна. По крайней мере, два наиболее знаковых поражения Красной армии в годы войны – организация обороны г. Киева в 1941 году и контрнаступление под Харьковом в мае 1942 года войсками Юго-Западного фронта – были связаны с управленческой деятельностью Н.С. Хрущева. В первом случае он являлся первым секретарем Компартии Украины, а во втором – членом военного совета Юго-Западного фронта. Потери советских войск в результате «киевского котла» составили более 450 тыс. человек, поражение же под Харьковом привело к гибели более 200 тыс. человек. Н.С. Хрущев, как один из руководителей этих провальных операций, должен был понести ответственность. Но не понес.

Апогеем борьбы Хрущева с предшествующим периодом развития Советского государства стал его доклад на XX съезде КПСС, в котором И.В. Сталин был обвинен во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, искажениях ленинского курса, массовых репрессиях и т.д. Именно на И.В. Сталина Хрущев в этом своем докладе возложил ответственность за эти и другие поражения начального периода войны. В целом же деятельности И.В. Сталина в течение всего периода войны в докладе Хрущева была дана уничижительная оценка. Оскорбительными в этом плане стали, например, его утверждения о том, что «Сталин разрабатывал операции на глобусе» [12]. Эти и другие пассажи, каковых в докладе было предостаточно, являли собой не только осознанную ложь и клевету, но и реализацию технологии информационно-психологического воздействия, направленного на формирование соответствующего общественного мнения.

По сути, это был государственный переворот в информационно-идеологической сфере, сфере массового сознания. Дезориентированное общество оказалось восприимчиво к любой информации, а его сознание стало постепенно заполняться специально отобранной и обработанной информацией антисоветского содержания.

Таким образом, именно Н.С. Хрущев в борьбе за власть нанес мощнейший удар по фундаменту советской государственности. Едва ли

сам он отдавал себе отчет и предвидел последствия своей политики. По всей видимости, он действительно преследовал исключительно конъюнктурные цели, но итоги его деятельности оказались куда более масштабными и разрушительными. Н.С. Хрущев спровоцировал кризис легитимности Советского руководства и власти в целом. Ее перестали воспринимать как общенародную. Начиная с Хрущева и его «оттепели», советское общество оказалось поражено нигилизмом, недоверием власти. Все это взорвалось через 25 лет во время уже другой «оттепели» – «горбачевской» – окончательно подорвавшей ценностно-мировоззренческие основы советской государственности.

При этом, если объектом очернения и фальсификации Н.С. Хрущевым был взят только сталинский период, то М.С. Горбачев и его окружение поставили под сомнение легитимность уже всей советской государственности. Особую значимость в подрыве ценностно-мировоззренческих основ имело инициирование широкого обсуждения проблем во взаимоотношениях представителей различных народов, способствовавшее разжиганию межэтнической розни и неприязни. Практически каждый народ по итогам этих «дискуссий» в СССР оказался «угнетенным», «ущемленным» и подверженным различного рода притеснениям и историческим обидам. Все это в конечном итоге спровоцировало серию межнациональных конфликтов в стране, жертвами которых стали сотни тысяч человек.

Трудно сказать, были ли осознанными действия Хрущева и Горбачева. Но фактом является то, что именно их деятельность привела к крушению одного из ведущих государств мирового сообщества. По сути, это стало демонстрацией того, что использование информационных технологий в корыстных целях закономерно ведет к дестабилизации и разрушению социально-политической системы. Понимание этого чрезвычайно значимо для того, чтобы предотвратить в последующем подобного рода «оттепели» и «перестройки» с предсказуемыми перспективами.

Мы до сих пор стесняемся осмыслить и осветить процессы, происходившие в СССР на рубеже 80–90 годов XX, равно как и события 50-х годов XX столетия. Тем не менее выводы из анализа деструктивной деятельности высших должностных лиц должны быть сделаны, поскольку нанесенный ими ущерб превзошел катастрофические последствия таких эпохальных событий, как Великая Октябрьская революция и Великая Отечественная война.

Одновременно с этим информационные технологии для ослабления СССР использовали и США со своими сателлитами. Еще в конце 60-х годов в обиход представителей американской администрации вошло выражение «Карфаген должен быть уничтожен», ставшее лейтмотивом

тивом политики США по отношению к Советскому Союзу. Для реализации этой цели был использован целый набор технологий. В плане информационно-психологического воздействия значимую роль сыграла сеть пропагандистско-информационных центров вещания, направленных на СССР. Несомненным успехом такого подхода можно назвать радиовещание «Голоса Америки», радио «Свобода», «Немецкая волна», ВВС, а также поддержка диссидентского движения и содействие реализации программы «Самиздат» посредством издания за границей антисоветской литературы. В результате на протяжении десятилетий СССР подвергался информационному прессингу.

К концу 80-х годов прошлого века в политической практике США и их союзников была выработана достаточно эффективная технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах.

Следствием этого стала череда бархатных революций в странах Восточной и Центральной Европы, приведших к власти антисоветские режимы, а затем и крушение СССР и окончание «холодной войны», победу в которой американцы приписали себе, учредив соответствующую медаль. Формально же завершение «холодной войны» произошло посредством подписания российско-американской декларации в Кэмп-Дэвиде (США) Б. Ельциным и Дж. Бушем 1 февраля 1992 года. Американцы были настолько довольны итогами завершившейся войны, что поместили портрет Б.Ельцина на обложке журнала «Times» с американским флажком в руке.

Для СССР и России последствия этой декларации были катастрофическими. Россия в очередной раз победила, выражаясь словами К. Клаузевица, сама себя, вследствие ничтожности и предательства ее политической «элиты» и массивной обработки и реформатирования общественного сознания. На защиту Советской Родины, как это было в годы Великой Отечественной войны, народ уже не поднялся.

Итоги «холодной войны», таким образом, определили чрезвычайную значимость применения сил и средств невооруженного воздействия на противника (оппонента) в процессе военно-политического противостояния.

В то же время, несмотря на масштабность целей и эффективность сил и средств невооруженного воздействия, на практике их реализация в рамках биполярного противостояния знаменовала собой лишь предысторию реализации стратегии информационно-коммуникативного противоборства. По-настоящему же ее технологии стали использоваться с начала 1990-х годов, то есть именно тогда, когда были разработаны теоретические положения концепции «мягкой силы», принятой в качестве основы для планирования и реализации внешнеполитической стратегии США.

Обращает на себя внимание также и то, что именно в этот период прозвучала известная речь президента США Дж. Буша-ст. о «Новом мировом порядке». В своем Послании к Конгрессу США 11 сентября 1990 г. он, в частности, заявил «о возможности перехода к Новому мировому порядку». При этом в самом тексте Послания нашли отражение сформулированные Дж. Наем положения о привлекательности США и проводимой ими политики по утверждению демократических ценностей, прав и свобод.

В тот период мало кто обратил внимание, на то, что, по сути, имела место декларация стремления США к гегемонии не только в ключевых регионах мира, но и на глобальном уровне.

Идеи мирового лидерства стали в дальнейшем основой внешнеполитического курса США и были декларированы в документах оперативно-стратегического планирования, в том числе в Стратегии национальной безопасности США 1994 г. («Стратегия национальной безопасности участия и расширения»), к разработке которой Дж. Най имел непосредственное отношение.

Особое место в реализации стратегий «расширения и утверждения» демократии имела Россия, в отношении которой, несмотря на декларируемое партнерство, был реализован весь спектр инструментов и технологий «мягкой силы» с целью дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране и подчинения ее органов власти внешним органам управления, прежде всего МВФ, а также другим наднациональным структурам.

Особую роль в информационно-психологической обработке населения России сыграли так называемые «соросовские» гранты, по имени американского миллиардера Дж. Сороса. Осуществлявшиеся под предлогом оказания финансовой помощи представителям научного сообщества, оказавшегося в условиях жесточайшего финансово-экономического кризиса, эти гранты имели избирательный характер и присуждались только тем, кто историю России и, особенно ее советского периода, отражал исключительно в негативном аспекте. Таким образом, по сути, осуществлялась идеологическая обработка, прежде всего, научно-педагогического сообщества России, которое в последующем и должно было принимать непосредственное участие в фальсификации истории своей страны. И оно действительно принимало, в силу того что к этому времени уже были подготовлены учебники по истории страны с так называемым «плюралистическим» подходом, предполагающим многовариантность ее толкования. Результатом этого процесса стало то, что вся история СССР воспринималась не иначе как история тоталитарного режима, переход от которого к демократии является величайшим достижением современного российского общества, не взи-

рая на беспрецедентный рост преступности и беззакония, обнищание подавляющей части населения страны, эскалацию этноконфессиональной конфликтности, появление экстремизма, девальвацию духовно-нравственных ценностей и проявления иных суррогатов переходного периода. При этом все позитивное, имевшее место в советский период истории России или же замалчивалось, или же осознанно искажалось. В итоге Дж. Соросу и финансируемым им структурам, признанными в последующем организациями, выполняющим функции иностранного агента, удалось скорректировать содержание информационных источников, связанных с формированием мировоззрения российских граждан и общества.

В этот же период начинается реализация на практике разработанной ЦРУ в 1999 году технологии «инициирования народного гнева». Первой жертвой ее реализации стала Югославия в ходе т.н. «бульдозерной» революции 6 октября 2000 года, подготовленной с участием американских спецслужб и НПО (неправительственных организаций). В результате успешного ее проведения к власти в стране пришли представители проамериканских политических сил.

В дальнейшем «югославский» сценарий стал образцом для реализации масштабных проектов по свержению легитимной власти в ряде стран постсоветского пространства, а также на Ближнем Востоке, в Африке, Азии и Латинской Америки, организованные США и Великобританией или при их значительной поддержке. Среди наиболее значимых успешных реализованных проектов следует отметить: «Революцию роз» в Грузии в 2003 году; «Оранжевую революцию» в 2004 году и «Революцию гідності» в 2014 году на Украине; «Тюльпановую» в 2005 году, «Дынную» в 2010 году и «Третью революцию» в 2020 году в Киргизии; «Сиреневую революцию» в 2009 году в Молдавии; «Революцию розеток» в 2015 году и «Абрикосовую революцию» в 2018 году в Армении.

Перечень цветных революций следует также дополнить и неудавшимися государственными переворотами, проводившимися по их сценарию в России в 2011–2012 годах, в Иране в 2011 и 2018 годах, в Венесуэле в 2014 году, в Китае (Гонконге) в 2014 году, в Белоруссии в 2020 году, Казахстане в начале 2022 года и др.

За два с лишним десятилетия, прошедших с момента первой (бульдозерной) революции, технологии ее подготовки, организации и реализации постоянно совершенствовались и, как показали события в Казахстане в 2022 году, совершенствуются. При этом, несмотря на специфику государств, в которых они проводились, общим для всех «цветных революций» является определенный набор маркеров, определяющих их сущностные признаки и специфику. Наиболее очевидными таковыми маркерами являются:

1. **Использование политических технологий дестабилизации внутривнутриполитической ситуации** в стране – объекте государственного переворота, дискредитация ее политического режима, парализация органов власти, управления, обеспечения безопасности и правопорядка.

2. **Формирование условий и среды, благоприятных к проведению цветной революции.**

В ходе подготовки цветной революции реализуются меры по дезинтеграции политического пространства, противопоставлению основных политических сил друг другу, дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и обеспечении контроля над развитием ситуации различного рода стэйкхолдеров (заинтересованных структур).

3. **Концентрация ресурсов в подготовке к осуществлению цветной революции.**

Особую роль в этом плане играют государственные структуры, в которые на различные должности, продвигаются лица так или иначе связанные с деятельностью как иностранных спецслужб, так и оппозиционных структур, с тем, чтобы в необходимый момент или же парализовать деятельность по обеспечению правопорядка и безопасности или же сделать их неэффективными.

4. **Финансирование несистемной оппозиции, осуществляемое под предлогом подготовки проведения каких-либо гуманитарных акций, правозащитных мероприятий, активизации гражданского общества** и т.д.

Ведущую роль в спонсорстве деятельности различного рода антиправительственных структур играет Госдепартамент США. Помимо этого в финансировании оппозиционных организаций применительно к России участвуют и соответствующие службы Великобритании, Германии, Польши и некоторых других, «заинтересованных» стран.

Активное участие в финансировании НКО – «иноагентов» принимают и различного рода частные и неправительственные зарубежные фонды и организации. Значительную роль в подготовке государственных переворотов в Грузии, Киргизии, Армении, на Украине и в других странах постсоветского пространства, в частности, сыграли такие структуры, как «Национальный институт демократии», «Национальный фонд в поддержку демократии», «Открытое общество» (Дж. Сороса) и др.

5. **Подготовка ударной силы «цветной революции» – «активистов»,** прошедших подготовку в ходе различного рода тренингов и семинаров, как правило, на территории Польши, Литвы и некоторых других восточноевропейских стран. При этом посольства США и стран, находящихся в орбите их влияния, становятся штабами по координации протестных антиправительственных действий.

6. Мобилизация населения на антиправительственные выступления посредством использования резонансных событий таких например, как принятие непопулярных законов, подписание соглашения (Украина), наличие сакральных жертв, скандалы с участием представителей политической элиты и т.д.

Особую значимость в мобилизации населения обретают избирательные кампании. Поэтому проведение революции зачастую приурочивается к выборам в высшие органы государственной власти. Результаты этих выборов заблаговременно объявляются сфальсифицированными, выдвигаются требования пересчетов, перевыборов, вплоть до достижения искомого результата – прихода к власти радикальной оппозиции.

7. Важнейшим маркером «цветной революции» является реализация комплекса мер по информационному обеспечению и информационному сопровождению как самого государственного переворота, так и утверждения во власти представителей нового политического режима.

Для достижения этих целей обеспечивается контроль над наиболее популярными, особенно в молодежной среде, масс-медиа, и обеспечивается поддержка со стороны мировых (американских) СМИ. Одновременно с этим осуществляется блокировка правительственных информационных ресурсов и их дискредитация.

Особую значимость на данном этапе обретает процесс фейкизации, освещения событий и процессов в выгодном для инициаторов и руководителей протестных акций ракурсе. Сам по себе процесс государственного переворота освещается не иначе как «волеизъявление народа», несмотря на сопутствующие погромы и иные правонарушения, особенно, если они направлены против органов власти и правопорядка. В тоже время любые попытки противодействия массовым беспорядкам, освещаются как необоснованно жестокое насилие по отношению к инакомыслящим, нарушение Конституции, прав человека и т.д.

Анализ всех наиболее значимых цветных переворотов, как состоявшихся, так и провалившихся свидетельствует о том, что данный набор маркеров, свойственен большинству процессов данной категории.

Столь же обобщенным является и апробированный на практике алгоритм «цветных революций». Его основными этапами является:

1. Выявление энергетического потенциала общественных групп, способных участвовать в протестных акциях.

Как правило, это различного рода молодежные объединения, студенчество, члены радикальных группировок как левого, так и правого толка, представители националистических структур и иных образований, объединенных на почве мнимого или явного ущемления прав и интересов их членов.

2. Определение политических объединений, способных стать двигателем политического протеста.

В случае отсутствия таковых формируются новые или же интегрируются существующие потенциально протестные группировки под общим «революционным» брендом («Хмара», «Отпор», «Зубр» и т.д.). Одновременно с этим в военизированных молодежных лагерях с помощью специальных тренингов готовятся «ударные силы революции» – боевики, способные противостоять силам правопорядка и безопасности.

3. Выстраивание цепочки практических целей, максимально приближенных к реальным требованиям масс.

Это могут быть требования социально-экономического характера, пересмотра тех или иных непопулярных законов и иных актов, расширение прав и свобод, особенно в части деятельности СМИ и обеспечения контроля над властными структурами со стороны представителей оппозиции, освобождение от ответственности за нарушения правопорядка в ходе протестных акций и т.д. По мере уступок органов власти представителям протестной общественности эти требования все более радикализуются.

4. Обеспечение преимущества оппозиции в электронных СМИ внутри страны, а также поддержка оппозиции в международных СМИ.

С этой целью при штабах оппозиции формируется пул лояльных СМИ или же создаются специально под конкретную революцию различного рода телеграмм-каналы, освещающие ход событий в режиме реального времени. Примером такого канала стал белорусский «NEXTA», созданный еще в 2015 году, но наибольшую популярность обретший в ходе неудавшегося государственного переворота в Белоруссии в августе 2020 года.

5. Проведение различного рода зрелищных массовых действий для пробуждения недовольных к активности.

Перечень подобного рода мероприятий обширен и включает меры эмоционально-психологического воздействия. В систематизированном виде он представлен в известной методичке Дж. Шарпа «198 методов ненасильственных действий», ставшей, по сути, пособием по государственным переворотам. Именно Шарп, в частности, предложил в качестве общественных актов использовать предметы символических цветов, что предопределило символизм цветных революций. Среди других наиболее распространенных акций, предложенных Дж. Шарпом, выделяются такие, как ношение символов; молитвы и богослужения; символическое зажигание огней (факелы, фонари, свечи); сакральные жертвы и т.д.

Анализ всех известных, цветных революций (начиная с первой – «революции гвоздик» в Португалии в 1974 году) свидетельствует о том,

что этот набор форм и методов, дестабилизации ситуации, предложенный Дж. Шарпом, по сути, является исчерпывающим и неизменным. Это позволяет прогнозировать действия лидеров протестных акций с целью снижения эффекта или же нейтрализации применения данных технологий дестабилизации.

Апогеем революции становятся массовые антиправительственные выступления и протесты, под давлением которых власть должна или пойти на перевыборы (досрочные выборы) с запрограммированным успехом для оппозиции или уйти в отставку. В противном случае принимаются меры по силовому отстранению от власти с обязательным возбуждением уголовного преследования в отношении представителей «антинародного режима», как это было в отношении президентов Киргизии А. Акаева в 2005 году и К. Бакиева в 2010 году, а также президента Украины В. Януковича в 2014 году.

По мере утверждения во власти лидеров протестного движения начинается насаждение идеологии победившей революции. Ее «ценности» становятся превалирующим над всеми остальными политико-правовыми нормами. При этом новая идеология нередко обретает характер национальной исключительности, граничащей с нацизмом, как на Украине. Одновременно с этим происходит мифологизация самой революции, героизация ее участников («небесная сотня», ветераны Майдана), насаждение в массовом сознании безальтернативности революции, ее справедливости и прогрессивности, несмотря на многочисленные жертвы и преступления ее участников.

В последующем происходит концентрация внимания на «происки» внешних сил и внутренних врагов революции, начинается расправа со сторонниками свергнутого режима и всеми инакомыслящими. неотъемлемым элементом становления режима победившей революции является люстрация, «чистки» в государственном аппарате. Через некоторое время после эйфории от победы режим победившей революции обретает черты авторитарного или даже тоталитарного типа.

Главным же итогом цветных революций является переход государств, в котором они произошли, под внешнее управление США как их основного бенефициара. Это основной и закономерный итог всех цветных революций, реализуемых в последние десятилетия.

Другим не малозначимым выводом является то, что от проявлений цветных революций не застрахованы никакие, даже самые стабильные и благополучные, государства. Посредством различного рода технологий можно обрушить ситуацию в любой стране, даже самой успешной и благополучной.

В то же время жесткое и своевременное противодействие и пресечение попыток дестабилизации внутривнутриполитической ситуации делает

невозможным реализацию сценария цветной революции. Об этом свидетельствуют несостоявшиеся революции в России, Иране, Венесуэле, Белоруссии, Казахстане и в некоторых других странах. Само по себе силовое воздействие против разрушения конституционных основ государственности, безусловно, оправдано как с политико-правовой, так и с морально-нравственной позиции. Но при этом необходимо осознавать, что силовое пресечение государственного переворота – это крайняя мера. Более значимыми и эффективными являются меры предупредительного характера.

Очевидно, что технологиям государственных переворотов можно противопоставить только технологии такого же уровня. Сценарии цветных революций повторяются практически в каждой стране с незначительными отклонениями, обусловленными этноконфессиональной спецификой населения. Это позволяет прогнозировать применение технологий дестабилизации внутриполитической ситуации и принимать меры по их нейтрализации на как можно раннем этапе. Любые действия деструктивного характера легче предотвратить, чем устранять их последствия. Мы знаем симптомы подготовки цветной революции, а следовательно, знаем или должны знать, как на них реагировать.

Предупреждение возможности государственного переворота предполагает, прежде всего, реализацию системы мер, направленных на формирование информационно-психологического иммунитета населения страны. Это определяет необходимость институализации в общественном сознании общенациональной патриотической, государственнической идеологии, утверждения идей государственности и патриотизма в качестве основополагающих императивов общественного сознания, не подверженного конъюнктурным колебаниям и обладающего иммунитетом от внешнего ангажированного воздействия.

Решение этих задач, в свою очередь, предполагает реализацию комплекса мер, связанных с процессом, о котором у нас по-прежнему «стесняются» говорить – воспитанием и, в первую очередь, воспитанием молодого поколения.

Уместно в этой связи привести известное высказывание О. Бисмарка: «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». А китайцы, в свою очередь, добавляют: «Если вы хотите победить врага – воспитывайте его детей». И это, действительно, так. Если мы хотим, чтобы у страны было будущее, его нужно формировать сейчас и начинать с детских садов и школ, продолжая этот процесс непрерывно, вплоть до становления личности гражданина страны. Это является необходимым условием эффективного развития и государства, и общества.

Очевидно, что важнейшим трендом современного развития мирового сообщества является битва за умы. Мы не имеем права эту битву

проиграть. Между тем, российская система образования, начиная с до-революционных времен и вплоть до сегодняшнего дня, ориентирована на «европейскость». Мы не десятилетиями, а столетиями изучаем западную философию, социологию, политологию, вариант «норманнской теории» истории России и т.д. Иными словами, мы сами добровольно формируем мировоззрение западноцентричной – нероссийской личности. В то же время работы наших отечественных мыслителей Л.Н. Гумилева, Н.Я. Данилевского, А.А. Зиновьева, И.А. Ильина, Н.И. Костомарова, К.Н. Леонтьева, П.Н. Савицкого, Б.Н. Чичерина и многих других ни в вузах, ни тем более в школах не изучаются. Российская научная мысль фактически изгнана из учебного процесса и является лишь достоянием узкого круга специалистов. В этих условиях говорить о формировании российской ментальности не приходится. Поскольку, более чем очевидно, что незнание порождает не понимание, которое в свое очередь формирует отторжение.

Еще одним направлением формирования отечественной интеллигенции. Невнимание к этим процессам способствовало формированию целого пласта представителей русофобствующих представителей интеллигенции возложивших на себя миссию борьбы с политическим режимом в России, да и с самой Россией. Примечательно, что, когда в свое время Л.Н. Гумилева спросили, является ли он интеллигентом, он ответил отрицательно, потому, как продолжил Лев Николаевич, «у меня есть профессия, и я люблю Родину». Современная же российская интеллигенция, по его словам, «это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всём судят и совершенно не приемлют инакомыслия» [9]. Думается, что проблема не в самой интеллигенции, а в искаженном восприятии той социальной группы, которая себя соотносит с ней. Интеллигенция предполагает ответственность за духовно-нравственное состояние общества и его граждан, а не внедрение деструктивных идеологем, разрушающих социум.

Поэтому интеллигенция – это все же не наш поповый бомонд, не актеры с актрисами, хотя среди них много интеллигентных людей, не литераторы, написавшие за всю свою творческую жизнь одну единственную книжку, и не отставные политики, позиционирующие себя в качестве выразителей общественной и гражданской позиции. Интеллигенция – это те люди, которые создают и утверждают духовные ценности. Это учителя, инженеры, врачи, представители иных профессий воспроизводящих продукцию общественного блага. И именно эта часть должна определять императивы общественного развития, а не представители шоу-бизнеса, готовые за деньги продвигать любые «ценности», в том числе и антироссийские.

Важнейшим направлением противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации является реализация эффективной не только внутренней, но и внешней политики. Любые провалы на международном уровне крайне пагубно отражаются на авторитете государственной власти и доверии к ней со стороны граждан и общества.

Имеющийся у России потенциал, восстановленный за последние годы статус нашей державы в международной системе, позволяют ставить перед нашей внешней политикой принципиально новые задачи. Современная трансформация мирового порядка, закат Pax Americana и деградация в целом западнцентричного, ориентированного на Европу мирового порядка определяет необходимость конкретизации основных положений внешнеполитической стратегии России. Формирующееся в настоящее время благоприятное сочетание объективных и субъективных факторов позволяет России претендовать на роль международного лидера в решении исторической задачи восстановления управляемости современного мира, выстраивания нового миропорядка на десятилетия вперед.

Важнейшим направлением трансформации современного мирового порядка является утверждение альтернативы «миру по-американски». Снижение международного авторитета США сужает их возможности по подготовке и осуществлению цветных революций в других странах, в том числе и в России.

Все это – мероприятия долговременного характера. В то же время чрезвычайную актуальность обретают меры оперативного реагирования на формирующиеся риски и угрозы. Речь идет, прежде всего, о предупреждении и нейтрализации реализации технологий дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. Решение этой задачи предполагает знание и понимание этих технологий, а также возможностей использования их не на разрушение, а, напротив, на противодействие разрушению. Поэтому в данном случае методичка Дж. Шарпа, являющаяся катехизисом для революционеров XXI столетия, а также иные работы по проблематике, связанной с дестабилизацией внутривнутриполитической ситуации, должны сыграть свою роль в противодействии иницированию цветных революций.

Помимо этого, чрезвычайно значимо определение статуса лиц, принимающих участие и готовых принять участие в государственном перевороте посредством цветной революции. Относить их к оппозиции неправомерно. Оппозицией можно считать только тех лиц, которые выражают свое несогласие в рамках существующего правового поля. Если же речь идет о сломе государственной системы или о попытках этого, то расценивать эту деятельность целесообразно как экстремистскую, и именно в этом ракурсе эти процессы и лица, в них участвующие, должны

восприниматься государством и обществом. В данном случае примером являются США, где после событий 6 января 2021 года – захвата Капитолия протестующими против итогов президентских выборов, более 450 человек привлечены к ответственности, более 150 человек находятся под арестом с угрозой тюремного заключения от 15 до 25 лет по обвинению в мятеже и других преступлениях.

Еще одним направлением противодействия дестабилизации и попыток цветных революций под патронажем США является контроль за средствами, выделяемых американским бюджетом на финансирование протестных групп в других странах. Очевидно, было бы целесообразно с учетом высоких рисков и потенциальных угроз, которые несет в себе деятельность организаций и структур, относящихся к категории «иностранных агентов», применить по отношению к ним порядок прогрессивного налогообложения. Помимо этого, необходимо сделать финансовую отчетность данных организаций максимально прозрачной, по крайней для самих же американцев, с учетом того, что финансирование этих групп осуществляется за счет средств американских налогоплательщиков. Все это, безусловно, должно сыграть роль в снижении масштабов их финансирования и, соответственно, деструктивной деятельности.

Наконец, чрезвычайно значимым направлением противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации является дегероизация лидеров подобного рода структур и групп, развенчание их ореола «романтизма».

Это далеко не полный перечень мер, которые можно применить для обеспечения национальной безопасности, в то же время их комплексное и системное использование будет способствовать успешному противодействию дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Российской Федерации, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Литература и источники:

1. Антироссийские санкции: история и современность / Гришин В.И., Гришина О.А., Жидких В.А., Кошкин А.П., Бочарников И.В. Информационно-аналитический вестник / Москва, 2016. Выпуск 7.
2. Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда. М., 1980.
3. Бочарников И.В. Россия в документах стратегического планирования США и НАТО. В кн. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах. М., 2015.
4. Бочарников И.В. Николай II. Хозяин Земли Русской // Человеческий капитал. 2018. № 4.
5. Бочарников И.В. Украинский кризис как элемент пояса стратегического окружения России // ВВ: Международные отношения. 2014. № 4. С. 7–32.
6. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.

7. Грамши А. Тюремные тетради. / Грамши А. Избранные произведения в трех томах. М.: Политиздат, 1956–1959. Т. 3. С. 130–143.
8. Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Издательство МГУ, 2003
9. Кара-Мурза С.Г. Управление массовым сознанием: психологическая война. <https://rusrand.ru/analytics/upravlenie-massovym-soznaniem-psihologicheskaja-vojna>.
10. Л.Н. Гумилёв об интеллигенции. <https://fabulae.ru/note.php?id=52280>.
11. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.
12. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.
13. Н.С.Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС 24–25 февраля 1956 г. <http://www.agitclub.ru/spezhran/hruzev1.htm>.
14. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования //Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
15. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.
16. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2012;
17. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭИ, 2003.
18. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.
19. Nye J. (Jr.) Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs (July/August, 2009).

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – КАК ОДНО ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Кандыбович Сергей Львович
Разина Татьяна Валерьевна*

Задача обеспечения национальной безопасности на сегодняшний день является одной из первоочередных в любом современном государстве. Неслучайно одним из знаковых событий внутриполитической жизни в России, летом 2021 года стал Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [13]. На сегодняшний день это базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

В качестве основных угроз национальной безопасности Российской Федерации рассматриваются как внешние, так и внутренние угрозы, хотя, безусловно, в современном мире, довольно сложно провести четкую границу между ними. Внешние угрозы, связанные с увеличением центров мирового экономического и политического развития, появлением новых стран-лидеров, стремлением Запада сохранить свою гегемонию, стремлением транснациональных корпораций ограничить роль государств так или иначе приводят к возникновению и развитию внутренних довольно опасных явлений и тенденций: усиления радикальных и экстремистских настроений, игнорирования и откровенного попрания традиционных ценностей, возникновения политических, религиозных и общественных течений, деструктивных по своей сути, а также направленных на снижение гражданской активности в российском обществе, переключения внимания населения в зону псевдоинтересов и псевдоценностей. Если говорить более конкретно, нам всем, к сожалению, хорошо известны современные тенденции в образе жизни и в мировоззрении ряда россиян, которые были инкорпорированы на российскую почву из стран Запада и которые нашли отклик в первую очередь среди молодежи. Это различного рода аддиктивное поведение (в том числе зависимость от современных информационных техноло-

гий, гаджетов), доминирование гедонистических ценностей и идеологии потребления, инфантилизм, социальное паразитирование, отсутствие жизненных целей и ценностей, игнорирование социальной и общественной жизни [1]. Все это, безусловно, направлено на расшатывание основ нашей государственности.

Основными факторами, определяющими положение и роль Российской Федерации в мире в долгосрочной перспективе, становятся высокое качество человеческого потенциала, способность обеспечить технологическое лидерство, эффективность государственного управления и перевод экономики на новую технологическую основу.

Сущностью этой новой технологической основы является в первую очередь внедрение информационных технологий не только во все области профессиональной деятельности, но и во все сферы жизнедеятельности человека. Повсеместное использование цифровых технологий становится необходимым шагом, который позволит обеспечить конкурентоспособность отечественного производства и существенно повысить уровень жизни наших граждан. Тем не менее у данных процессов существует и обратная сторона. Как уже было показано в многочисленных исследованиях, информационные технологии трансформируют не только способы и средства производства [7], но и само сознание человека [3], его мышление и познавательные процессы [14], мотивацию [11], ценности [1] и это, в свою очередь, может стать фактором, повышающим риски возникновения болезненных состояний (эмоционального выгорания, истощения, перенапряжения, техностресса [2, 13] и т.д.), при отсутствии исследований в области психогигиены труда в условиях информационной технологической среды. Масштаб внедрения информационных технологий позволяет предположить резкий рост числа подобного рода побочных явлений, что в глобальной перспективе способно привести к снижению качества человеческого потенциала, и как следствие – замедлению темпов экономического роста. Сферой особого внимания в этом отношении должно стать отечественное образование. С одной стороны, обучение цифровым технологиям и обучение с использованием цифровых технологий является необходимым на современном этапе, но при этом именно молодежь является самой уязвимой в отношении информационной опасности. Именно поэтому информатизация образования должна вестись с опорой на последние научные исследования процессов развития психики в цифровой среде [8].

Второй особенностью новой технологической реальности является информационная уязвимость всех сфер жизни человека. Хакерские компьютерные атаки (в том числе с территорий иностранных государств), нарушение неприкосновенности и тайны персональных данных, промышленный и военный шпионаж, использование в проти-

воправных целях цифровых валют, распространение заведомо ложной информации, а также информации суггестивного характера – вот лишь немногие следствия широкой информатизации, темпы которой продолжают нарастать в производственной, общественной и частной жизни. Эти проблемы практически сразу поставили и ставят задачи обеспечения информационной безопасности всех сфер жизни общества.

Поэтому неслучайно в Стратегии национальной безопасности РФ, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия является одним из важнейших национальных интересов, а информационная безопасность выступает одним из стратегических национальных приоритетов [13, 9].

Достижение цели обеспечения информационной безопасности в стратегии предполагается за счет реализации государственной политики, направленной на решение ряда задач. В первую очередь это формирование безопасной информационной среды и оборота достоверной информации. Для нас крайне важно, чтобы в информационном пространстве, в сети Интернет, в том числе в процессе поиска приоритет имели те информационные ресурсы, которые отражают государственную позицию по тем или иным вопросам. Также важно и предотвращение деструктивных суггестивных воздействий на население за счет выявления и нейтрализации деструктивных информационных ресурсов, как российских, так и зарубежных. Большое значение приобретает и повышение качества защиты персональных данных и при этом важную роль играет формирование цифровой грамотности населения, поскольку утечки информации и различные (в первую очередь экономические) преступления в цифровой среде происходят и из-за недостаточной осведомленности и компьютерной грамотности людей.

Важнейшую роль играет и развитие сил и средств информационного противоборства, создание соответствующих структур в Вооруженных Силах Российской Федерации [6]. Тем не менее все эти мероприятия могут быть осуществлены и приобретут достаточную эффективность только при условии сознательной гражданской позиции всех членов российского общества, только при условии доверия государственным структурам и государственной политике, что в свою очередь возможно при условии формирования российской гражданской идентичности и на этой основе – формирования патриотического сознания [5]. Эта задача выводит на первый план проблему воспитания детей и молодежи, делает это направление важнейшим при обеспечении национальной безопасности. Также огромную роль играют исследования информационной культуры, информационной осведомленности населения, тех смысложизненных цен-

ностей, которые реализуются гражданами РФ в цифровой среде. И это возможно лишь при проведении широкомасштабных мониторинговых исследований социально-психологического характера. Цифровая среда и информационные технологии сегодня – это и потенциальная угроза национальной безопасности Российской Федерации и действенный инструмент по предотвращению данных угроз. Как именно использовать современные информационные технологии – вопрос персональной гражданской ответственности каждого из нас.

Литература и источники:

1. Абрамов Ю.Ф. и др. Феномен духовности в глобализирующемся обществе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 169–181.
2. Бодров В.А. Информационный стресс. М., 2006.
3. Вегнер Д., Уорд А. Как интернет меняет наш мозг // В мире науки. 2014. № 2. С. 98–102.
4. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации / Под общ. ред. И.В. Бочарникова, С.Л. Кандыбовича, В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «Московский дом национальностей», 2021.
5. Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Патриотизм в ментальном пространстве российской молодежи // Научные труды ученых Отделения общих проблем войны мира и армии Академии военных наук. Москва, 2019. С. 199–208.
6. Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Противодействие информационно-психологическим акциям противника в современной войне. М., 2016. 228 с.
7. Карпов А.В., Ленков С.Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2006.
8. Король, А.Д. Информатизация образования в контексте принципа человекообразности: «путь к себе» или «от себя»? // Высшая школа. 2013. № 4. С. 13–18.
9. Психология высшей школы в Союзном государстве: учебно-методическое пособие для вузов / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович [и др.]; под ред. С.Л. Кандыбовича, Т.В. Разиной. 6-е изд., перераб. и доп. Минск: Харвест, 2019.
10. Разина Т.В. Некоторые вопросы исследования мотивации научной деятельности с позиций метасистемного и информационного подходов. Монография. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2013. 160 с.
11. Студент вуза на рубеже 2020-х: перспективы развития личности и здоровья / под ред. Е.Л. Николаева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 2021.

12. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.

13. Appel M., Schreiner C. Digitale Demenz? Mythen und wissenschaftliche Befundlage zur Auswirkung von Internetnutzung // Psychologische Rundschau. 2014. Vol. 65, issue 1. P. 1–10.

14. Brod C. Technostress: the human cost of the computer revolution. Reading, MA: Addison-Wesley, 1984. 248 p.

ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНАЛИТИКИ И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Ремарчук Валерий Николаевич

Информация проникла во все сферы общества, сформировав информационное пространство, особый мир, в котором создается, перемещается и потребляется информация, складывается система информационного взаимодействия и отношений, происходят информационные события, при этом основу всем этим информационным процессам задают информационные смыслы. И это не случайно, ведь в наши дни информация стала важнейшим ресурсом на планете. Она управляет социумом [3, 235], влияет на развитие и протекание социальных [4], мировых процессов [7], превратилась в товар [6], инструмент, оружие [2] и т.д.

Столь активные информационные процессы не могли быть не замеченными наукой, во многом способствуя появлению нового научно-учебного и прикладного направления, которое именуется – информационная аналитика.

Данное направление призвано исследовать сущность информационных процессов в социуме, сформировать основные принципы, технологии и методы информационно-аналитической деятельности для реализации базовой функции информационной аналитики – управленческой. Информационная аналитика включает осмысление того, что такое информационное смысловое пространство, что в нем происходит и как это отражается в обществе, а также исследует и прогнозирует информационные отношения, события, предлагает технологии их рационального разрешения (оптимизации), в итоге, формулирует адекватные информационной ситуации предложения по принятию управленческих решений. Поскольку с точки зрения гуманитарных наук информационное пространство является совокупностью знаний и информации, формирующаяся и постоянно изменяющаяся в процессе эволюции общества, информационная аналитика, призвана осуществлять, прежде всего, семантический анализ информационного пространства, для того чтобы понимать динамику смысловых трендов в обществе, не допускать переформатирования, искажения и опасной трансформации сознания (информационного поля) социума.

При этом мы разделяем позицию А.В. Соколова, который трактует понятие «семантическая информация» как амбивалентный феномен

(двойственную идеально-материальную сущность), выражающий духовные смыслы (культурно нормированные продукты сознания) в коммуникабельной знаковой форме, и предлагает рассматривать семантическую информацию через способность удовлетворения (прагматический аспект) социально-информационных потребностей [9].

Предметная область информационной аналитики – это область информационной смысловой действительности или область идеальных информационных представлений, подлежащая описанию (моделированию) или исследованию. Предметная область состоит из объектов, различаемых по классификационным признакам (свойствам) и находящихся в определенных отношениях (связях), между собой и взаимодействующих определенным образом с внешней средой.

Таким образом, предметным полем работы информационного аналитика является, прежде всего, смысловое (в социальном плане) информационное пространство общества, информационные события, явления и процессы, система информационных отношений и взаимодействий членов информационного пространства, основанных на использовании информации, имеющей определенный смысл. Это предметное поле формируют государственные, научные, бытовые информационные потоки. Все они, пересекаясь и сталкиваясь, создают информационные события, сюжеты, проблемы и т.д., формируют посредством информации социальные отношения, вносят, создают и меняют привычные социальные смыслы, что приводит к определенной социальной динамике. Самыми острыми столкновениями информационных потоков представляются информационное противоборство и информационные войны. Главной мишенью в информационных войнах является массовое сознание и психика, трансформировать которые возможно, только используя специализированную информацию.

Кроме того, информационная аналитика призвана анализировать информацию, потенциально способную стать массовой (воздействующей на массовое сознание). Можно сказать, что анализ потенциально актуальной и реально значимой для социума информации есть основная цель и суть информационной аналитики.

В целом информационное пространство, которое можно рассматривать как предметную область информационной аналитики, можно представить в следующем виде как на рис. 1.

Иными словами – это совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование семантической информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений.

Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономи-

ческой, оборонной и других составляющих основу и безопасности Российской Федерации.

Рис. 1. Информационное пространство общества

В информационном пространстве можно выделить три основных вида информационных субъектов, осуществляющих деятельность по реализации информационных процессов в предметной области:

- 1) производители информации, информационных ресурсов, продуктов и услуг;
- 2) обладатели (владельцы) информационных ресурсов и продуктов;
- 3) потребители информации, информационных ресурсов, продуктов и услуг.

Если конкретизировать производителей информации, то они могут выглядеть следующим образом:

- государственные институты;
- частные корпорации, фирмы, организации;
- крупные политические партии и общественные объединения;
- средства массовой информации и коммуникации, которые одновременно могут выступать в роли субъекта и в роли инструмента информационной аналитики;
- отдельно следует выделить интернет с его многообразным сообществом.

Перечисленные субъекты отличаются общей особенностью: для успешного функционирования им необходимо в совершенстве владеть методологической базой исследования информационных процессов и социальных систем, в которых эти процессы развиваются, либо попросту им необходимо владеть или контролировать эти ресурсы.

Своей профессиональной деятельностью аналитик стремится ответить на вопрос, что происходит в информационном пространстве с той или иной информационной проблемой или событием, каковы векторы и тенденции их развития. Его задача раскрыть внутренний смысл происходящего информационного события или процесса, объяснить почему оно произошло, как будет развиваться, как этим информационным событием можно управлять, как на него следует реагировать, какие информационные последствия следует предотвратить.

Поэтому к целям информационно-аналитической деятельности мы относим:

- диагностику происходящих информационных событий и процессов;
- вариативное прогнозирование развития информационных событий и процессов;
- моделирование ситуации (создание моделей управления информационными событиями и процессами, а также создание моделей поведения людей в контексте развивающихся событий или процессов).

Следовательно, информационная аналитика вбирает в себя: диагностику информационных явлений, прогнозирование их развития, и моделирование дальнейшей их динамики.

В целом можно сказать, что информационная аналитика является составной частью аналитической деятельности и все базовые цели, задачи, ключевые исследовательские методы свойственны также и ей. Однако у информационной аналитики есть специфика, которая определяется основным предметом анализа – информационными отношениями и информационной деятельностью, связанной с производством, трансляцией и потреблением массовой и специализированной информации.

Принято различать:

- академическую или исследовательскую аналитику, которая рассматривает сущность информационной аналитики, как теоретико-учебного направления, позволяющего понять те или иные информационные события в информационном пространстве;
- прикладную информационную аналитику, раскрывающую технологии аналитической деятельности, методику их применения, управления и принятия адекватных ситуации управленческих решений;

- отраслевую аналитику, которая исследует теорию информационной аналитики, аналитические технологии, применимые к различным сферам социальной жизни и профессиональной деятельности;
- журналистскую аналитику, которая осуществляет профессиональный анализ и комментарии информационных событий и процессов [8, 8–9].

Таким образом, информационная аналитика – это интеллектуальная деятельность, направленная на решение социальных задач в информационном пространственном поле. В ее основе лежит принцип анализа информации события, явления, поиск решений, посредством воздействия и управления информацией, позволяющее понять настоящее и спрогнозировать будущее. Либо попросту выявляет информационные проблемы и противоречия, мешающие успешному функционированию социальной системы, процесса, явления.

Исследование информационного пространства является междисциплинарной⁴ областью науки. С полной определенностью мы можем сказать, что информационная аналитика, как научное направление, лежит на стыке математики, информатики и гуманитарных наук. Особый интерес представляют технологии этих дисциплин, которые применяются при работе с информационным пространством. Причем в аналитике информационные технологии, с одной стороны, способствуют развитию смежных дисциплин, внедряясь в них своими методами и обогащая их изучение, а с другой – сами являются предметом изучения с точки зрения информационно-аналитических технологий.

Под технологией мы понимаем методы решения практических задач, включающие последовательность действий, описание процессов, описание необходимых ресурсов и способов работы.

Информационно-аналитические технологии – это совокупность методов и средств для обеспечения сбора, передачи, хранения, обработки и отображения смысловой информации в интересах пользователя для принятия управленческих решений; качественно новая разновидность социальной технологии.

⁴Междисциплинарный подход предусматривает взаимодействие представителей разных дисциплин при изучении одного и того же объекта, при котором происходит смешение практик и предпосылок, вовлеченных в такое исследование дисциплин (часто одна из дисциплин, «поставляющая» образец методологии, рассматривается в качестве ведущей, в то время как другие – ведомыми). Мультидисциплинарный подход основан на предпосылках обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве взаимодействующих компонентов. Взаимодействие организовано на основе общего теоретического языка, хотя при этом каждая из дисциплин сохраняет также свой специфический язык и методическое обеспечение.

Содержание информационно-аналитической работы – приведение разрозненных информационных сведений в логически обоснованную систему зависимостей (пространственно-временных, причинно-следственных и иных), позволяющих дать правильную оценку, как всей совокупности фактов, событий, явлений так и каждому из них в отдельности, а также предложить рациональные методы решения аналитической проблемы.

Аналитическая работа

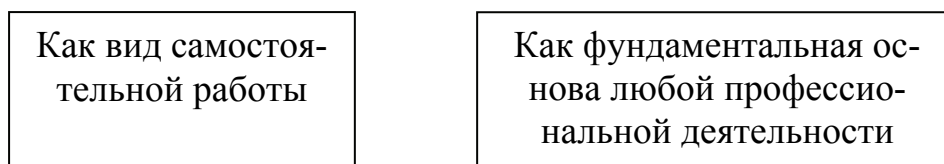

Рис. 2. Аналитическая работа

В данной схеме нас интересует первая часть, но наличие второй, нас путает и вторгаемся в смежные сферы, что не желательно.

Проанализируем еще несколько терминов, имеющих отношение к информационной аналитике. Речь пойдет об информационном моделировании, информационных событиях, процессах, явлениях, информационной деятельности, информационных отношениях, информационном обществе, информационных технологиях и информационных войнах. Информационные события, процессы, явления – понятия одного смыслового ряда.

Информационное моделирование с точки зрения аналитики. Во-первых, это вид информационно-аналитической деятельности, направленной на построение моделей информационных событий, процессов, отношений, систем, технологий. Во-вторых, это вид информационно-аналитической деятельности, направленной на выработку оптимальных моделей поведения личности по отношению к средствам массовой информации и коммуникации, а также моделирование поведения социума при изменении фундаментальных смыслов. Последний вид деятельности особо актуален, учитывая роль и возможности социальных сетей в современной политике.

Информационные события – это кратковременные информационные явления, приобретающие общественный резонанс через средства массовой информации и коммуникации. К такого рода явлениям можно отнести все сенсации, распространяемые СМИ и интернетом: истинные и ложные, естественные и смоделированные; политические, экономические, криминальные.

Информационные процессы – длительные (длящиеся годами и десятилетиями) социальные явления, имеющие отношение к информационной сфере общества, охватывающие социально-психологическую сферу,

воздействующие посредством смыслов на массовое и индивидуальное сознательное и бессознательное и в значительной степени трансформирующие его. Информатизация общества, глобализация информационных ресурсов, виртуализация массового сознания, медиатизация социального и политического пространства – это информационные процессы, которые склонны развиваться имманентно. Тем не менее они очень часто являются следствием прямого управления (целенаправленного воздействия) субъектов информационной деятельности.

Информационная деятельность включает все виды деятельности, имеющие отношение к производству и трансляции массовой и специализированной информации. Сюда следует относить деятельность СМИ, интернет-изданий, блогеров, служб по связям с общественностью, пресс-служб и пресс-центров, рекламных и информационных агентств, публичную деятельность политиков, бизнесменов, государственных служащих. Информационную политику, проводимую государством или частными организациями, можно рассматривать как один из видов информационной деятельности, а саму информационную деятельность – как основной предмет исследований, проводимых информационно-аналитическими подразделениями различных типов и уровней.

Информационные отношения – понятие, которое относится скорее к общественной, чем к индивидуальной сфере деятельности. В самом широком смысле это социальные отношения, возникающие в процессе производства, трансляции и потребления массовой и специализированной информации. В разряд информационных попадают отношения между государством и прессой, коммерческими структурами и прессой, государством и структурами гражданского общества (как правило, посредником в такого рода отношениях является социальный институт журналистики), а также между различными СМИ и СМК. Эти отношения могут быть вертикальными и горизонтальными, прямыми и опосредованными, спонтанно возникающими и целенаправленно организованными. Информационные отношения являются главным объектом информационной аналитики. Именно такого рода отношения подвергаются процедурам диагностики, прогнозирования и моделирования со стороны информационно-аналитических подразделений, входящих в состав органов государственной службы, частных фирм и корпораций.

Термины «информационные войны» и «информационно-психологические войны» самым тесным образом связаны с терминами «информационные технологии», «новые информационные технологии», «гуманитарные информационные технологии». Можно утверждать, что современные информационные войны ведутся при помощи новых информационных технологий, которые постоянно обновляются и совершенствуются.

В заключение следует отметить, что информационная аналитика – это не только сфера практической деятельности, но и научное направление (система научного знания), изучающее и разрабатывающее принципы, подходы, методы исследования информационных отношений, событий, процессов и тенденций.

Предметная область информационной аналитики – все информационное пространство несущее многообразие смыслов. Наиболее актуальные предметы исследования: информационные события, информационно-аналитические технологии, информационные процессы и информационное моделирование и т.д. В современном обществе важно понимать, как складываются информационные отношения, каким смыслами они наполнены.

Таким образом, предметная область очерчена, дело за малым, подготовить специалистов, понимающих и умеющих работать в информационном пространстве на благо своей страны.

Литература и источники:

1. Анализ информации в науке, культуре, бизнесе. СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2013. С. 7–18.
2. Анненков В.И., Моисеев В.Ф., Новиков В.К. Информация – ключ к победе в современной войне. М., 2021.
3. Городнова А.А. Развитие информационного общества: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017.
4. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: монография / О.Н. Астафьева, Л.Б., Зубанова, Н.Б. Кириллова, Е.В. Никонорова, О.В. Шлыкова и др.; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.
5. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации. Москва, 2021.
6. Кучинский В.Ф., Спирина Т.П. Теоретические основы экономической информатики: учеб. пособие. СПб: НИУ ИТМО, 2014.
7. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
8. Рощупкин В.Г. Информационно-аналитическая деятельность в системе управления: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2018.
9. Соколов А.В. Информатические опусы. Опус 5: Природа и сущность информации // Научные и технические библиотеки. 2011. № 2. С. 5–27.
10. Соколов А.В. Что есть информационная потребность? // Труды СПбГУКИ. Т. 197.
11. Смирнов А.И. Современные информационные технологии в международных отношениях: монография. М.: МГИМО-Университет, 2017.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ

*Карпович Олег Геннадьевич
Вильчинский Антон Сергеевич*

За прошедшие 30 лет международная система претерпела ряд тектонических сдвигов, изменивших расстановку сил на мировой арене: снижение влияния Запада на фоне укрепления развивающихся стран, появление новых глобальных вызовов в условиях растущей конкуренции между различными центрами силы, усиление позиций крупнейших технологических компаний, обострение террористической угрозы и ослабление системы ядерного нераспространения в совокупности с возросшим риском новых пандемий и других невоенных угроз недвусмысленно сигнализируют о турбулентности мирового порядка. Феномен сетевого взаимодействия на международной арене XXI веке изменяет роль государства и его институтов, что актуализирует дискуссию о современном миропорядке.

Динамичный комплекс пересекающихся и взаимозависимых международных проблем в эпоху COVID-19 предопределяет наличие различающихся интерпретаций миропорядка в российском, американском и китайском академических сообществах. Ключевой исследовательской задачей в условиях современного мирового порядка, осложненного пандемией коронавируса, является определение направлений, по которым России важно активизировать свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, чтобы занять лидирующие позиции в формировании основ будущей международной системы.

Основные направления дискуссии о современном миропорядке

Понятие «мировой порядок» было введено в политологический оборот в 1977 году представителем английской школы международных отношений Хэдли Буллом. В своей монографии «Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике» [3, с. 302–305] ученый выделил три элемента «порядка» в международной системе:

- 1) преобладающий принцип поведения государств;
- 2) определенный уровень устойчивости и целостности системы;
- 3) «правила», осуществляющие управление международной системой и обеспечивающие ее стабильность.

Сегодня оценочные характеристики ведущих исследователей так или иначе опираются на обозначенные Х. Буллом параметры.

В дискуссии о современном мировом порядке существуют четыре основных направления понимания его структуры. Первое наиболее популярно у западных исследователей, которые продвигают систему «порядка, основанного на правилах». Эта концепция базируется на либеральных ценностях и международной взаимозависимости. Вторым направлением является полицентричный мир с опорой на ООН и международное право, что поддерживается преимущественно учеными из России и Китая. Сторонники такого вектора развития международной системы считают «порядок, основанный на правилах» новой версией однополярного мира с доминирующей ролью «коллективного Запада». Третье направление близко ко второму и представляет собой мир без полюсов, где происходит конкуренция между всеми государствами, а мировой порядок характеризуется нестабильностью. Международная динамика на фоне пандемии COVID-19 актуализировала и четвертое направление – новую биполярность. Подход был долгое время на втором плане из-за отсутствия государств, способных взять на себя роль противовеса США, но в 2020–2021 гг. такой потенциал все чаще приписывают Китаю.

Само наличие миропорядка также является предметом дискуссии, где есть две точки зрения. Сторонники системного подхода заявляют об определенных нормах в фундаменте мирового порядка. При этом, ученые, придерживающиеся конгломеративного подхода, отрицают как единые правила межгосударственного взаимодействия, так и существование какого-либо миропорядка в целом.

Подходы академического сообщества России, США и Китая к оценке политической плоскости миропорядка

В российском академическом сообществе можно выделить наличие двух основных подходов к пониманию современного миропорядка: трансформационный и устойчивый. Первый подход наиболее распро-

страненный. Его сторонники убеждены, что мир характеризуется неопределенностью, а мировой порядок движется в сторону полицентричности. Согласно этому концепту, начавшееся в 1990-х годах, изменение конфигурации государств на мировой арене, а также трансформация форм их взаимодействия продолжается и сегодня. В частности, подобного взгляда придерживается профессор Дипломатической академии МИД России М.А. Неймарк, который констатирует «нарастание неопределенности» в мирополитической системе и фиксирует «рассредоточение» политического веса среди различных центров силы [7]. Подобный взгляд отражает ослабление доминирующей роли западных стран и усиление ряда развивающихся.

В то же время сторонники устойчивого подхода заявляют об определенной степени стабильности современного мирового порядка. Например, Ф.А. Лукьянов и И.А. Сафранчук подчеркивают, что проходившие в течение последних тридцати лет процессы предопределили формирование нового состава «значимых игроков» как в региональном, так и в мировом масштабах, что уже создало полицентричную систему [9, с. 59].

В академическом сообществе США центральным элементом научного дискурса является «порядок, основанный на правилах», который подразумевает либеральное мироустройство с лидирующей позицией стран Запада. От российского американский взгляд отличается наличием блокового видения. Философская основа – «кантианский треугольник» с тремя гранями: демократическое устройство государств («демократии не воюют»), экономическая взаимозависимость и международное сотрудничество [4, с. 150–155]. Тем не менее, исследователями США, как и учеными России, признается трансформационный характер миропорядка. Эксперты Совета по международным отношениям фиксируют, что мир отошел от модели, когда все страны работают в рамках единого набора норм [14].

В США не обойден стороной и вопрос полицентричности, однако, в отличие от российской трактовки, он рассматривается под иным углом. Известный американский политолог Дж. Най определяет сегодняшний миропорядок как «игру в шахматы на трех досках». В военной сфере единственным мировым лидером являются США. В экономической – мир полицентричен, так как сильные позиции у ЕС, КНР, Индии. На третьей доске, где расположены транснациональные корпорации, отсутствуют какие-либо центры силы [13]. Наличие подобной точки зрения отражает признание факта рассредоточения экономического потенциала.

В китайском академическом сообществе краеугольным камнем дискурса относительно миропорядка являются идеи председателя КНР Си Цзиньпина, который убежден, что миропорядок должен опираться

на принцип «всеобщей безопасности и процветания», «инклюзивной и единой судьбы человечества». Он признает трансформационный характер миропорядка и подчеркивает, что его итогом должно стать формирование «справедливой и беспристрастной» системы [12]. Китайское видение характеризуется широтой и наличием акцентов на цивилизационной исключительности страны.

Если на политическом уровне КНР заданы широкие концептуальные рамки, то на уровне научного дискурса рассматриваются более конкретные аспекты современного миропорядка. Многие китайские исследователи, как и их российские коллеги, признают переходный характер мировой системы. Профессор Института международных исследований КНР Чж. Хуашэн утверждает, что мир переживает «деконструкцию», подчеркивая постепенный процесс исчезновения старого порядка на фоне формирования нового [11]. В этой связи стоит предположить, что новый миропорядок будет определяться отношениями по линии США – РФ – КНР.

Конкурентная взаимозависимость в экономической плоскости современного миропорядка

Экономическое измерение современного мирового порядка также является предметом широкой дискуссии в научном сообществе. Если в политической плоскости речь идет о возможном балансе сил, то к экономической понятие не совсем применимо по причине различий в технологическом развитии, ресурсном потенциале и размере экономик. При этом государства-соперники в политической плоскости зачастую вынуждены взаимодействовать между собой в экономической.

В частности, после резкого ухудшения отношений между Россией и ЕС страны Евросоюза продолжают оставаться одними из ведущих торговых партнеров России. В июле 2021 года Германия сумела убедить США прекратить политическое давление на газопровод «Северный поток – 2», являющийся коммерческим проектом. Китай, идеологический конкурент западного мира, также остается важнейшим экономическим партнером не только ЕС, но и США. В декабре 2020 года Брюссель подписал инвестиционное соглашение с Пекином, что вызвало непонимание в Вашингтоне. Отношения между «странами-единомышленниками» не лишены разногласий, что подчеркнул спор 2004–2021 годов между США и ЕС о государственных субсидиях в поддержку американской Boeing и европейской Airbus. Современный экономический миропорядок определяется конкурентной взаимозависимостью политических соперников в экономической плоскости.

В условиях торговых споров, а также неудачи Дохийского раунда переговоров в рамках Всемирной торговой организации само наличие экономического порядка ставится под вопрос. Американский исследо-

ватель С. Малкомсон характеризует международную систему как «беспорядочную многосторонность» [6]. Экономическое измерение, как и политическое, находится в стадии организации порядка. В этой связи профессор Нанькайского университета Ван Шэншэн подчеркивает попытки Запада удерживать политическое лидерство с целью контроля над мировой экономикой [7]. При этом академик РАН А.Г. Арбатов отмечает, что появление экономических центров силы, альтернативных США и КНР, маловероятно, поскольку Вашингтон и Пекин лидеры в сфере инноваций [1].

Философия будущего миропорядка

COVID-19 активизировал дискуссию относительно будущего миропорядка. Профессор МГУ А.В. Манойло отмечает, что формирование миропорядка не может быть осуществлено без «нового мировоззрения», которое бы опиралось на «разумную достаточность» и «сбалансированность политики великих держав». Основой может стать «философия ноосферы» российского мыслителя В.И. Вернадского, а новый миропорядок должен поддерживаться «гибкой системой политических полюсов, соединенных множеством эластичных связей» [5, С. 42–43].

Стоит подчеркнуть, что «философия ноосферы» во многом пересекается с идеями председателя КНР Си Цзиньпина о «единой судьбе человечества». Го Сяоли, руководитель Китайско-российского центра по исследованию Дальнего Востока, разделяет взгляд А.В. Манойло, отмечая, что в центре нового мировоззрения должны быть «старые философские доктрины» как России, так и Китая [10]. Китайская «гармония многообразия» во многом схожа с идеями «всеединства» В.И. Вернадского, что сближает философские взгляды российских и китайских ученых относительно создания справедливого миропорядка будущего.

Стратегия России в современном политическом миропорядке

Одной из важнейших задач для России с целью укрепления ее национальной безопасности является продвижение нового базового соглашения, которое бы закрепило правила игры на мировой арене. После окончания холодной войны и политической трансформации международной системы не произошло ее правовое обновление, поскольку новых договоренностей глобального масштаба выработано не было. На этом фоне накапливается конфликтный потенциал из-за целого ряда ситуаций, которые вызывают недовольство как на Западе, так и в России. В этой связи обеим сторонам необходимо подвести черту под периодом конфронтации и сформировать новые рамки взаимодействия.

Во-первых, России важно убедить «коллективный Запад» в необходимости согласования нового документа, который будет направлен

на возвращение взаимопонимания и подтверждение основополагающих принципов деятельности государств на международной арене, закрепленных в Уставе ООН 1945 г., а также в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. Последний документ подобного масштаба, Парижская хартия для новой Европы, подчеркнувшая конец «эры конфронтации», был принят лишь в 1990 г. до целого ряда значимых событий на мировой арене.

Во-вторых, России и «коллективному Западу» необходимо четко зафиксировать красные линии относительно вопроса невмешательства во внутренние дела государств, поскольку этот важнейший принцип имеет различные трактовки. В частности, России стоит подготовить вариант конвенции о невмешательстве с целью ее дальнейшего обсуждения на международных площадках. В этом документе важно отразить российское понимание этого принципа и четко прописать границы, за которыми вмешательство в дела страны недопустимо.

В-третьих, важнейшее значение для укрепления позиций России играет формирование единой системы безопасности в Евразии, что давно обсуждается академическим сообществом. Сегодня за безопасность отвечают НАТО, ОБСЕ и ОДКБ, функции которых зачастую пересекаются. Последние события в Казахстане только подтвердили высочайшую степень востребованности ОДКБ. Стоит рассмотреть вопрос о формировании диалоговой площадки по линии военных ведомств и спецслужб стран-членов трех организаций. В условиях ухудшения отношений между Россией и НАТО более широкий формат представляется жизнеспособным вариантом для возобновления прямого диалога, который в дальнейшем должен перейти в проект соглашения о координации действий НАТО, ОДКБ и ОБСЕ.

Переходя к вопросу об инструментах реализации трех обозначенных направлений, важно отметить активизацию неправительственного трека дипломатии, поскольку на официальном имеются определенные ограничения. В частности, эффективным инструментом представляется парламентское взаимодействие. Необходимо договориться о том, чтобы парламентарии, как представители народа, были выведены за рамки межгосударственных противоречий. Важно продвигать российскую объединительную повестку в Межпарламентском союзе (МПС), Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) и Парламентской ассамблее ОБСЕ. В частности, через МПС в 2017 г. Россия смогла получить одобрение на проведение Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу в 2022 г., что подчеркивает потенциал этого канала для продвижения позиций России.

Еще одним возможным инструментом видится активизация межрегионального взаимодействия субъектов РФ с областями как стран ЕС,

так и других государств. Российские регионы могут продвигать дипломатические позиции страны на соответствующих многосторонних площадках. Например, сотрудничество с еврорегионами позволяет участвовать в Ассамблее европейских регионов. Через этот формат можно налаживать взаимодействие поверх имеющихся разногласий.

Не менее значимым инструментом остается и сотрудничество по линии научно-образовательных и аналитических центров. РФ следует развивать различные площадки взаимодействия с учеными разных стран. Через такие форматы необходимо вырабатывать варианты дорожных карт и проекты конкретных документов для закрепления общих принципов взаимодействия в современном миропорядке.

Помимо этого, традиционные встречи в верхах также сохраняют актуальность. Следует активизировать подготовку к саммиту пяти постоянных членов СБ ООН, о чем предлагал Президент России В.В. Путин еще в январе 2020 г. в Иерусалиме.

Стратегия России в современном экономическом миропорядке

В экономическом измерении миропорядка в настоящее время определяющим фактором конкурентоспособности государств в долгосрочной перспективе видится переход к низкоуглеродной экономике. Особую значимость для России представляет постепенное приведение экономической модели в соответствие с мировыми трендами. Необходимо снижение доли углеводородов как в собственном энергетическом балансе, так и в экспорте. РФ нужно укрепить свои позиции в формирующейся низкоуглеродной эпохе и занять важное место на будущем рынке «зеленой» энергии. В краткосрочной перспективе стоит развивать экспорт природного газа. На фоне отказа от нефти в течение переходного периода 2030–2050 гг. спрос на него в ЕС будет расти. В дальнейшем перспективным направлением видится развитие водородной энергетики, потенциал для производства которой в РФ есть у компаний Газпром, Росатом и НОВАТЭК.

Еще одним важным направлением должна стать выработка единых стандартов оценки вклада в борьбу с изменением климата в рамках ЕАЭС, а в дальнейшем, возможно, в ШОС и БРИКС. Новый «экоиндекс» на евразийском пространстве позволит снизить давление со стороны «коллективного Запада». Более того, не менее значимым шагом станет согласование общих принципов ESG (англ. Environmental – экологические; social – социальные; corporate governance – управленческие) по измерению степени устойчивости и ответственности бизнеса на евразийском пространстве. Формирование собственного рейтинга и получение его международного признания повысит привлекательность компаний ЕАЭС.

Дискуссия о современном миропорядке многогранна. Существует множество интерпретаций как сегодняшних реалий, так и возможных направлений будущего развития его политической и экономической плоскостей. В позициях ведущих ученых из РФ, США и КНР имеются как различия, так и значимые совпадения.

Во-первых, в политической плоскости большинство российских, американских и китайских исследователей констатируют ту или иную степень трансформации международной системы. Если ученые из РФ и КНР фиксируют рассредоточение потенциала и ослабление роли Запада, то эксперты из США отмечают попытки крупных государств подорвать «порядок, основанный на правилах».

Во-вторых, всеми сторонами признается определенная степень полицентричности. В соответствии с подходами РФ и КНР к ней стремятся как политическая, так и экономическая плоскости миропорядка. Тем не менее в американском подходе некая доля полицентричности признается лишь в измерении экономики, в то время как в военной области лидером остаются США.

В-третьих, ученые из трех стран фиксируют незавершенность формирования экономической плоскости миропорядка, для которой наиболее подходящей характеристикой видится конкурентная взаимозависимость. Она отражает избирательное сотрудничество государств и подчеркивает наличие взаимодействия в торговой сфере между странами, соперничающими в политической.

В-четвертых, говоря о будущем миропорядке, российские и китайские исследователи сходятся во мнении о необходимости нового мировоззрения, которое станет по-настоящему всеобъемлющим для всего человечества и позволит сформировать справедливый миропорядок. При этом в США любые альтернативы «порядку, основанному на правилах» воспринимаются как угроза.

Тем не менее, исходя из сопоставления позиций исследователей, важно выделить объединительный потенциал в подходах трех стран. Во всех концепциях присутствуют «правила». Если для РФ и КНР основа – это Устав ООН, то для западного мира – приверженность либеральным ценностям. В то же время все стороны признают, что мировой порядок должен опираться на некие нормы, структурирующие взаимодействие государств. Большинство политических споров сегодня происходит из-за различий в понимании фундаментальных принципов международного права. Ключевое значение приобретает обновление договорно-правовой базы взаимодействия со странами Запада, чего не происходило с 1990 г.

В связи с затруднениями работы по официальным дипломатическим каналам значимость для РФ представляет налаживание взаимо-

действия с «коллективным Западом» по неправительственному треку. Именно он видится наиболее выгодным инструментом для разработки и представления правительствам проектов документов, направленных на завершение эпохи конфронтации и на закрепление общего понимания основополагающих принципов международного сотрудничества в целях противостояния глобальным вызовам XXI в.

Литература и источники:

1. Арбатов А.Г. Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 4. С. 16–31.
2. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
3. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М.: АСТ-Пресс. 1997. 805 с.
4. Кант И. К вечному миру. Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Мысль. 1966. 435 с.
5. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М.: Издательство Дипломатической академии МИД РФ. 2020.
6. Малкомсон С. Новый век автаркии // Россия в глобальной политике. <https://globalaffairs.ru/articles/novuj-vek-avtarkii>.
7. Неймарк М.А. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. 2018. № 1. С. 26–35.
8. Российско-китайский экспертный диалог о демократии и экономической модернизации. <https://ru.valdaiclub.com>.
9. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. 2021. № 3. С. 57–76.
10. Сяоли Г. Почему Россия не обречена на одиночество. <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-rossiya-ne-obrechena-na-odinochestvo>.
11. Хуашэн Чж. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo>.
12. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress // China Daily. <https://www.chinadaily.com>.
13. Nye Joseph S. Jr. Is the American Century Over? Cambridge, England: Polity Press. 2015. 152 p.
14. The End of World Order and American Foreign Policy // Council on Foreign Relations. https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/the-end-of-world-order-and-american-foreign-policy-csr.pdf.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

*Бочарников Игорь Валентинович
Овсянникова Ольга Александровна*

Формирование и развитие современного мирового порядка происходит в сложной динамично развивающейся обстановке, подверженной воздействию комплекса факторов в значительной мере деструктивного характера.

Наиболее значимыми факторами, оказывающими воздействие на современные политические процессы в системе современных международных отношений, являются:

- 1) закат американоцентричной системы международных отношений и снижение в целом роли в мировых процессах евроатлантического сообщества;
- 2) появление и утверждение новых лидеров мирового политического процесса;
- 3) провоцирование и обострение этноконфессиональных, расовых и цивилизационных противоречий;
- 4) эскалация напряженности и ухудшение условий жизнедеятельности в ряде регионов, стимулирующих миграционные процессы;
- 5) глобальные климатические изменения;
- 6) пандемия COVID-19, а также ряд иных, в том числе латентных факторов, оказывающих влияние на развитие политических процессов на глобальном уровне.

Значительная часть указанных факторов в том или ином виде проявляла себя и ранее в мировом политическом процессе. Реалиями же современного этапа его развития является их комплексность и системность, разноплановость и многоуровневость, латентность и искусственность происхождения, а также ориентированность на конфронтацию, определяющие нестабильность, непредсказуемость политических процессов как глобального, так и регионального и национального уровней.

Так, в частности, важнейшей спецификой, обуславливающей характер и содержание современных политических процессов глобального уровня, является эскалация напряженности и конфликтности между

ведущими мировыми акторами, обострение конкурентной борьбы за право и возможность реализовывать свои национальные интересы.

Особую значимость в современной трансформации мирового порядка обретает закат сформировавшегося в «post-cold» период американоцентричной системы международных отношений.

Истоки ее формирования относятся к 1990 году, когда после завершения глобального биполярного противостояния, США для утверждения в качестве единственного лидера мирового сообщества фактически спровоцировали кризис в Персидском заливе и провели первую после Второй мировой войны крупномасштабную военную кампанию против заведомого более слабого противника – Ирака.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно в этот период прозвучало обращение президента Дж. Буша к американскому Конгрессу 11 сентября 1990 года, в котором он не только обратился за одобрением военной операции против Ирака, но и провозгласил стратегию формирования нового мирового порядка под эгидой США. По словам Дж. Буша-ст., «кризис в Персидском заливе дает нам редкую возможность перехода к тому, что является еще одной целью США на данном этапе – новому мировому порядку, который вполне способен родиться на основе преодоления нынешних трудностей» [14]. Таким образом, впервые на уровне высшего руководства США было продекларировано стремление к мировому господству. В последующем это нашло отражение в «Рекомендациях для оборонного планирования», в которых отмечалось, что США должны продемонстрировать способность к лидерству, чтобы защитить новый порядок и убедить потенциальных оппонентов не претендовать на более высокую роль и не прибегать к агрессивной политике» [5, 116].

Стремление к утверждению глобального лидерства предопределило вовлеченность (непосредственно или косвенно) США практически во все наиболее значимые кризисы не только глобального, но и регионального, а также локального характера, значительная часть из которых ими же и инициировалась.

В результате участие США в мировых политических процессах приняло беспрецедентный характер. Если ранее, в период «холодной войны», американское вмешательство во внутренние дела других государств ограничивалось, как правило, сферами влияния, определенными Ялтинско-потсдамскими соглашениями, то после 1990 года в зону интересов США попали практически все страны мирового сообщества. В итоге за период с 1990 по настоящее время США приняли участие в более чем 50 спровоцированных ими вооруженных конфликтах, в том числе и таких масштабных, как интервенция в Ирак и практически двадцатилетняя военная кампания в Афганистане [10].

При этом сами Соединенные Штаты возложили на себя не столько ответственность за правопорядок на глобальном уровне, сколько право определять его тренды, судить, казнить и миловать страны и народы, ставшие объектом их внешней политики.

Примерно в этот же период американский футуролог Ф. Фукуяма и ряд других ученых – неоконсерваторов) теоретически обосновали привлекательность однополярного Pax Americana, а также его неизбежность [12]. С окончанием «холодной войны», по мнению Ф. Фукуямы и его сторонников, завершилась и эпоха конкуренции. Наступил своего рода «конец истории», точнее, конец ее смысла – по крайней мере, конкуренции, поскольку даже в случае продолжения или возникновения каких-то политических, религиозных или этнических конфликтов их потенциал будет в период «новой» эры международных отношений незначительным или даже отсутствовать по причине отсутствия смысла их продолжения или начала. Смысл потенциальных войн исчезает, так как враждующие стороны должны с наступлением «новой» эры разделять единые принципы сосуществования в мировом пространстве. В качестве таковых принципов, по мнению идеологов «нового мирового порядка», должны были выступать принципы либеральной демократии, являющейся, по их мнению, «идеальной формой человеческого общежития, и которая даже в перспективе не может быть радикально улучшена» [11].

Оптимум, по мнению Ф. Фукуямы и его сторонников, достигнут, и человечеству остается лишь пожинать плоды этой «совершенной» формы мироустройства под управлением США как мирового гегемона.

Вполне закономерно, эти ожидания не оправдались, что стало крупнейшим разочарованием военно-политического руководства США, осознавшего недостижимость заявленных целей на лидерство и снижение их роли и значения в мировой политике. Реальность оказалась сложнее, чем представляли апологеты американского порядка. США, возложив на себя миссию глобального доминирования, в конечном итоге попросту «перегрелись».

Началась разбалансировка американоцентричной мировой системы – однополярного мира. При этом началась она по вине самих Штатов, которые переоценили свои силы и возможности, а также нивелировали саму идею американского глобального лидерства. Бесконечные войны и конфликты, инициированные США, многочисленные человеческие жертвы и разрушения гражданской инфраструктуры, потоки беженцев, массовые нарушения прав в процессе продвижения и утверждения американоцентричного мирового порядка дискредитировали США, переставших восприниматься в качестве арбитра и законодателя правил на мировой арене.

Произошло то, что и должно было произойти: непомерные амбиции США в конечном итоге натолкнулись на их неспособность решать задачи как глобального, так и регионального уровня.

Все это в совокупности вызвало глобальный резонанс и способствовало трансформации мирового порядка, важнейшим трендом которого стал закат *Rex Americana* – разрушение мирового порядка, который США и их союзники считали вечным. Никакой «конец истории», как это возвещали американские футурологи, не наступил, напротив, начался новый ее период – постамериканизированный.

Процесс формирования миропорядка, по мнению О.Г. Карповича и А.В. Манойло, сопровождается возникновением новых полюсов, выступающих новыми центрами притяжения движущих сил мировой политики и составляющих острую конкуренцию американоцентричной концепции однополярного мира [4]. Центрами этих полюсов выступают, по мнению указанных авторов, так называемые «новые гиганты» мировой политики – стремительно набирающие силу развивающиеся страны, находившиеся на периферии линий геополитической напряженности [4, 13].

Значительная часть этих «гигантов» относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Уже сейчас на долю участников Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) приходится 61% мирового ВВП, 47% оборота международной торговли. При этом, по данным Всемирного банка за 2020 год, в числе 15 крупнейших мировых экономик фигурировали 7 экономик ведущих азиатско-тихоокеанских стран. По данным Международного валютного фонда, в ближайшие несколько лет две трети роста мировой экономики будут приходиться на Азию, где пять ведущих стран будут через некоторое время доминировать не только в Азии, но и в мире [9].

В наибольшей степени это касается Китая, демонстрирующего на протяжении более двух десятилетий высокие темпы роста экономики и инвестирующего значительные средства в экономику не только развивающихся, но и развитых европейских стран. По прогнозам американских специалистов, до 2030 года китайская экономика будет расти ежегодно в среднем на 5.2%, сокращая разрыв с США, у которых рост составит только 2.4%.

В лидеры экономического развития выходит и Индия, являющаяся, по данным Всемирного банка, самой быстро растущей крупной экономикой мира (более 7% в год). В пятерку стран с быстроразвивающимися экономиками входят также Япония, Южная Корея и Индонезия. По данным американских экспертов, «пятерка ведущих стран региона давно уже оставила позади Европейский Союз и уже почти на равных конкурирует с США» [9]. Все более важную роль играют и так назы-

ваемые «азиатские тигры» – Сингапур, Тайвань, Гонконг, – являющиеся финансовыми центрами уже не только АТР, но и всей глобальной экономики мира.

Все это свидетельствует о том, что Азиатско-тихоокеанский регион, представленный в значительной мере самостоятельными экономически развитыми государствами, обладающими к тому же значительным военно-политическим потенциалом, все больше претендует на роль глобального полюса мировой политики и экономики.

Данная тенденция отчетливо проявляется на фоне не только разрушения Рах Америгана, но и в целом в снижении роли в мировых процессах всего евроатлантического сообщества.

Несостоятельность проекта ЕС без поддержки США очевидна. Евроатлантическое сообщество долгое время, почивавшее под сенью фактического протектората США, оказалось под прессингом не только своих внутренних проблем, но и администрации тех же США, потребовавших более четкой проамериканской позиции, не участия в тех международных экономических проектах, которые не соответствуют американским интересам, а также повышения финансовой ответственности за функционирование НАТО как гаранта их безопасности.

Привыкшее оглядываться по всем вопросам на США евроатлантическое сообщество оказалось в очень сложном и уязвимом положении. Европейские государства уже привыкли быть оккупированными, и только лишь одно заявление экс-президента США Д. Трампа о намерении сократить численность американского военного контингента в ФРГ вдвое (с 52 тыс. до 25 тыс. человек) вызвало шок у немецкого истеблишмента. На самом же деле эти цифры как присутствия, так и декларируемого вывода войск были завышены. Большая часть контингента была передислоцирована на территорию Польши. Потребовались официальные разъяснения и заверения, чтобы официальные структуры ЕС и Германии «успокоились».

Иллюзии, что с приходом Дж. Байдена отношения США с Европой примут взаимовыгодный характер, развеялись. Более того, как показывают заявления и действия от его имени представителей американской администрации, давление на европейских союзников усиливается.

Давление США на своих союзников становится все более жестким и системным, оно выходит за рамки оплаты за услуги военно-политического характера, обусловленные размещением американских контингентов в Европе. Сам факт их дислокации является рычагом воздействия на национальные европейские правительства.

Очевидным трендом современного развития системы международных отношений является и кризис евроинтеграции.

Политическое и экономическое пространство Евросоюза с уходом Британии сузилось. По сути дела к настоящему времени с учетом ведущей роли Франции и Германии, Евросоюз – это уже по большей части франко-германская конфедерация со столицей в Брюсселе. Роль остальных членов Союза, несмотря на декларируемое равноправие, достаточно условна. Им дозволено лишь соглашаться с руководством ЕС.

При этом очевидно, что в руководстве и ЕС, и стран-членов сообщества достаточно сильны позиции евроскептиков. И не исключено, что в ближайшем будущем примеру Британии последуют и другие страны. Так, в частности, будущее Евросоюза во многом зависит от результатов избирательной президентской кампании во Франции в мае 2022 года. Ее итоги окажут влияние не только на развитие политической ситуации и процессов в самой Франции, но и за ее пределами.

Все это дает основание предполагать, что Германии придется самой «нести ношу» евросолидарности, в том числе и в интересах тех, кто готов оспорить ее европейское лидерство, по крайней мере, в плане отношений с США. Речь, в частности, идет о таких странах, как Польша и прибалтийские страны, демонстрирующие свою «западность» и лояльность США большую, чем страны Западной Европы.

Реалиями современной европейской политики является появление нового амбициозного субъекта европейской политики – Украины, в еще большей мере демонстрирующей лояльность США и готовность идти на любые жертвы ради американских интересов.

В свое время американские политтехнологи ввели в политический лексикон понятие «rogue state» – «государство – изгой», хотя дословный перевод этого термина означает «государство – негодяй». Конечно же, целую страну с ее населением нельзя назвать «негодьями» даже, несмотря на, по сути, подленькую внешнюю и внутреннюю политику ее руководства. Это могут позволить себе только представители американских официальных структур, открыто демонстрирующих пренебрежение нормами международного права. Тем не менее другое американское определение – «failed state» – «падающее» или несостоявшееся государство, по всей видимости, вполне отражает современный статус Украины.

Важнейшая специфика Украины заключается в ее антироссийском внешнеполитическом векторе, и это, пожалуй, ее самый главный товар, который она экспортирует на внешние рынки. Главная же ценность Украины для США заключается в том, что ее территорию можно использовать для угрозы жизненно важным центрам России.

Начиная с 2014 года, территория Украины активно осваивается американскими и натовскими военными специалистами. США фактически руководят всеми преобразованиями в военной сфере Украины и переводе ее

вооруженных сил на стандарты НАТО. Так, в области вооружения США выделили Украине с 2014 года уже более 2 млрд долларов. В больших количествах поставляется оружие украинским военным⁵.

Реалиями современного развития военно-политической ситуации на Украине является возрастание количества различного рода военных учений как двусторонних с США, так и многосторонних со странами НАТО с отработкой провокационных целей и задач. Так, в ходе учений «Объединенные усилия – 2020» отработывались вопросы нанесения ударов по территории России. Апогеем провокационности стала имитация ядерного удара по территории Крыма американскими стратегическими бомбардировщиками В-52. По мнению экспертов, все это означает, что Украина рассматривается как потенциальная арена для войны НАТО с РФ.

Для безопасности России чрезвычайное значение имеет и еще один продукт американской помощи Украине, представленный комплексом секретных биологических лабораторий. К настоящему времени на Украине функционируют 15 секретных американских лабораторий, деятельность которых финансируется за счет средств Минобороны США и, таким образом, осуществляется в интересах Пентагона. Это свидетельствует о том, что в лабораториях осуществляется разработка биологического оружия.

С учетом того что большая часть американских биологических лабораторий расположена в приграничных с Россией регионах (Одессе, Киеве, Херсоне и неподалеку от Крыма и Луганска), возрастает опасность практического применения их разработок против Российской Федерации. При этом важным фактором, определяющим ценность для США разработки патогенов опасных заболеваний на Украине, является генетическая близость ее населения с гражданами России и других стран постсоветского пространства.

Все эти, а также другие аспекты внешней и внутренней политики современной Украины свидетельствуют о высокой степени ангажированности украинского руководства и его зависимости от администрации США и опасности дальнейшего использования ее территории и населения для конфронтации с Россией. По сути, Украина может стать глобальной «пороховой бочкой», по аналогии с наиболее конфликтным регионом XX столетия – Балканами.

При этом сама по себе Украина является одним из эпицентров радикализации политических процессов и распространения нестабильности на сопредельные страны, а также в целом на европейскую политику. Именно на Украине открыто функционируют различного рода правоэкстремистские и неонацистские организации. Здесь же проходят под-

⁵ Основными оружейными экспортерами для Украины являются США, Канада, Румыния, Болгария, Польша и Литва. *Прим. автора.*

готовку и непосредственно участвуют не только в гражданской войне на Донбассе, но и в акциях своих сторонников в Киеве и других городах Украины, праворадикальные экстремисты и неонацисты со всего мира и, прежде всего, из европейских стран. Отсюда они, получив опыт экстремистской противоправной деятельности, разъезжаются, формируя в своих странах так называемые «спящие ячейки» единомышленников, готовые к активным антиправительственным действиям. Поэтому в данном случае Украина и происходящие на ее территории процессы несут значительный деструктивный потенциал не только для Европы, но и для глобальной безопасности в целом.

Очевидно также и то, что в целом реалиями современной мировой политики является выход на политическую арену сил и структур, в основу деятельности которых заложено стремление к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и разрушение основ государственного устройства. По сути дела, ситуация в ряде стран, регионов, а также в целом на уровне мирового сообщества аналогична той, которая предшествовала так называемой «арабской весне» 2010–2011 годов.

При этом, в отличие от США, в европейских странах чрезвычайный характер носит террористическая угроза и противоправные действия мигрантов – выходцев из зон ближневосточных конфликтов тех, кто участвовал в революциях «арабской весны», но вынужден был мигрировать в Европу. Начиная с нападения на скандальный французский еженедельник «Шарли» в январе 2015 года, теракты, осуществленные беженцами из зон ближневосточных конфликтов, обрели характер устойчивой тенденции развития политических процессов на Европейском континенте.

Чрезвычайную актуальность в середине второго десятилетия XXI столетия обрел и сам миграционный кризис, вызванный массовой миграцией беженцев и переселенцев из зон вооруженных конфликтов, государств и территорий, пораженных эскалацией насилия, а также вследствие неблагоприятных условий их жизнедеятельности в местах прежнего проживания. Основным направлением миграции стали европейские страны, в силу целого ряда причин, в том числе обусловленных возможностью обеспечения их безопасности и достаточного высокого уровня жизни. В период пикового развития миграционного кризиса, в 2015–2016 годах, в страны Евросоюза мигрировало более 1,8 млн беженцев. В дальнейшем поток мигрантов в страны Евросоюза не был столь массовым и колебался в пределах от одной до нескольких тысяч человек в год. В то же время сам процесс миграции принял характер устойчивой тенденции с масштабными перспективами. По данным Международной организации по миграции (МОМ) общее количество мигрантов может возрасти до 5 млн человек. Всего статистике МОМ в

настоящее время количество беженцев и мигрантов составляет порядка 60 млн человек. В этом плане правомерно констатировать, что европейский кризис является частью глобального миграционного кризиса и только вершиной того «айсберга», который в ближайшей перспективе может обрушиться на Европу.

Динамика развития данной тенденции дает основания полагать, что ситуация с миграцией в ближайшей перспективе едва ли утратит свою остроту. Напротив, вследствие эскалации напряженности и ухудшения социально-экономической ситуации в ряде регионов Планеты миграционные потоки в ближайшей перспективе, очевидно, будут возрастать.

Важнейшим фактором, определяющим развитие современного мирового политического процесса, стала пандемия COVID-19, ставшая, по словам Президента России В.В. Путина, «очередным напоминанием о том, как хрупко наше сообщество, насколько оно уязвимо, а самой главной задачей становится обеспечение безопасного существования человека, стрессоустойчивости» [3].

Очевидно, что человечество столкнулось глобальным вызовом, сравнимым по своим катастрофическим последствием с эпидемией гриппа 1918–1919 годов, вошедшей в историю под названием «испанка». Начиная с марта 1918 года до лета 1919 года количество зараженных «испанской» составило порядка 500 млн человек (21,5% населения Земли), а количество жертв по разным данным – 50–90 млн человек или 2,7–5,3% населения Земли. Таким образом, количество жертв от эпидемии более чем в два раза превзошло боевые потери стран участников Первой мировой войны, на заключительном этапе которой она разразилась.

При этом сам процесс вакцинации обретает все более конфликтный характер и вызывает массовые протесты в различных странах, прежде всего Европы и США.

Помимо COVID-19, определённую угрозу несут климатические изменения. По словам Президента России В.В. Путина, «климатические деформации и деградация окружающей среды столь очевидны, что даже самые беспечные обыватели неспособны от них отмахнуться. Можно продолжать вести научные споры о механизмах происходящих процессов, но невозможно отрицать, что эти процессы усугубляются и надо что-то делать. Природные катаклизмы – засухи, наводнения, ураганы, цунами – практически чуть ли не нормой стали, мы к этому начали привыкать. Достаточно вспомнить разрушительные, трагические наводнения в Европе минувшим летом, пожары в Сибири – примеров очень много. Не только в Сибири – у наших соседей в Турции какие пожары были, в Соединённых Штатах, вообще на Американском континенте. Любое геополитическое, научно-техническое, идейное соперничество просто в таких условиях,

иногда кажется, теряет смысл, если его победителям будет нечем дышать или нечем утолить жажду [3].

Еще одной характерной чертой европейской политики, позволяющей провести аналогии с событиями XIX и XX столетий, является проявление русофобии и институализация политики сдерживания России. Примечательно и еще одно высказывание цитируемого выше высокопоставленного британского чиновника Г. Пальмерстона: «Как трудно жить, когда с Россией никто не воюет».

Очевидно, что трудности американские и европейские чиновники испытывают и в настоящее время, особенно с учетом преодоления Россией кризисных процессов и ее возвращения в большую политику в качестве ведущего государства мирового сообщества.

Русофобия и политика сдерживания России вновь занимают центральное место в европейской политике. Налицо, таким образом, цикличность развития. По крайней мере, то, что сейчас процессы конфронтации формирующиеся в настоящее время многие эксперты называют «холодной войной – 2.0» [6].

Россия в данном случае играет для европейского истеблишмента роль объекта внешнеполитического прессинга. Создается впечатление, что именно на России еврочиновники пытаются компенсировать диктат и пренебрежительное отношение к ним и странам, которые они представляют, со стороны США. Если в сторону США они даже посмотреть не смеют, то по отношению же к России используется весь набор технологий от фейковых обвинений до провокаций в приграничных территориях и пространствах с Россией.

Все это дает основание полагать, что происходит трансформация мирового порядка, закат Pax Americana и деградация в целом западно-центричного – ориентированного на Европу мирового порядка и начало формирования нового мироустройства. Вполне очевидно, что это будет стимулировать конкуренцию между различными центрами силы за возможность оказывать воздействие на них, если не на глобальном, то, по крайней мере, на региональном уровне. Это определяет необходимость конкретизации основных положений внешнеполитической стратегии России применительно к текущим и перспективным процессам трансформации мирового порядка в третьем десятилетии XXI столетия.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
2. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43–60.

3. Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>.
4. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы М.: Изд-во Дипломатической академии МИД РФ, 2020.
5. Каширина Т.В. Американская концепция «современного миропорядка» и американо-российские отношения на рубеже XX–XXI вв.
6. Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0 (доклад Изборскому клубу). <https://izborsk-club.ru/4224>.
7. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования //Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
8. Постсоветское пространство 30 лет спустя / Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.
9. Сизов Е. Будущее АТР. Топ-5 экономик Азии к 2030 году. <https://oko-planet.su/finances/financescrisis/328852-buduschee-atr-top-5-ekonomik-azii-k-2030-godu.html>.
10. Список военных операций США. <https://ruxpert.ru>.
11. США в борьбе за мировое могущество. http://becmology.ru/blog/politic/usa_politic20.htm.
12. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
14. Georg Bush. Address Before Joint Session of the Congress. September 11, 1990 // Weekly Compilation of presidential Documents. Vol. 26. № 37 (September 17, 1990).
15. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.

УЖЕСТОЧЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Паутова Алла Викторовна

С конца 1990-х каждые четыре года Национальный совет по разведке США (NIC) издает доклады с анализом тенденций мирового развития на долгосрочную перспективу. К настоящему времени выпущено 5 докладов, которые предназначены в первую очередь для политического руководства США. Анализ глобальных тенденций в экономике, демографии, международных отношениях, безопасности позволяет определить направления внешней политики, заранее разработать комплекс мероприятий, обеспечивающих благоприятное для США развитие событий.

Первый доклад готовили аналитики из 16 основных и ряда вспомогательных спецслужб, входящих в разведывательное сообщество США. К каждому новому изданию привлекался все более широкий круг участников из США и других стран. Их точка зрения выяснялась при проведении совещаний, конференций, семинаров, опросов. В подготовке последнего пятого доклада *GT 2030* участвовал наиболее представительный круг специалистов, политиков, экспертов, бизнесменов. Проводились встречи с членами правительств, предпринимателями и учеными более чем из 20 стран, активно использовались возможности интернет-форумов. Работа над прогнозом началась с анализа «белых пятен» и допущенных ошибок в определении предыдущих глобальных тенденций [1].

В *GT 2030* представлено видение как глобального развития мира, так и отдельных сторон жизни современного общества. Через 20 лет мир будет отличаться от современного кардинальным образом. Население Земли возрастет на 1,2 млрд человек. Ускорятся процессы урбанизации и миграции населения. К 2030 году мировой уровень урбанизации достигнет 60%. Города будут давать 80% экономического роста. Получат развитие новые инфраструктурные технологии, ориентированные на использование ограниченного количества ресурсов. Из четырех базовых технологий, которые будут определять к 2030 г. глобальные экономические, социальные и военные разработки, а также действия мирового сообщества, направленные на охрану окружающей среды, первыми авторы доклада приводят информационные технологии [2]. Их совершенствование позволит хранить и обрабатывать большие массивы данных, электронные сети и облачные технологии обеспечат гло-

бальный доступ к информации и широкое распространение информационных услуг, будут способствовать развитию социальных медиа. Расширение рынков информации потребует повышения уровня безопасности глобальных сетей, что породит новые проблемы для государственных институтов и гражданского общества.

Понимание преимуществ информационных технологий должно быть увязано с осознанием новых угроз, которые они представляют. Особую тревогу вызывает то, что криминальные структуры и отдельные лица могут получать доступ к передовым смертоносным технологиям, будут способны к осуществлению массового насилия и разрушения. Монополия на эти средства в настоящее время принадлежит государствам. Еще одна реальная угроза, связанная с развитием информационных технологий – беспрецедентное расширение возможностей правительства следить за своими гражданами. То и другое является проявлением внешней и внутренней информационной войны, определениями которой в настоящее время изобилуют научные и публицистические статьи как отечественных, так и зарубежных авторов.

Журнал «Osterreichische Militärische Zeitschrift», например, отмечает, что под «информационной войной» до сих пор понималось интегрированное использование базовых способностей в области ведения электронной войны, сетевых операций, психологических операций и фальсификации. Они служат двум целям: повлиять на процесс принятия решений противником и обезопасить собственные операции [5].

«I – война» дополняет это понятие оперативной задачей идентификации, контроля или интерпретации и целенаправленного воздействия против индивидуального противника, а также сетевых структур. Это дополнительно включает оперативную реакцию на такие специфические угрозы, как хакерская атака и сетевая полиция.

Доклады администрации США по обороне и безопасности (Quadrennial Defense Review Report 2014, National Security Strategy Report 2015) указывают на приоритет сетевых структур, малых групп и отдельных личностей в центре оперативного вызова «малых войн». При этом анализ врага является самой трудной и важной задачей в асимметричной войне против иррегулярных сил.

23 октября 1983 г. на базе морской пехоты США в Бейруте был осуществлен крупнейший в современной истории террористический акт. Эта трагедия, унесшая 241 военнослужащего, стала началом суицидального терроризма, который распространился на другие части света и открыл новую эпоху «асимметрии», «гибридности» и значения отдельной личности с точки зрения политики безопасности. Благодаря стремительному технологическому прогрессу, индивид стал обладать беспрецедентной властью.

Сценарий будущих угроз определяется различными формами иррегулярного ведения войны: терроризмом, переворотами, восстаниями и преступностью. Индивиды и малые группы будут иметь более легкий и быстрый доступ к летальным сценариям боев, которыми ранее обладали государственные структуры. Запад становится уязвим в сфере технологического сбора данных и борьбы с наемниками.

Национальные государства отныне должны делить свою роль гарантов безопасности с такими наднациональными игроками, как Google и Facebook. События в Сирии, деятельность ИГИЛ, «арабское восстание» на Ближнем Востоке и в Северной Африке подтверждают это развитие. В 2015 г. в Twitter существовало более 46 тысяч аккаунтов членов ИГИЛ.

Через всемирную сеть, передачу в режиме реального времени все более крупных объемов информации, растущую степень фильтрации при поиске данных превосходство «мягкого» знания в области обеспечения безопасности государственными органами резко падает. Пользовательские банки данных подчас становятся более оперативными и объемными, чем государственные, поэтому для государственных «игроков» с точки зрения обеспечения безопасности становится необходимым объединение глобального и национального информационных полей. На практике это означает обработку массовых потоков данных обеих сфер безопасности: глобальной – международные и социальные медиа, глобальная информационная инфраструктура, орбитальные спутники, международные организации, системы и правительства союзников и противников и национальной – национальная информационная инфраструктура, политические решения, релевантная информация и текущие операции.

Негосударственные акторы, оперирующие в рамках сетевых структур, и одиночные преступники используют свою анонимность как тактическое преимущество. Высокая доля грядущих военно-гражданских операций будет осуществляться в разрушившихся или разрушающихся государствах, в которых регистрация персональных данных недостаточна. Мощная миграция ослабляет внутреннюю безопасность. Негосударственные субъекты используют современную технологию для объединения в сеть своих операций, а государства из-за неэффективного законодательства и длительного пути принятия решений тактически на шаг отстают. По данным исследования U.S. Centerfor Global Development, около 40% детей из так называемых стран второго и третьего мира не имеют ни официальных удостоверений личности, ни свидетельств о рождении [5].

Современная угроза со стороны действующего в международных масштабах исламистского терроризма оценивается правительством США и другими западными странами как новая угроза со стороны «обычных» террористических организаций. При этом сталкиваются две

ментальности: героическая – «протогосударственный воин» и постгероическая – относительно предсказуемый, государственный актер. Последним руководят гражданские лица, которые редко могут продемонстрировать практический военный опыт. Они верят только в эффективность международного права и международных организаций, рассматривают войну как следствие неправильных оценок со стороны государственных деятелей, а терроризм – как одну из форм преступности.

«Протогосударственным воином», напротив, руководят харизматичные предводители с военным опытом. Они располагают субгосударственными признаками идентификации, такими как клан, этнос, религия, не соблюдают международные границы и законы. Они презирают систему правил их западных противников, рассматривают войну в качестве «нормальной» реакции в ответ на фактическое или предполагаемое оскорбление, а терроризм – как легитимный метод ведения войны.

Для достижения успеха в борьбе с современными угрозами органы безопасности не должны отставать от процессов ускоренного развития технологий и вовремя проводить анализ биометрических, биографических, судебных банков данных и систем сбора информации. В целях безопасности важнее не разрушение инфраструктуры противника или завоевание территории, а более быстрая обработка данных и целенаправленное управление информацией и идентификацией угроз на поле боя. Законодательные рамочные условия и структуры, задействованные в сфере безопасности, должны быстро приспособиться к новой ситуации. Многие развитые государства озабочены этой проблемой и стремятся как акторы и гаранты безопасности не потерять свое конкурентное преимущество и не нарушить свой долг по защите населения.

5 декабря 2016 года В.В. Путин подписал новую Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, которая пришла на смену аналогичному документу 2000 года. Новая доктрина выражает официальную позицию государства по управлению национальной безопасностью в информационной сфере.

Информационная сфера определена теперь шире, а ключевым термином стала «информатизация» социальных, экономических и технологических процессов в связи с расширением использования информационных технологий в обществе и стране. Это свидетельствует о признании роли информационной сферы в процессе технологического развития, и что информационная сфера теперь будет использована для изменения устройства общества, в том числе в интересах национальной безопасности России. В доктрине также содержится призыв наращивать управление Интернетом и информационной безопасностью, а также активизировать разработку информационных технологий в России. Общие изменения в доктрине связаны с уточнением понятия «информационная безопас-

ность». Главным отрицательным фактором становится возрастание технических возможностей по нанесению кибератак иностранными государствами, в том числе неустановленными. В доктрине, кроме того, говорится о росте кибершпионажа в отношении государственных органов, научных учреждений и оборонной отрасли РФ, информационно-психологического давления, и количества киберпреступлений, совершаемых в банковской и финансовой сферах.

Национальные интересы России в информационной сфере рассматриваются через призму «стратегического равновесия». России не удается сократить отставание от Запада в развитии технологий. В тексте доктрины говорится, что все это: недостаточный уровень развития российских информационных технологий, услуг и производственных мощностей – приводит к возникновению зависимости от иностранных информационных технологий, то есть социально-экономическое развитие России начинает зависеть от геополитических интересов иностранных государств. Для устранения подобных рисков необходимо сосредоточиться на производстве информационного оборудования и программного обеспечения на территории России.

В текст доктрины включен план по сокращению влияния технологического отставания России. Суть плана состоит в том, чтобы разработать новую международную систему информационной безопасности, переписав международно-правовые нормы, регулирующие вопросы, связанные с международной информацией, тогда Россия сможет сделать так, что информационные технологии больше не смогут нарушить стратегическое равновесие между великими державами.

Есть еще вопрос укрепления границ Рунета. В новой доктрине говорится о защите прав и свобод в информационной сфере, в том числе о доступе к информации и об использовании информации как о вопросах общенациональной важности. В то же время в ней предлагается обеспечить равновесие между правами граждан на свободный обмен информацией и ограничениями, обусловленными национальной безопасностью в информационной сфере. Кроме того в документе говорится о необходимости постоянного отслеживания угроз национальной безопасности, то есть о возрастании контроля над российским сегментом Интернета со стороны органов безопасности в ответ на внутренние и внешние угрозы в информационной сфере.

Итак, доктрина информационной безопасности поддерживает стратегическое равновесие, которое связано с желанием России сохранить свой статус великой державы на международной арене, а в конце XX века в противовес политической установке «жесткой силы» заметно возросла роль «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений.

Концепт «мягкая сила» («гибкая власть») был сформулирован известным американским политологом Дж. Наем [12]. Он выделил три базовых ресурса «мягкой власти»: культуру, идеологию и внешнюю политику, имеющую моральный авторитет.

«Мягкая сила», по мнению П.Б. Паршина, представляет собой «совокупность инструментов и сформировавшихся практик, которые рассматриваются как «мягкие» в том смысле, что при их использовании можно ожидать нанесения относительно меньшего ущерба», чем в случае «применения других инструментов для достижения поставленных целей» [18].

В политической лексике российской публичной дипломатии термин «мягкая сила» употребляется с февраля 2012 года, когда В.В. Путин в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» описал данное понятие как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [19]. Однако, до сих пор требуется уточнение термина «мягкая сила» в ее российском понимании, так как феномен «мягкой силы» – весьма сложное явление современной внешней политики.

В историко-культурном аспекте природа «мягкой силы» ассоциируется с культурными, ненасильственными, демократическими, эмоционально привлекательными ценностями. Эти Ценности используются для установления и поддержания власти методами, направленными на осуществление установки убедить других «хотеть того, чего хотите вы».

Дж. Най предложил новую концепцию «умной силы» (smart power), то есть «способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы «мягкой» и «жесткой» сил [22]. Мониторинг эффективности использования инструментов «мягкой» и «жесткой» сил всегда требует конкретного подхода, так как зависит от многих внутренних и внешних обстоятельств, определяющих возможности применения тех или иных сил. Информационное воздействие также может характеризоваться разной степенью жесткости.

Опыт США и Запада в использовании инструментов «мягкой силы» проявился в разработке программ информационного воздействия на массовое сознание населения. Многие специалисты отмечают безоговорочное лидерство США в применении «мягкой силы».

Соединенные Штаты обладают не только высокой военной мощью, но также и высокой «мягкой» мощью. Эта мощь противостоит тенденциям «одной стороны»; ее приверженцы утверждают, что Америка может ослабить себя, если она всегда будет действовать в одиночку, и что во внешней политике ее поджидают реальные опасности,

если она не откажется от односторонности, самонадеянности и местничества. В число инструментов «мягкой силы», которыми обладают США, входит их язык, который уже стал языком международного общения; привлекательность их массовой культуры, в том числе, музыки, одежды и системы быстрого питания; их материальный успех; и, самое главное, их роль в глобализации, включая коммуникации и информационные технологии. Однако, все это может как притягивать людей, так и вызывать негодование в других цивилизациях и политических системах.

Привлекательность некоторых аспектов американской «мягкой силы» очевидна. Богатство, стиль жизни и свобода самовыражения обладают естественным притяжением для большинства, если не для всех. Гораздо труднее понять, почему еда, напитки и одежда по-американски так привлекательны для многих, особенно, для молодых. Частью ответа является всемирный маркетинг; он окружает это ореолом успеха – «богатые и успешные люди едят А, пьют Б и носят В; если я буду делать то же самое, я тоже заживу их жизнью» [10].

Однако, американское лидерство в глобализации, по определению, будет уменьшаться, по крайней мере, в относительном выражении, по мере того, как к глобализации будут присоединяться другие части света, у которых появятся свои последователи. Так будет идти распространение этого процесса. Доля Соединенных Штатов в мировом населении будет снижаться, в то время как абсолютное и относительное богатство Индии и Китая почти наверняка вырастет, то же самое касается и других стран с многочисленным населением. Технологии и материальное богатство будут придавать США вес, не сопоставимый с размером их населения, особенно, военные технологии. Однако, в глобальном мире, где распространяется демократия и прозрачность по-американски, Америке будет все труднее отказываться поделиться с другими своим богатством и процветанием, и, конечно же, своей гегемонией.

В России культурная «мягкая сила» продвигалась путем активной поддержки русского языка и русской культуры в соседних странах, а также ее приверженцев, особенно в Прибалтике и Украине. Москва предпринимала различные дипломатические инициативы, направленные на ограничение западного вмешательства в сферу ее интересов с тем, чтобы восстановить свое стратегическое превосходство в странах Восточной Европы, на Южном Кавказе и в Средней Азии. Например, Москва публично призвала Киргизию к закрытию американской авиабазы на ее территории, одновременно предпринимая инициативы с целью ограничения западного влияния в этом регионе. ШОС является элементом российской внешней политики по установлению суверенной демократии с целью обеспечения российского влияния в данном

регионе. Такая линия поведения проводится в Восточной Азии, где Россия поощряет развитие альтернативных полюсов влияния для того, чтобы конкурировать с США [4].

Формирование у России своего формата «мягкой силы» является объективным показателем мирового лидерства, хотя данный факт не признается США. 9 июля 2012 года на совещании послов и постоянных представителей Президент России обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу». Это подразумевает «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатии к своей стране, основываясь на достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере». В.В. Путин признал, что «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко» [20].

В современных условиях именно «мягкая сила» зачастую обеспечивает информационную подготовку прямого военного вмешательства. Примером является ситуация «российского присутствия» в Сирии. 30 сентября 2015 года президент Сирии Башар Асад попросил Россию о военной помощи в борьбе с боевиками ИГИЛ, а Совет Федерации России одобрил применение российских ВВС в Сирии. В этот же день российская авиация начала бомбардировки позиций боевиков в Сирии [23]. Россия в Сирии оказывает военную помощь только легитимной армии президента Асада в соответствии с Уставом ООН. Об этом Президент РФ В.В. Путин заявил в интервью американскому журналисту Ч. Роузу для американского телеканала CBS [21].

Для проявления российской «мягкой силы» и культурного влияния на международное сообщество и политическую элиту, помимо официальных путей воздействия, существуют другие сферы сотрудничества: спорт, туризм, образование, которые выступают в качестве проводников «мягкой силы».

В условиях формирования глобального информационного пространства и новых информационно-коммуникативных технологий расширяются возможности коммуникационного воздействия на международные процессы, а использование «мягкой силы» в регулировании международных процессов начинает занимать доминирующие позиции, оттесняя инструменты «жесткой силы».

На восприятие страны в массовом сознании большое влияние оказывает имидж. «Имидж России должен вызывать уважение, быть привлекательным, открывать возможности для конструктивного диалога на основе тех ценностей, которые позиционирует Россия как мировая дер-

жава» [14]. В продвижении позитивного имиджа государства ключевая роль отводится публичной дипломатии.

Образование тоже является мощным проводником «мягкой силы», но только в долгосрочной перспективе, так как культура и ценности распространяются постепенно. Следует учитывать, что в современном мире «происходит увеличение роли университетов как центров науки и культуры», благодаря которым по-новому происходит конструирование образов социальной реальности, осуществляемого «с целью усиления положительного эффекта инновационных трансформаций в науке, производстве, образовании» [16].

Этим же термином в США называют и развитие военно-технических связей с различными странами мира, что составляет основу концепции администрации США «Сотрудничество для обеспечения безопасности».

На современном этапе военные эксперты и политики активизируют свои усилия по развитию военно-технического сотрудничества в условиях значительного обострения конкуренции в военно-технической сфере. Военно-техническое сотрудничество имело большое значение еще в период Второй мировой войны, однако, в наше время эта область только сравнительно недавно стала привлекать заслуженное внимание современных военно-политических кругов. Речь идет о взаимодействии с потенциальными союзниками и партнерами для обеспечения безопасности. Эта деятельность, по существу, представляет собой «мягкую» войну.

«Сотрудничество для обеспечения безопасности» – это термин администрации США, который используется для обозначения различных видов военно-технической помощи, предоставляемой потенциальным партнерам в ходе взаимодействия. К этим видам помощи можно отнести поставки военной техники, обучение военных представителей иностранных государств, предоставление кредитов для закупки техники и оборудования.

Развитие сотрудничества для обеспечения безопасности осуществляется США по программам установления партнерских отношений путем ведения переговоров на уровне военных делегаций. Центральное место при таком взаимодействии остается за федеральной программой «Торговля продукцией военного назначения с зарубежными странами» (Foreign Military Sale), военным финансированием зарубежных стран, а также международным военным образованием и боевой подготовкой представителей иностранных государств.

Хотя взаимодействие для обеспечения безопасности в основном осуществляется министерством обороны США, оно в действительности находится под полным контролем государственного департамента и, в конечном итоге, американского конгресса. После министерства оборо-

ны конкретную программу должен одобрить государственный департамент, а конгресс должен дать указания по ее реализации. Продажа основных систем оружия странам – не членам НАТО (и некоторым странам-членам НАТО), в которых США крайне заинтересованы, полностью утверждается в течение двух лет.

США приступили к активному использованию концепции «Сотрудничество для обеспечения безопасности», находясь в достаточно выгодном положении. У них осталось много союзников по «холодной войне», таких, как страны НАТО, количество которых к тому же в последние годы увеличилось. Когда объем российской торговли оружием снизился, бывшие союзники России стали стремиться к приобретению западного оборудования. Для победы в этой «мягкой войне», Соединенным Штатам Америки, по мнению их военных специалистов, необходимо провести реформы внутриведомственного процесса передачи технологий, системы финансирования военного сотрудничества с зарубежными странами, а также системы военного образования и боевой подготовки представителей других государств [3]. Образование и боевая подготовка – это главное направление, позволяющее заложить основу для потенциального влияния на будущих командиров, которым предстоит принимать решения. Однако зачастую в вооруженных силах США запрещают использовать финансовые средства для разработки учебных программ, нацеленных на подготовку только иностранных курсантов.

В международных отношениях «мягкая сила» должна подкрепляться составляющими «жесткой силы» для защиты государства от посягательств на его целостность и суверенитет. Успех российской внешней политики в настоящее время во многом зависит от умелого использования инструментов «мягкой силы»: информационного обеспечения, формирования имиджа России, развития военно-технического сотрудничества, туризма, спорта, образования и расширения сети российских учебных центров русского языка и русской культуры за рубежом.

Литература и источники:

1. Global Trends 2030: Alternative World.//Publications of the National Intelligence Council. Washington, 2012.
2. Burrows M. The Future, Declassified. Megatrends That Will Undo The World Unless We Take Action.//New York: Palgrave Macmillan. 2014. 288 p.
3. Defense News. 2008. 10 November, P. 30.
4. Jane's Intelligence Review. 2008. January. P. 32–35.
5. Osterreichische Militarische Zeitschrift. 2017. № 1.56-60s.
6. FIIA. Comment. 2016. 26 December. 1–2 p.
7. Nye J. Soft Power //Foreign Policy. Autumn. 1990. № 80. 153–171 p.
8. Nye J.S. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't. Go It Alone. //N.Y.: Oxford University Press. 2002. 240 p.

9. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group. 2004.
10. William Hopkinson. The United States and Europe in the Twenty-first Century/ Naval War College Newport Papers. 2005. № 23.
11. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
12. Бочарников И.В. «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // Дипломатическая служба. 2018. № 2. С. 58–66.
13. Суханова Н. «Мягкая сила» во внешней политике современной России // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7. С. 5–12.
14. Василенко И.А. Роль технологий «мягкой силы» в формировании имиджевой стратегии России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 1. С. 28–34.
15. На продвижение русского языка в мире выделили 2 млрд <http://izvestia.ru/news/587189>.
16. Образование. Культура. Язык: монография /под общ. ред. Е.П. Савруцкой. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ. 2014.
17. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования // Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
18. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). 14–21 с.
19. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. <http://www.inn.ru/politics/78738>.
20. Путин В.В. 2012. Выступление на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>.
21. Путин объяснил, что Россия оказывает военную помощь Сирии по Уставу ООН. <http://www.newsru.com/russia/27sep2015/putinsays.html>.
22. Рогозин А. Коммерческий пиар и политические технологии объединяются. Беседа члена Молодежной общественной палаты, аспиранта МГИМО (У) МИД России Алексея Рогозина с Дж. Наем о НАТО. России и «умной силе». http://www.apn.ru/1_publications/article20896.htm.
23. СМИ: Париж поверил, что Москва бомбит в Сирии именно боевиков. Доступ: <http://www.prorile.ru/rossiva/item/IQ1374>.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ

ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ И ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

Герейханов Гаджи Пирмурадович

Выяснение философских основ безопасности общества обусловлено тем, что позволяет сформировать не только общие научные представления о таком сложном социальном явлении, каким является безопасность сложных социальных систем, но и вскрыть их наиболее общие свойства, отношения и законы становления, развития и функционирования. Если исходить из аргумента, что безопасность есть состояние условий сложных социальных систем, обеспечивающих и гарантирующих сохранение их целостности, устойчивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели, то возникает необходимость выявления субъекта, способного выполнить эту функцию.

Человечество для обеспечения своей безопасности и бесконфликтного существования создало государство как форму своей организации. Оно предназначено для обеспечения условий устойчивого, динамического развития и эффективного функционирования общества. История свидетельствует, что когда государство, как политическая форма организации общества, суверенная организация публичной власти выполняет свои функции, определенные «общественным договором» (то есть выполняет то, что обещало), то в обществе наблюдается стабильность, устойчивость развития. Если же деятельность государства игнорирует позицию и интересы общества, то неминуема его конфликтность, которая может привести к распаду государства. С указанных позиций попробуем

рассмотреть некоторые философские аспекты безопасности, лежащие в основе стабильности государства и общества.

Говоря о государстве, отметим, что на Западе идентификация государства в качестве агента соотносится с идеологическим полем теории общественного договора, которая, как известно, не исчерпывает существующее многообразие версий генезиса государственности. Теория общественного договора преломляется через вполне определенный социокультурный контекст развития западной цивилизации. Исторически она выстраивалась на основе протестантского и пантеистического мировоззренческих компонентов. Для современных западных сообществ характерна идеология сервисной модели государства. Институты государственной власти выступают в данном случае в качестве агентов, а граждане – клиентов. Именно такая модель на протяжении почти 30 лет выстраивается в Российской Федерации. Попробуем разобраться с перспективами функционирования указанной модели на территории России.

На взгляд автора (и не только его, но и многих других исследователей), западная модель противоречит всей традиции развития государственности в России. Недостаточный эффект от реформ государственного управления и неисполнение национальных проектов, утвержденных Президентом РФ, во многом объясняется экстраполяцией применительно к специфическим российским условиям элементов чужеродной управленческой системы.

Если использовать конфессиональный подход, который во многом определяет культурный код российского общества, православное понимание государственности с теорией общественного договора принципиально не сочетается. В соответствии с традициями православия праведное государство строится не снизу-вверх, а сверху-вниз. Оно есть земная проекция Царствия Небесного, где Божественная харизма доводится через высшие институты государственной власти до низовых общин верующих. Таким образом, православный государь не может в принципе быть агентом – он «отец», «батюшка», «защитник» и др., но только не «топ-менеджер»! Таким образом, для российского общества во все времена *правитель (будь то царь, генеральный секретарь или президент) должен быть гарантом справедливости и правды!*

Похожей позиции придерживаются российские народы, исповедующие традиционный ислам и буддизм. Речь идет не о возрождении форм управления обществом на основе религиозного фактора, а учете в управлении государственными структурами различного уровня социокультурных, духовных начал российского общества, выработанных за долгую историю государства. Игнорирование указанного фактора привело к дестабилизации Советского государства и его разрушению. 90-е го-

ды прошлого столетия и нынешние события свидетельствуют, что этно-конфессиональный фактор сохраняет свою актуальность в системе обеспечения безопасности нашего государства.

Критический, конфликтный потенциал российского общества обусловлен и другим важным фактором общественной жизни – речь идет об экономической сфере. Западное общество живет в условиях постиндустриального общества, что часто характеризуется как общественная система сервисного типа, о чем уже было сказано. Действительно, 77% трудоспособного населения США задействовано в сервисном секторе экономики. В других ведущих странах Запада численность лиц, работающих в сфере сервиса, также превышает 2/3 общего кадрового потенциала. Однако постиндустриальное сервисное общество западного мира не способно существовать как самодостаточная система. Можно даже говорить об иллюзии постиндустриализма, определяемой локализацией экономического рассмотрения. *Сервисное общество на Западе стало реальностью только потому, что индустриальное производство было перенесено на Восток. Постиндустриализм оказывается, таким образом, лишь оборотной стороной неокOLONиализма.*

Для России по этой причине сервисная модель государственности не подходит. Государство в ней не может ограничиваться функцией обслуживания граждан. На него исторически возлагается, в частности, задача развития промышленного и аграрного производства, которое на Западе переложено на плечи «третьего мира» (это понимают пенсионеры Великобритании, ФРГ, США и др. стран Запада, но не «понимают» (?) некоторые российские ученые экономисты). Весь смысл реформаторской деятельности нелиберальных политиков России за последние десятилетия сводится к приведению государственного устройства в соответствие с постиндустриальной фазой развития промышленного и аграрного производства, которое на Западе переложено на плечи «третьего мира». Не трудно догадаться по какой причине данная модель не будет работать в России, хотя бы потому, что наша страна Западом рассматривается в качестве страны «третьего мира».

Онтологическими основаниями угрозы безопасности российского общества выступают особенности реформ государственного управления в различных сферах общественной жизни. Так, под видом «социального государства» в России строится, как мы уже отметили, «сервисное государство». В то же время очевидно, что на этой идее не сформировать единое сплоченное российское общество, так как агент (государство) – клиентские (народ) отношения для создания «большой семьи» неприменимы. Таким образом, целесообразен вывод, о том, что «идеология сервисного государства находится в резком диссонансе со всем историческим опытом развития государственности в России» [3, 80].

На протяжении всей истории Российского государства очевидна ведущая роль субъектов управления (Иван Грозный, Петр I, И.В. Сталин и др.), которые являлись главным катализатором происходящих в обществе перемен. Следовательно, функциональное назначение государственной власти в России принципиально иное, нежели на Западе.

Общественная система в России сохраняет де факто иерархическую природу, что не позволяет применить к ней идеологию моделирования сервисной государственности. Для иерархических сообществ модель государства-агента попросту лишена смысла. В России государственный чиновник есть начальник, но никак не агент. Отношения «начальник – подчиненный» составляют базовый принцип российского управленческого функционирования, имеющие под собой глубокие ментальные основы. Поэтому, чтобы хотя бы гипотетически рассчитывать на успех реализации реформ по формированию в России государства сервисного типа надо первоначально произвести инверсии на уровне менталитета.

Моральная привлекательность сервисной государственности также весьма сомнительна. Статус агента определяется вступлением его в отношения найма. Соответственно, и государство – агент также нанимаемо. Оно служит тому, кто платит. Такой подход таит в себе потенциальную угрозу для государственной безопасности. Феномен государственного компрадорства в данном случае весьма вероятен.

В то же время необходимо отметить, что включение в механизм отношений между государством и обществом аспектов, учитывающих его информатизацию и цифровизацию, несомненно, играет важную роль. И здесь предпринимаемые государством шаги должны приветствоваться и поддерживаться. Однако государственные чиновники различного уровня должны помнить, что их функция намного шире, чем «оказание услуг населению».

Таким образом, задача снижения конфликтного потенциала общества, его нестабильности, а значит, усиления безопасности государства требует выработки для России собственной государственной идеологии, основанной на учете специфичности ее развития.

Указанный вывод опирается не только на рассуждения, приведенные выше, но строится на оценке социальной реальности, наблюдаемой в российском обществе на протяжении многих десятилетий. Не секрет, что причиной угроз государственной безопасности, помимо внешних угроз, выступают как минимум проявление двух факторов – этнического и конфессионального, которые обеспечивают проявление других движущих сил в их диалектическом единстве и взаимообусловленности.

Что касается этнического аспекта угроз безопасности нашего государства, то здесь следует отметить особую роль национальных элит. Российские ученые отмечают, что в последние годы в условиях этниче-

ского многообразия, усиления национального самосознания и ослабления управленческих функций центра, наблюдается нарастание социальной напряженности, политическая борьба, коррумпированность структур, ущемление прав и свобод национальных меньшинств и т.д.⁶

Негативным аспектом указанной тенденции выступает факт активного конструирования этничности со стороны политических и научных элит: языковые различия вкупе с конструированием истории и акцентуацией религиозных различий позволили создать общество, в котором все люди превратились только в «представителей определенной национальности» [7, 336]. Иными словами, искусственно был создан социальный феномен, когда людей перестали воспринимать как труженников или безработных и т.д., но сперва (или только) как русских, аварцев, чеченцев, якутов, чувашей и т.д. Таким образом, «фантом» этничности стал основным критерием отличий [1, 64], что напрямую связано с конфликтогенностью в регионах России и, следовательно, с ее безопасностью.

Слияние идей демократического преобразования государственного строя с идеями национального самосознания привело как к росту межнациональной напряженности внутри общества, так и к формированию в умах определенных лидеров национально-политических движений регионов, идей приоритета прав коренных (титульных) этносов (наций) над остальными, в том числе и желание создания независимых государственных образований на этнонациональной основе. Подобные тенденции, названные специалистами статусными конфликтами [2, 72–73], наблюдались не только на Северном Кавказе, но и в Татарстане, Якутии и других регионах.

В современных условиях наблюдается латентное проявление указанного фактора, что больше усиливает опасность межнациональных конфликтов как одних из самых опасных угроз безопасности России. В отдельных регионах России наблюдается уход элит в этническую и социальную архаику, что создало ситуацию, когда налицо не только острое противостояние этносов, но и внутриклановая борьба элит, разгул криминала, принижение статуса социальных институтов, рост коррупции и др. При этом важно заметить, что на фоне «показушного» отношения к принадлежности России (майки, кепки, флаги, заверения и др.) некоторая часть общества не ощущает себя россиянами. Часть из них проявляет презрение и превосходство по отношению к русскому населению и иному этносу, исходя из привитой им в последние десятилетия идеологии, что они принадлежат к «более древним, более благород-

⁶ Например, Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей, И.В. Бочарников, Г.Т. Тавадов, В.А. Тишков и др.

ным» народам и исповедуют наиболее «великую и правильную» религию. Россия же в их понимании является страной, принесшей их предкам и даже им самим много бед, и обязана сейчас за это расплачиваться. Вместе с тем эти люди являются полноправными гражданами России. Складывается очень удобная ситуация, когда они могут действовать исходя из своей этнической и клановой идентичности, но в нужные моменты прибегать к защите своих интересов на основе официальной принадлежности к идентичности общегражданской российской. Все это не способствует социальной стабильности и позитивным социальным отношениям в обществе, следовательно, угрожает безопасности государства.

Следующим важным фактором, отражающим реальные социальные процессы в обществе, является радикализация религиозного фактора. В этой связи автор, придерживаясь этических аспектов, построил логику суждений на основе процессов, происходящих в исламе. Действительностью выступает тот факт, что религия, особенно в переломные исторические периоды, выполняет социально-мобилизующую роль. В этом контексте ислам не исключение.

Кризис стереотипов традиционного мышления, неосуществленность социальных ожиданий, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, растущая тревога, дефицит добра, справедливости побудили людей обратиться к вере, к религиозной общине как к одному из путей обретения личностью духовной и социальной устойчивости. При пассивности и самоустраненности государственных структур от государственно-конфессиональных отношений под лозунгом «отделенности государства от церкви» произошли ощутимые сдвиги в массовом, групповом и индивидуальном сознании российских мусульман. Государство как субъект управления отношений в духовной (религиозной) сфере сдало свои полномочия, чем моментально воспользовался ряд иностранных государств, исторически считающих «мусульманские регионы» России зоной своих «национальных интересов».

«Чистый ислам» (ваххабизм, салафизм) как проект для российских мусульман стал не только результатом вмешательства внешних сил (саудовцев, турков и др.), сколько порождением, прежде всего, внутренней среды. Радикально-исламистский проект апеллировал к мировой религии (освобожденной от местных «искажений» и традиций), к универсальным ценностям (вне этносов, вирдов, тарикатов, кланов). В нем был сделан акцент на эгалитаризм, противодействие коррупции и социальной несправедливости. Идеологи «чистого ислама» умело использовали и психологические методы воздействия, адресуясь к неуспешным слоям молодежи. Его успеху способствовало и отсутствие у России внятной политики по отношению к мусульманам.

Салафиты (ваххабиты) сделали краеугольным камнем своей пропаганды и агитации критику светской власти. Массовые злоупотребления чиновников служебным положением, коррупция, социальная дифференциация и, как следствие, высокий уровень безработицы, закрытость власти и ее нечувствительность к нуждам населения удобрили почву для успехов пропаганды и популярности салафитов у мусульман России. На практике установки салафитов выражаются в стремлении к тотальной исламизации абсолютно всех сфер общественной жизни. Исламистское движение выступает с идеями создания исламского государства на территории России и участия в глобальном джихаде против всех «врагов ислама» (включая не только Россию, но и США, ЕС, Израиль).

В условиях вакуума законности (законы есть, но они не всегда применяются!), присущего клановой региональной системе при слабом федеральном Центре, общество неминуемо предъявляет спрос на структуру, которая взяла бы на себя защиту интересов людей. В определенных кругах эту функцию начинают выполнять джамааты⁷. Они, в отличие от официальной власти, начинают восприниматься как народные защитники. Тот факт, что органы правопорядка борются против них, является в глазах людей дополнительным фактором делегитимации власти. Локомотивом протестного движения стала молодежь – наиболее остро переживающая отсутствие перспектив и испытывающая потребность в интенсивной солидарности. В мусульманских регионах России с середины 2000-х годов принадлежность к салафитскому (ваххабитскому) движению стала модной.

Сегодня данная тенденция приобрела не столь явный оттенок и проявляется в латентной форме, при этом эти взгляды проникают во все сферы общественной жизни. С особенной силой это чувствуется в Дагестане, где население, разочаровавшись в светском судебном делопроизводстве, все чаще обращается к шариатским нормам. В республике де-факто разрешено многоженство, сделки с недвижимостью заключаются в мечетях, распространены строгие каноны одежды, продажа спиртного наказуема и т.д. Существующие общины (джамааты) часто выражают недовольство назначаемыми свыше (Духовное управление мусульман Дагестана – ДУМД) имамами мечетей, что иногда приводит к их изгнанию или непризнанию местными жителями. Так, в октябре 2021 г., с желанием муфтията Дагестана назначить своего имама в мечеть г. Кизляра, возник инцидент (с массовыми беспорядками), в ходе которого действующий имам решил вывести общину из юрисдикции ДУМД и перейти под начало Духовного управления мусульман России.

⁷Джамаат – общество, коллектив, община – объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, общения между собой и разрешения всех социальных противоречий.

Этот демонстративный шаг противостояния местной общины в лице имама С. Гусейнова с муфтиятом Дагестана создал прецедент, когда дагестанская община решила уйти под руководство центра, находящегося в Москве и исповедующего не шафиитский, а ханафитский мазхаб суннитского толка. Данный переход является свидетельством кризиса духовной сферы мусульман.

В качестве вывода следует отметить:

1. Общество является универсальной, сложной социальной системой, подчиняющейся в своем развитии определенным объективным закономерностям. Рассматривая общество как систему взаимодействий людей, представители различных направлений социальной философии расходятся в понимании основ его системной организации. Одни принимают за основу духовные начала деятельности и поведения людей (сознание, духовные потребности, духовные ценности и т.д.), другие видят эту основу в материальных потребностях и материальных условиях общественной жизни. Следовательно, общество – это прежде всего совместная жизнь многих людей, активно взаимодействующих между собой по поводу удовлетворения их жизненно необходимых потребностей. В результате взаимодействия между ними складываются определенные отношения, касающиеся средств и способов удовлетворения их потребностей, исходя из существующих условий жизни. Отношения имеют устойчивый/неустойчивый характер, и само общество предстает как совокупность общественных отношений.

2. Важную роль в достижении социальной стабильности играют социальные нормы и ценности народа, составляющие природу социальной безопасности, так как представляют собой правила, нормы, принципы и законы, регулирующие отношения людей в процессе их жизнедеятельности. В основе стабильности социальных отношений лежит «принцип справедливости», который должен соблюдаться в различных сферах жизнедеятельности: сфере политики, социально-экономической сфере, духовной сфере, а гарантом этих отношений должно выступать государство.

3. Онтологическими (сущностными) основаниями роста социальной нестабильности и конфликтности российского общества выступают: формирование роли и места государства в современной России, основанных на чуждых большинству граждан «европейских» неолиберальных ценностях, ведущих к созданию «сервисного», а не социального государства, как это заявлено в Конституции Российской Федерации; формирование модели «сервисного» государства несет потенциальную угрозу для государственной безопасности, так как феномен государственного компрадорства в данном случае весьма вероятен.

4. Позитивный тренд развития России в силу ее многоэтничности и многоконфессиональности зависит от качества межэтнических и меж-

конфессиональных отношений, выстраиваемых государством. В настоящее время эти отношения неустойчивы, содержат скрытый конфликтный потенциал, проявляющийся периодическими локальными негативами в связи с нерешенными национальными вопросами, множеством территориальных, политических, языковых, конфессиональных проблем, угрожающих территориальной целостности, суверенитету и безопасности Российской Федерации.

Литература и источники:

1. Авдеева Н.Н. Понятие идентификации и его применение к проблемам понимания человека человеком // Теоретические и прикладные проблемы познания людьми друг друга. Краснодар, 1995. С. 64.
2. Авшалумова Л.Х., Гусейнов А.Г., Османов Г.Г. Особенности этноконфессиональных конфликтов в условиях глобализации. Махачкала: Изд. «Юпитер», 2004 г.
3. Багдасарян В.Э. Идеология «Сервисного государства» / Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара. / Под ред. В.И. Якунина; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Выпуск № 3. М.: Научный эксперт, 2006.
4. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
5. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43–60.
6. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования // Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
7. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006. С. 336–341.

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА КАК ТРЕТЬЕ ОПЕРАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Бартош Александр Александрович

*Современная концепция войны –
это не оружие, а влияние*

Появление концепции «когнитивной войны» (КВ, Cognitive Warfare) привносит в современное поле боя третье важное боевое измерение: к физическим и информационным измерениям теперь добавляется когнитивное измерение. Это создает новое пространство противоборства, выходящее за рамки сухопутных, морских, воздушных, кибернетических и пространственных областей, которые уже интегрированы в стратегии современных военных конфликтов.

В мире, пронизанном технологиями, война в когнитивной области мобилизует более широкий спектр боевых пространств, чем это могут сделать физические и информационные измерения. Смысл КВ заключается в том, чтобы захватить контроль над сознанием людей, над сознанием правящих элит и целых наций, над идеями, психологией, особенно поведенческими мыслями, а также окружающей средой, значительно расширить традиционные конфликты и привести к желаемым результатам с меньшими затратами.

Благодаря совместным действиям, которые КВ оказывает в трёх измерениях (физическом, информационном и когнитивном), она воплощает идею завоевания победы без боя, изложенную в трактате Сунь-Цзы «О военном искусстве». В этом самом известном тексте школы военной философии, посвящённом военной стратегии и политике, написанном в VI веке до н.э., изложены многие мысли, имеющие актуальное звучание и сегодня: высочайшее искусство заключается в том, чтобы сломить сопротивление противника, не ведя сражения на поле боя. Только там необходимо применение прямого метода войны, однако лишь непрямой метод может привести к действительной победе и закрепить её; разрушайте все хорошее и ценное в стане врага, втягивайте представителей правящих кругов в преступные мероприятия, подрывайте их позиции и престиж, предавайте их публичному позору в глазах соотечественников; мешайте любыми способами деятельности правительства; распространяйте разлад и ссоры среди граждан вражеской страны; внедряйте

повсюду тайных агентов; восстанавливайте молодежь против стариков; обесценивайте старые традиции и богов.

Если освободить эти формулировки от особенностей того времени, то правила легендарного военачальника и стратега, сохраняя все его руководящие указания и принципы, применяются и сегодня в стратегии гибридной войны и технологиях цветной революции почти в неизменном виде и без ограничений.

Противоборство в военных конфликтах XXI века требует мобилизации широких знаний. Будущие конфликты, скорее всего, будут возникать среди людей сначала в цифровом виде, а затем физически охватывая центры политической и экономической мощи.

От информационной войны к когнитивной войне

Опыт военных действий в Ираке, Афганистане, Ливии показал, что применение военной силы обходится США и их союзникам очень дорого, далеко не всегда приносит ожидаемый эффект и нередко приводит к непредсказуемым последствиям. К тому же с завершением периода однополярного мира Вашингтон уже не может столь бесцеремонно и безнаказанно рассчитывать на достижение геополитических целей с помощью грубой силы. Осознавая это, потенциальные противники России ставят перед собой задачу разработки и внедрения методов нетрадиционной войны, позволяющих без проведения широкомасштабных военных операций продолжать свою агрессивную политику не только военными, но и невоенными средствами.

На подобную трансформацию характера и содержания военных конфликтов обратил внимание начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии В.В. Герасимов: «В современных конфликтах все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу. Это так называемые «гибридные» методы».

Переход к гибридным методам противоборства стал возможен за счет восстановленной военной мощи России на основе возрождения отечественного ОПК как первоклассного ресурса в мире нарастающего хаоса и острой конкуренции. Но пока новейшим поколением вооружений мы показали, что можем за небольшую цену лидировать там, где требуется.

Гибридная система противоборства

В связи с этим можно утверждать, что центральной осью войны по-прежнему остается вооруженная борьба, а все остальное группируется вокруг нее и образует сложную современную операционную сре-

ду, представляющую собой гибридную систему, в рамках которой развивается противостояние в различных сферах человеческой деятельности: социально-экономической, административно-политической и культурно-мировоззренческой.

Важным условием успешного проведения интегрированной военной кампании является заблаговременное формирование современной операционной среды, на конфигурацию которой, среди прочих факторов, оказывают влияние стремление противников доминировать во всех областях, включая электромагнитный спектр и информационную среду, а также способность государств умело конкурировать ниже уровня вооруженного конфликта, что затрудняет сдерживание.

Неопределенность и риски процессов развития противостояния обуславливают зыбкость контуров конфликтов современности, носящих гибридный характер, и требуют новых подходов к разработке и реализации соответствующих стратегий, способных обеспечить успех в борьбе как с неявным соперником в условиях неопределенности и применения им несиловых способов воздействия, так и уметь нивелировать военно-силовое преимущество «высокотехнологичного» противника.

Военная мощь, конечно, была и остается одним из важнейших сегментов безопасности. Но глобальная безопасность относится к широкому спектру угроз, рисков, политических мер реагирования, которые охватывают политические, экономические, социальные, медицинские (включая когнитивное здоровье) и экологические аспекты.

Сегодня одним из самых эффективных видов оружия невоенного характера, по сути, стали информационные ресурсы. Информационная война (ИВ) является наиболее родственным и, следовательно, наиболее легко объединяемым типом войны в отношении КВ. [4]

Когнитивная область – это новое пространство противоборства, выходящее за пределы сухопутной, морской, воздушной, кибернетической и пространственной областей. Овладение когнитивной сферой представляет собой новую важную задачу, без которой невозможно обойтись в создании боевой мощи современного государства. Война в когнитивной сфере мобилизует широкий спектр различных стратегий, инструментов и техник и представляет собой своеобразный локомотив мягкой силы государства. Сама его суть состоит в том, чтобы используя формы и методы мягкой силы захватить контроль над государствами, группами правящих элит и населением в целом, международными организациями, нанося удары по сознанию и мировоззрению их персонала, как гражданского, так и военного, и воздействуя на него.

Вместе с тем существуют ключевые различия, которые делают КВ достаточно уникальной, чтобы ее можно было рассматривать в рамках самостоятельной сферы гибридной войны.

Как концепция, ИВ была разработана в рамках военной доктрины США в 90-х годах прошлого века, а затем была принята в различных формах несколькими странами.

Концепция ИВ, как ближайшая к КВ из существующих американских доктринальных концепций, рассматривает пять "основных возможностей", или элементов.

К ним относятся:

- средства радиоэлектронной борьбы;
- операции в компьютерных сетях;
- психологические операции;
- военная хитрость;
- оперативная безопасность.

Короче говоря, ИВ направлена на контроль потока информации и была разработана в первую очередь для поддержки целей, определенных традиционной миссией военных организаций, а именно для оказания смертельного военно-силового воздействия на поле боя. Она не была предназначена для достижения долгосрочных политических успехов.

КВ направлена на сознание, на мозг человека снижает его способность познавать, производить, создает препятствия процессам познания и представляет собой способ использования знаний в противоречивых целях.

Особенности когнитивной войны:

- всеобъемлющий характер конфликта, который ведется с использованием военных и невоенных форм воздействия с упором на идеологические средства и современные модели «управляемого хаоса».
- война построена на стратегии измора, что придает конфликту затяжной перманентный характер;
- к КВ неприменимы нормы международного права, определяющие понятие «агрессия», в такой войне не существует понятий «фронт» и «тыл»;
- новое измерение войны обладает по отношению к предшествующим статусом и энергией отрицания и формирует качественную основу трансформации конфликта, обуславливает переход от линейной к нелинейной парадигме войны.

В своем самом широком смысле КВ не ограничивается военной или институциональной сферами и применяется США и НАТО в политической, экономической, культурной и социальной областях. Пример — установление когнитивного контроля над Украиной, которую превращают в антипода России, Грузией и рядом других государств. В прицеле КВ находится и Россия [3].

Любой пользователь современных информационных технологий является потенциальной мишенью КВ, которая нацелена на весь человеческий капитал страны-мишени. По мнению аналитиков РЭНД «Конфликты будут все больше зависеть от/и вращаться вокруг информации и коммуникаций. Действительно, как кибервойна, так и сетевая война являются способами конфликта, которые в основном связаны со «знаниями» – о том, кто знает, что, когда, где и почему, и о том, насколько безопасно общество».

Технологии КВ развиваются в тесной связке с процессами цифровизации общества, возможностями искусственного интеллекта и технологиями обработки больших данных, сочетание которых позволяет производить вычисления и анализировать результаты. Однако средство, необходимое политикам и военным для реагирования на ситуацию, – это разум, а разум – это то, что позволяет принимать решения в ситуациях, которые не поддаются расчету. В противном случае неспособность задействовать собственный разум для того, чтобы взять верх в когнитивном противоборстве только фиксирует положение дел и в конечном итоге ведет к проигрышу.

Таким образом, наиболее поразительным сдвигом к технологиям КВ при движении от военного к гражданскому миру является повсеместное распространение стратегий КВ в повседневной жизни, которая выходит за рамки обычной конструкции «мир – кризис – конфликт» (с вредными последствиями).

Фактором, обеспечивающим значительные преимущества КВ над военно-силовыми решениями, является то, что КВ может быть проведена по единому замыслу в дополнение к военному конфликту, а также может проводиться самостоятельно, без какой-либо связи с участием вооруженных сил.

Более того, когнитивная война потенциально бесконечна, поскольку для такого типа конфликта не может быть мирного договора или капитуляции.

Новые инструменты и методы КВ нацелены непосредственно на военнослужащих не только с помощью классического информационного оружия, но и с помощью постоянно растущего и быстро развивающегося арсенала нейро-оружия, нацеленного на мозг с последствиями от индивидуального до социально-политического уровня.

Смыслы КВ

Появление в США концепции «когнитивной войны» (Cognitive Warfare, CW) (в России используются многие другие близкие по смыслу определения феномена: «борьба за сознание» (А. Владимиров), борьба в информационно-психологической и культурно-мировоззренческой сфе-

рах (А. Бартош), информационная война (И. Панарин), «умовая война» (А. Керсновский), «ментальная война» (А. Ильницкий)) привносит на современное поле боя третье важное операционное измерение – когнитивное, которое добавляется к физическим и информационным измерениям.

По словам помощника министра обороны РФ А. Ильницкого «Ментальная война, “война умов” направлена и реализуется с учётом фактически формирующегося на планете мира постправды» [5].

Важно понимать, что введение в профессиональный дискурс новых определений войны – вопрос не только и не столько терминологии. Это позволяет выявить содержание войн будущего и, соответственно, предусмотреть меры и средства для всесторонней подготовки к ним и успешного ведения, или, напротив, для предотвращения агрессии и сдерживания потенциального противника.

Определения «гибридной и когнитивной войны», как видов конфликтов, получивших рождение на Западе и активно используемых США и НАТО, изначально ориентированы на негативные смыслы. В публичной дипломатии западных стран общественности преподносится, что операции КВ и ГВ носят безнравственный, противозаконный, вероломный характер, а осуществляют такие действия против государств Запада якобы только Россия, Китай, Иран и другие страны.

КВ как третье операционное измерение

В рамках КВ создается новое пространство межгосударственного противоборства, выходящее за рамки сухопутной, морской, воздушной, кибернетической и космической областей, которые уже интегрированы в военные стратегии многих государств.

Военная мощь, конечно, сохраняет значимость одного из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности. Но глобальная безопасность относится к широкому спектру угроз, рисков, политических мер реагирования, которые охватывают политические, экономические, социальные, медицинские (включая когнитивное здоровье) и экологические аспекты.

В мире, пронизанном технологиями, война в когнитивной области мобилизует более широкий спектр боевых операционных пространств, чем это могут сделать физические и информационные измерения. Сама суть КВ заключается в том, чтобы захватить контроль над сознанием людей, целыми нациями, международными организациями, овладеть сферами идеологии, образования и науки, психологией, особенно поведенческими аспектами, мыслями, а также взглядами на окружающую среду.

Кроме того, быстрые достижения в области науки о мозге, как части широко определенной когнитивной войны, могут значительно

расширить возможности традиционных конфликтов и привести к повышению показателя эффективность/стоимость операций гибридной войны. Благодаря совместным действиям в трёх измерениях (физическом, информационном и когнитивном), КВ в рамках гибридной войны воплощает идею достижения победы без боя, высказанную Сунь-цзы («высшее искусство войны – покорять врага без боя»).

Появление пространства КВ требует мобилизации гораздо более широких знаний, чем традиционные сферы противоборства. Будущие конфликты, скорее всего, будут возникать среди людей сначала в цифровом виде, а затем физически в непосредственной близости от центров политической и экономической мощи.

Изучение когнитивной области, таким образом, сосредоточено на человеке и представляет собой новую серьезную задачу, которая необходима для любой стратегии, связанной с созданием боевой мощи в будущем.

Человек как оружие в чужих руках

Познание – это наша «мыслящая машина». Функция познания состоит в том, чтобы воспринимать, обращать внимание, запоминать, рассуждать, производить движения, выражать себя, принимать решения основываясь на полученных знаниях. Воздействовать на познание – значит воздействовать на человека, который нередко искренне верит, что принимает решения и действует, основываясь на собственном, а не внушенном со стороны видением обстановки. Именно поэтому цель когнитивной войны состоит в том, чтобы сделать каждого человека оружием в чужих руках. Подобное целеполагание предъявляет совершенно особые требования к политикам и военным, которые для того, чтобы выиграть (будущую) войну, должны обладать достаточными культурными знаниями, чтобы достигать успеха действуя в чуждой среде [1]. В военных конфликтах XXI века стратегическое преимущество будет на стороне того, кто способен наладить каналы взаимодействия с людьми, понимает их мотивацию и способен стимулировать их в нужном для себя направлении. Важно получить доступ к политическим, экономическим, культурным и социальным сетям собственным и противника для достижения относительного преимущества, которое дополняет военную силу.

Каналы взаимодействия в КВ сводятся к физическим границам суши, воздуха, моря, киберпространства и космоса, которые, как правило, определяются географией и характеристиками местности. В КВ такие каналы представляют собой так называемую «сеть сетей», охватывающую властные структуры и интересы широких масс населения во взаимосвязанном мире. Государство, которое способно построить подобную сеть с учетом особенностей отношений в стране-жертве когнитивной агрессии, с большей вероятностью приведет к победе.

Критерий победы в КВ

Критерий победы в КВ будет определяться в большей степени с точки зрения полноты захвата и использования психокультурного, а не географического положения. Внедрение в сознание правящих элит, всего гражданского населения и военных требуемого государством-агрессором понимания внушенных целей и сопереживания в их достижении является важной составляющей стратегии гибридной войны.

Правильность этого постулата подтверждается интегрированной тридцатилетней психокультурной и ползучей военной оккупацией Украины, Грузии и некоторых других государств со стороны США и НАТО.

Когнитивная война создает коварную проблему. Она постепенно и незаметно нарушает обычное понимание и реакцию на события, а со временем оказывает значительное вредное воздействие на сознание людей. КВ имеет универсальный охват, от отдельного человека до населения целых государств и многонациональных организаций. Она питается приемами дезинформации и пропаганды, направленными на психологическое истощение объектов информации и внушение им нужного образа мыслей [7].

Стратегия КВ даёт возможность противникам России обойти традиционное поле боя со значительными стратегическими результатами, которые могут быть использованы для радикального преобразования как российского общества, так и обществ соседних государств. В конечном итоге подобные преобразования должны привести подчинению объектов агрессии воле государства-агрессора, то есть к поражению в войне.

Развитие технологий КВ в НАТО

На заседании Совета НАТО на уровне министров обороны в октябре 2021 года в Брюсселе высказывались утверждения, что когнитивная сфера станет одним из полей противоборства в будущем. В НАТО уже сегодня вкладывают значительные средства в развитие нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук и понимание мозга (NBICs).

К работе привлекается сеть Центров передового опыта (ЦПО) НАТО. В сфере КВ ведущая роль принадлежит Рижскому ЦПО по стратегическим коммуникациям, который разрабатывает стратегии и тактики ведения гибридной войны и фактически представляет собой орган планирования и руководства операциями в киберпространстве, когнитивной и информационно-психологической войны, главными объектами которых являются Россия и Белоруссия. Деятельность к ЦПО охватывает также Украину, Молдавию, Грузию, республики Средней Азии и некоторые другие государства.

Рижский центр взаимодействует с канадским ЦПО в сфере инноваций для обороны и безопасности, который специализируется главным образом на стратегиях и контстратегиях КВ. Центр пока не входит в список официальных аккредитованных ЦПО НАТО. По-видимому, в НАТО не захотели привлечь внимание к его работе, поэтому он функционирует как автономная структура.

В работах ЦПО НАТО подчеркивается, что при успешном ведении КВ формирует и влияет на индивидуальные и групповые убеждения и поведение, способствуя достижению тактических или стратегических целей. Привлекательной для западных стратегов является способность КВ в своей крайней форме расколоть и раздробить все общество, так что у него больше не будет коллективной воли сопротивляться намерениям противника. Таким образом, противник получает возможность подчинить себе общество, не прибегая к прямой силе или принуждению.

В современных исследованиях по вопросам КВ ставятся следующие задачи:

- повысить осведомленность о КВ, включая лучшее понимание рисков и возможностей новых когнитивных/интеллектуальных технологий;
- выработать четкое представление о КВ и ее истинном потенциале;
- предоставить руководящим органам аргументы стратегического уровня для принятия решения о дальнейших разработках КВ как шестой оперативной области деятельности альянса.

Задачам изыскания возможностей защитить собственный процесс принятия решений и нарушить процесс противника будет посвящена конференция НАТО 30 ноября 2021 г., посвященная вопросам разработки и организации КВ, использования цифровизации общества и развитию технологий обработки больших данных. Гигантский сбор данных, организованный с помощью цифровых технологий, сегодня в основном используется для того, чтобы определять и предвидеть поведение человека. Поведенческие знания – это стратегический актив государства, настроенного на ведение КВ и противодействие «когнитивной агрессии» на территориях своей и союзников.

Публичная дипломатия как составляющая стратегии КВ

Публичная дипломатия представляет собой сферу внешнеполитической деятельности государства-субъекта по продвижению собственных национальных интересов.

По объему понятие «мягкой» силы гораздо шире, а публичная дипломатия может рассматриваться как одна из ее составляющих, либо

как отдельное проявление «мягкой» силы как феномена государственной политики о взаимодействии с обществами других стран.

Таким образом, тогда как «мягкая» сила представляет собой явление в международной политике, публичная дипломатия выступает в роли процесса реализации определенных сторон этого явления на практике, непосредственного диалога между социальными группами, индивидами, государственными и негосударственными акторами. Различие между традиционной и публичной дипломатией состоит в том, что публичная дипломатия вовлекает в сферу своей деятельности не только правительства, но и, прежде всего, неправительственные организации и отдельные личности. Публичная дипломатия является одной из форм не прямых действий и подразумевает стремление продвижения национальных интересов ... путем понимания, информирования, и оказания влияния на граждан иностранного государства.

Способность публичной дипломатии служить инструментом влияния разума одного человека на разум другого есть важнейший фактор решения стратегических задач в конфликтах современности, а не прямые действия представляют основу этого фактора.

В своем стремлении оказывать влияние на сознание граждан иностранного государства публичная дипломатия далеко не всегда встречает позитивную реакцию со стороны правительства такого государства. Таким образом, процесс продвижения интересов чужого государства средствами публичной дипломатии вполне предсказуемо вызывает противодействие правительства страны-мишени.

Наступательный, как правило, агрессивный характер публичной дипломатии в современных условиях обуславливается остротой противоречий между отдельными государствами. Это обстоятельство превращает публичную дипломатию в важный инструмент КВ, позволяющий воздействовать на международные отношения, на политику, на диалог между сторонами с несовпадающими национальными интересами, а также на тех, чья задача состоит в установлении и ведении такого диалога – дипломатов, политиков, военных, СМИ.

Необходим межведомственный подход к проблеме КВ

В то время как цель когнитивной войны состоит в том, чтобы нанести вред всему обществу, а не только военным, этот тип войны вписывается в стратегию гибридной войны и требует организации межведомственного подхода. Главной задачей становится выработка четкой стратегии, её последовательная (на протяжении десятилетий) реализация и обдуманная коррекция оперативных планов в условиях меняющейся обстановки. К феноменам гибридной и когнитивной войны как нельзя лучше применимы слова А.А. Свечина «Для каждой войны надо

вырабатывать особую линию стратегического поведения, каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона».

Управление когнитивными способностями персонала в гражданских и военных организациях будет иметь ключевое значение. Чтобы формировать адекватное восприятие и контролировать развитие боевых ситуаций КВ, противоборство в когнитивной области должно вестись с использованием подхода, основанного на управлении государством на национальном уровне. Это потребует улучшения координации между применением силы и других средств воздействия на противника, находящихся в руках государства. С учетом требований Стратегии национальной безопасности РФ реализация такого подхода потребует изменений в обеспечении обороны, изменений в оснащенности и на организационном уровне для обеспечения способности участвовать в вариантах военных конфликтов ниже порога прямого вооруженного столкновения.

Потребуется также устойчивое сотрудничество между союзниками и партнерами в целях обеспечения общей согласованности, укрепления доверия и обеспечения согласованной обороны.

Для достижения успеха в противодействии КВ особенно важно внимание к системе образования, которая является одним из основных объектов операций КВ против нашей страны. Нападки на руководство вузов представляют собой составную часть деятельности по дискредитации, делегитимизации, дезорганизации России и ее научно-образовательного комплекса в частности.

С учетом особенностей КВ необходимы системные трансформации в сфере науки и образования с целью в сжатые сроки обеспечить для политических и военных органов руководства предложения по стратегиям противоборства в ГВ и КВ, подготовку квалифицированных уникальных специалистов в области антропологии, этнографии, истории, психологии и нейробиологии и ряда других областей, способных участвовать в подготовке и ведении качественно новых операций КВ. Другими словами, появление нового поля боя рельефно демонстрирует новую важность людских ресурсов, что требует переосмысления взаимодействия между естественными и социальными науками, чтобы противостоять сложным и многогранным боевым ситуациям в современной операционной среде.

Литература и источники:

1. Бартош А.А. Стратегическая культура в конфликтах XXI века. М.: Горячая линия-Телеком, 2020.
2. Бартош А.А. Серая зона-театр гибридной войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2021.

3. Бочарников И.В. Нейтрализация угроз дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России посредством реализации информационных технологий // Человеческий капитал. 2021. № 9. С. 11–28.
4. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
5. Ильницкий А.М. Ментальная война за будущее России – URL:<https://zvezdaweekly.ru/news/20214211636-jxgHZ.html>.
6. Манойло А.В. Как западные технологи провалили информационную кампанию по дискредитации выборов в Госдуму-2021, Журнал «Парта» № 11, Единая Россия, Высшая партийная школа, 2021, С. 22–31
7. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования //Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
8. Овсянникова О.А. Использование технологий манипуляции в Интернете с целью переформатирования общественного сознания граждан. В кн. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации / Под общ. ред. И.В. Бочарникова, С.Л. Кандыбовича, В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «Московский дом национальностей», 2021.

УПРАВЛЯЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США⁸

Кулаков Андрей Анатольевич

В условиях трансформации миропорядка от однополярной системы к многополярной системе международных отношений Россия формирует стратегию национального возрождения. Укрепив свою экономическую устойчивость и военную готовность, Российская Федерация стремится расширить и защитить сферы своего геополитического влияния на постсоветском пространстве.

На протяжении последних пятисот лет западная цивилизация осуществляла свою территориальную экспансию и силовое доминирование в мире. Сегодня американско-центричная модель западной цивилизации значительно утратила свои возможности в политической, экономической и военной сферах. Из законодателя мировой политики США превратились в обычного «игрока», но продолжающего по инерции указывать странам, как себя вести для того, чтобы стать демократическими и «процветающими». Так, переговоры в развитие российских проектов документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО от 17 декабря 2021 года, последовавшие 9–10 января 2022 года в Женеве, 12 января в Брюсселе и 13 января в Вене, можно расценить как «технологический сбой» в традиционном американском сценарии последовательного нагнетания напряженности в отношении противников (разобраться сначала с одним, а затем с другим). В этом смысле скоординированные внешнеполитические заявления России и Китая «ломают» американский шаблон агрессивности.

Проблема принудительной демократизации США «отсталых» (развивающихся и авторитарных) стран обозначаются в политологии различными терминами. Например, «транзит демократии», «воздействие с помощью мягкой силы», «радикальные социальные выступления», «цветная революция», «гибридная война», «холодная война – 2.0» и т.д. Исследователи пытаются целостно отразить сложный социально-политический процесс, источник которого кроется в политике, а сущность которого постоянно «ускользает».

В современной политической науке стран Запада проблема «управляемых политических трансформаций» как бы не существует. Американ-

⁸ Положения статья опубликованы в Вестнике Академии военных наук. №1. 2022 г.

ские политехнологии принудительного демонтажа суверенных стран Д. Гарстка А. Себровски, Н. Фрейер, Ф. Хоффман и другие предпочитают говорить о «всеобъемлющем воздействии» на страны-конкуренты и его компонентах [16, С. 121–122].

В российской политологии также отсутствует единая точка зрения. Ряд политологов считает, что современной формы управляемых политических трансформаций – «гибридной войны» – не существует. Этот термин избыточен, потому что в традиционном понятии «война» сказано, что уже в мирное время, готовясь к организованному вооруженному противоборству, противники проводят враждебные действия в политической, дипломатической, экономической, информационной и других сферах. В частности, такой позиции придерживаются О.А. Бельков в статье «Понятие «война» и его абберации в отечественном дискурсе» [2, С. 5] и Ю.Ю. Першин в статье «Гибридная война: много шума из ничего» [14, С. 83]. На это можно возразить следующее: во-первых, в рамках постнеклассической науки принято, что любая теория, категория и понятие имеют принципиально неопределенные значения, так как раскрывают лишь один из аспектов самоорганизующейся реальности, что требует их постоянного уточнения; во-вторых, использование США и странами НАТО термина «гибридная война» в своих военно-политических документах более десяти лет уже требует его изучения и учета, чтобы не отстать от вероятного противника.

Другая группа российских исследователей считает, что «гибридная война», развязанная США против России и Китая, может быть сведена исключительно к экономическим санкциям [7], информационной войне [17], использованию иррегулярных вооруженных формирований и ограниченно регулярных вооруженных формирований [1, 9], кибервоздействию на военные и государственные объекты противника [16].

Отдельную позицию занимают работы российских исследователей, которые стремятся осмыслить агрессивную внешнюю политику США через раскрытие содержания подрывных технологий [4], геополитических пространств и сфер межгосударственного противоборства [1, 10].

Для большинства российских исследователей (указанных выше групп) основными методологическими установками являются следующие: цель США – завладение ресурсами страны-жертвы; пространства или сферы воздействия на страну-конкурента – одновременно все. Исходя из данных положений, по нашему мнению, невозможно раскрыть сущность управляемых политических трансформаций и особенности используемых в них методов (способов) из-за многочисленного количества действующих факторов. Например, российский политолог А.Н. Матанцев-Воинов выделяет 125 признаков агрессивной внешней политики,

15 важнейших этапов и подрывных политических механизмов, используемых США для принудительного демонтажа стран-конкурентов в различных регионах мира [12, С. 13]. Это явно противоречит требованиям системного подхода к моделированию внешней политики государств, когда базовых факторов должно быть как можно меньше (максимум четыре или шесть).

Проблема может приобрести другой смысл, в случае учета фундаментальной закономерности современной эпохи. В работе А.А. Зиновьева «Русская трагедия» отмечается, что сразу после Второй мировой войны (1939–1945 гг.) человечество перешло от стадии обществ к стадии формирования глобальных сверхобществ. Наметились два проекта: американский во главе с США и советский (русский) во главе с СССР. Американский проект изначально стал управляемым (планируемым и координируемым) и именно он победил... Против СССР, как страны, способной возглавить альтернативный путь развития человечества были брошены лучшие умы и ресурсы коллективного Запада. Но Советский Союз свой шанс упустил. «Холодная война» после 1991 года продолжилась не только против России, но и против других цивилизаций (мусульманской и китайской).

С учетом данной тенденции строится исследование военного эксперта Ю.В. Курносова, который показал, что за всем многообразием несиловых, подрывных и силовых методов политики, используемых США для продвижения демократии стоят разведывательные и подрывные операции. Осознав всю опасность усиления позиций СССР и мировой системы социализма, США после Второй мировой войны перешли к укреплению позиций западной цивилизации, используя *управляемые* политические трансформации или смену враждебных политических режимов.

В широком смысле под управляемыми политическими трансформациями понимается – процесс вмешательства внешним актором (субъектом) мировой политики в политический процесс и деятельность институтов суверенного государства (группы государств) с целью обеспечения продвижения своих национальных интересов во внешней политике.

В узком (прикладном) значении под управляемыми политическими трансформациями понимаются подрывные (тайные) операции ЦРУ по захвату власти в странах-жертвах для их экономического (технологического) сдерживания и разрушения (расчленения).

Термин «управляемые политические трансформации» был введен в научный дискурс американским журналистом Уильямом Блумом (бывшим сотрудником госдепартамента США), который изучал подрывные (тайные) операции ЦРУ в странах Латинской Америки в 1950-х гг. и последующие годы. Продвигая демократию, пишет У. Блум, США стре-

мятся «сменять враждебные политические режимы на проамериканские или видоизменять их, чтобы получать доступ к ресурсам стран-жертв. Но это не главная цель. Главная цель – *управляемость процесса* и последующий переход нового политического режима под внешнее управление США. Без этого глобальную империю Запада построить нельзя» [3, с. 12].

Именно У. Блум (ещё в 1950-х гг.) выделил главный сущностной признак рассматриваемого социально-политического явления, а именно – *управляемый* извне характер политических трансформаций в стране-жертве.

По мнению военного эксперта Ю.В. Курносова, феномен влияния на политику других стран стал известен еще в начале XX века, когда стал формироваться глобальный проект мировой экспансии США. Он был связан с деятельностью администрации президента США Вудро Вильсона, который учредил Совет по внешним сношениям США, в полномочия которого входила «координация интересов мировой банковской элиты, национальных интересов США и внешней политики стран Запада» [8, С. 133].

Сформированные Советом по внешним сношениям США *идеология вильсонизма*, отмечает А.В. Курносов, уже в начале XX в. опиралась на ряд **основных принципов влияния (управления) мировой политикой**, которые включали комплексное использование несиловых, подрывных и силовых методов внешней политики США как нового мирового центра накопления капитала. Важнейшими из согласованных с мировой банковской элитой принципов глобального доминирования США стали:

«1) создание международных конфликтов (с использованием провокаций и подрывных акций), когда население противоборствующих стран борются друг с другом, а не с истинным зачинщиком конфликтов;

2) сокрытие истинных причин и зачинщиков конфликтов;

3) параллельная поддержка всех спорящих сторон конфликта, разжигание среди их сторонников националистического (этнического) реваншизма (сепаратизма) в целях их ослабления и усиления собственного влияния;

4) действие под маской миротворца (отрицание любой причастности к подрывным действиям), декларируемой полной доброй воли инстанции, стремящейся прекратить конфликт» [8, С. 135].

В последующие десятилетия XX в. названные принципы стали основными политическими установками внешней политики США.

Идеология вильсонизма породила проект пакта президента США Вудро Вильсона о Лиге Наций (1919 г.) и Программу из 14 пунктов. Цели Лиги Наций включали разоружение, предотвращение военных действий

(после Первой мировой войны), обеспечение коллективной безопасности, урегулирование споров между странами путём дипломатических переговоров, а также улучшение качества жизни на планете. В 1934–1935 гг. в Лигу Наций входило 58 государств. Прекратила своё существование в 1946 г. Её преемницей стала Организация Объединенных Наций (ООН), в которую входят 193 государства.

Главное в американском проекте Лиги Наций – это отказ субъектов мировой политики от национального интереса как основы политики и снижение традиционной роли национальных государств, создание первого типа универсальной международной организации по интернационализации международных проблем, в котором **США сумели подменить цели войны, ради которых французы, немцы, англичане и русские гибли на фронтах Первой мировой войны.** Критериями нового международного порядка с тех пор стало американское понимание демократии, коллективная безопасность и самоопределение (вместо традиционного «баланса сил»), но главное – стало возможным институционально закрепить лидирующие позиции США в мире.

Как официальный инструмент внешней политики США управляемые политические трансформации оформились после Второй мировой войны, что было связано с антагонистическим противостоянием США и СССР, как лидерами двух систем (мировой системы капитализма и мировой системы социализма).

Сегодня глобальное управление, считает Ю.В. Курносков, осуществлялось через **мировоззренческое программирование политической элиты стран Запада** специфическими методами (выработка базовых политических установок на создание НАТО, Европейского Союза, принципов оборонной политики стран Запада и др.) научной и общественно-политической элиты через ведущие политические научные издания США, прежде всего, *Foreign Affairs* и ряд проектов по созданию альянсов. «Новым в мировой политике стал тип и уровень альянсов, через которые **США решали задачу качественно необратимого размывания национальных политических и экономических суверенитетов** (через связывание политическими обязательствами) **своих союзников.** Такими проектами стали военно-политический блок НАТО, «Европейское объединение угля и стали» и Евросоюз» [8, С. 138].

В послевоенной деятельности США, считает Ю.В. Курносков, можно увидеть также след Совета по внешним сношениям США – это стадии развития **американской доктрины глобализации.** Первичная стадия является периодом 1960-х – 1970-х гг., когда стали заметны первые результаты по актуализации глобальных интересов США через обоснование и признание в странах Запада необходимости консолидации и создания наднациональных механизмов контроля над общемировым

развитием. К концу 1970-х гг. внешнеполитические курсы ведущих стран Европы были целенаправленно подчинены целям США (фактически «глубинного правительства США» или мировой финансово-олигархической элиты). Для этого секретные политические установки Совета по внешним сношениям, оформленные в виде миротворческих идеологических штампов в течение двадцати лет, внушались политической элите стран Запада на открытых заседаниях **Бильдельбергского клуба** (с 1954 года), **Всемирного экономического форума в Давосе** (с 1971 года) и **Трёхсторонней комиссии** (с 1973 года), где обсуждались (и освещались в мировых СМИ) международные подходы по решению глобальных проблем человечества. Именно на этих политических площадках были озвучены идеи объединения Европы и её постепенное превращение в некое политическое супергосударство с наднациональными институтами управления.

Общую основу для современной, агрессивной внешней политики США создает публичная дипломатия США и реализация Вашингтоном несиловых методов политики (программ безвозмездной экономической помощи и гуманитарных программ подготовки управленческих и научных кадров на основе целевых грантов), которые потом используются разведкой стран. «Политтехнологи ЦРУ приходят в страну-жертву, где уже с помощью «мягкой силы» США созданы преимущества (условия) для ведения разведки. **Логика управляемости подрывных процессов прописана заранее «мозговыми центрами» США** (корпорацией RAND, частной аналитической разведывательной компанией Stratfor, научными центрами ведущих университетов США и др.), Далее реализуются технология «цветных революций» и иррегулярные силы» [8, С. 193].

Опираясь на массив научных источников по теме исследования можно предложить следующую **классификацию политических трансформаций в странах.**

1 вид. Неуправляемые политические трансформации (без внешнего воздействия, детерминированы внутренними социально-политическими диспропорциями):

1 тип. Социальные революции (смена власти, политической системы общества, идеологии и социально-экономической модели развития в ходе социально-политического кризиса и вооруженной борьбы различных политических сил за власть):

- буржуазно-демократические революции;
- социалистические революции.

2 тип. Политическая модернизация:

- поэтапное реформирование политической системы в соответствии с задачами государственного строительства и усложнения задач государственного управления;

- посткризисное реформирование политической системы, обусловленное социально-политическими диспропорциями, сложившимися в стране и требованиями населения провести конституционную (правовую) реформу.

2 вид. Управляемые политические трансформации (вмешательство во внутренние политические процессы стран или транзит демократии):

По направленности используемых методов политики:

1 тип. Прогрессивные (возрождение стран из состояния кризиса).

2 тип. Регрессивные (сдерживание и разрушение стран).

По направленности процессов социально-экономического развития:

1 тип. Преднамеренное изменение вида социально-экономической системы (через использование в исполнительной власти страны-мишени команд либерально-рыночных менеджеров, подготовленных в вузах США).

2 тип. Преднамеренное ухудшение каких-либо параметров качества жизни населения страны-мишени (отдельные экономические санкции).

3 тип. Смещение фазовой траектории экономического развития страны-мишени (сдерживание страны-мишени с помощью институционализации запретительных мер. Например, экономические войны стран Запада против России опираются на многоэшелонированную систему национальных законов, вводящих экономические санкции и запреты на продажу России новейших технологий и получение нашей страной льготных кредитов в банках стран Запада).

По способу захвата власти в стране-мишени:

1 тип. Мирные формы захвата власти:

- «цветные революции» (государственные перевороты на основе управляемых политических кризисов и демонстративных действий оппозиционных сил, раскручиваемых через СМИ);
- «twitter» – революции (госперевороты на основе демонстративных действий оппозиционных сил, раскручиваемых через социальные медиа (СМИ и социальные сети);

2 тип. Силовые формы захвата власти с ограниченным числом участников:

- экспорт революций (деятельность Коминтерна по финансированию компартий ряда Европейских стран в 1920-х гг.);
- экспорт «военных переворотов» (смена власти ЦРУ в ряде стран Латинской Америки через путчи в 1950-х гг.);

3 тип. Силовые формы захвата власти с расширенным числом участников, характерные для военной стадии «гибридной войны»:

- гражданская война с использованием иррегулярных войск;

- локальный военный конфликт;
- военная интервенция с использованием иррегулярных сил и сил ССО ОВС НАТО.

Эволюция управляемых политических трансформаций, по мнению большинства российских исследователей, предполагает ряд **этапов**:

I этап (1950-е – 1960-е годы) – период истории, когда в отношении стран-жертв США использовали начальную форму управляемых военных трансформаций – «экспорт военных переворотов».

II этап (1960-е – 2010-е годы) – характеризуется вмешательством США во внутренние дела суверенных государств с использованием подрывной технологии «цветных революций»

III этап (2014 год – настоящее время) – характеризуется использованием США против стран-конкурентов «гибридной войны», для которой характерны враждебные действия в основных сферах жизнедеятельности и использование иррегулярных вооруженных формирований.

Далее мы кратко рассмотрим названные этапы, характерные особенности основных форм управляемых политических трансформаций и на этой основе дадим авторское определение понятия «экспорт военных переворотов», «цветная революция», «гибридная война».

I этап (1950-е – 1960-е гг.)

В этот период был создан политический механизм управляемых политических трансформаций. В частности, директивами Совета национальной безопасности США СНБ-4 (1947 г.), а затем в новой директиве СНБ-10/2 (1948 г.), введенными в действие исполнительными указами президента США, были определены общая политическая установка внешней политики США – продвижение демократии в мире; цель подрывных методов политики (координация которых была возложена на ЦРУ) – смена враждебных политических режимов в странах-конкурентах; определены подрывные методы, которые предписывалось использовать в тайных операциях ЦРУ с задействованием возможностей всех государственных институтов США [16, С. 127].

В этот период, пишет У. Блум, ЦРУ провело «около 30 подрывных (тайных) операций ЦРУ в странах Латинской Америки. Сначала вербовались недовольные олигархические кланы, готовые возглавить новый проамериканский режим, затем готовились «эскадроны смерти» (отряды вооруженных наемников), которые вооружались перед переброской на территорию страны жертвы. В ходе военного переворота первые лица государства и лидеры оппозиционных партий уничтожались. Новый политический режим получал мировое признание, а американские компании – доступ к ресурсам страны» [16, С. 64–65].

Логическим пределом для «экспорта военных переворотов» стала тайная операция ЦРУ в заливе Свиней (смена враждебного режима Ка-

стро), которая провалилась и в последующем привела к Карибскому кризису 1961 г. между США и СССР.

Таким образом, под «экспортом военных переворотов» можно, по мнению автора, понимать смену враждебных политических режимов, реализуемых США в странах жертвах с помощью контр-элиты и отрядов вооруженных наемников, подготовленных на территории третьих стран, для постановки этих стран под внешнее управление США.

II этап (1960-е – 2010-е гг.)

Новая форма управляемых политических трансформаций «цветная революция», которая возникла в этот период изначально опиралась на так называемые «несиловые методы» политики, которые должны были скрыть подрывную деятельность ЦРУ. Всего с 1960-х по 2010-е гг. ЦРУ было проведено свыше 1000 подрывных (тайных) операций [16, С. 105].

Политтехнологи ЦРУ, создавая новые методики продвижения американских национальных интересов в мире и уничтожения «угрозы коммунизма», исходили из наличия двух обязательных стадий (этапов подрывной операции): подготовительной (в ходе которой формируются оппозиционные силы и их ресурсы), исполнительной (в ходе которой указанные силы вооружаются и захватывают власть).

На подготовительной стадии подрывной операции, справедливо отмечают российские политологи А.Э. Гапич и Д.А. Лушников, политтехнологии ЦРУ осуществляется ряд последовательных «технологических шагов» [6, С. 34].

Во-первых, создание в стране-жертве множества (от нескольких сотен до нескольких тысяч) американских неправительственных (некоммерческих) организаций (НПО, НКО), которые реализуют программы безвозмездной экономической и гуманитарной помощи. Под прикрытием данных организаций, являясь официально сотрудниками НПО, кадровые сотрудники ЦРУ осуществляют выявление в стране-жертве социально-политических диспропорций (уязвимых мест) и вербовку агентуры подрывного влияния (агентов влияния, агентов информационного воздействия, агентов-координаторов протестных действий, агентов-исполнителей и др.).

Во-вторых, формирование контр-элиты путем вербовки агентов влияния в бизнес-элите и политической элите страны-жертвы, недовольных властвующей элитой (кланом). Ставка делается на лидеров из олигархических групп, готовых после захвата власти осуществлять проамериканскую внешнюю политику и обеспечить доступ к ресурсам страны американских транснациональных компаний (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ) в обмен на гарантии вывоза своего капитала (фактически процента от разграбления своей страны) в страны Запада.

В-третьих, скупка контр-элитой (на свои средства или средства ЦРУ) национальных СМИ для завоевания влияния в информационном пространстве и направленного воздействия на политически активные социальные группы населения. Политтехнологи ЦРУ стремятся создавать частные (собственные) каналы доведения информации в странах-жертвах и в странах их окружающих. На территории третьих стран осуществляется подготовка агентов информационного воздействия (журналистов и видеоблогеров), которые используются ЦРУ в стране-жертве для влияния на политически активные социальные группы населения и «раскачивания» ситуации.

На этой основе далее формируются оппозиционные молодежные силы, финансирование которых осуществляется через американские НПО. Важно учесть, что сами «революционеры» не понимают для чего их готовят, цели их «борьбы» не определяются. Их призывают бороться за «социальную справедливость», а после госпереворота организация распускается.

На подготовительной стадии (от 5 до 10 лет) осуществляется оценка и создание уязвимых мест (которые потом будут использоваться в качестве информационного повода для «раскачивания ситуации»), насаждается (вербует) агентура подрывного влияния, формируется контр-элита (на основе недовольных групп в бизнес-элите и политической элите) и оппозиционные силы (в них выделяется актив, координаторы протестных действий и группы оперативного реагирования или военно-боевые отряды).

Основными направлениями работы политтехнологов ЦРУ на стадии подготовки «цветной революции» являются:

- «исследовательская и аналитическая работа ЦРУ и их «мозговых центров» по оценке уязвимых мест страны-жертвы под прикрытием американских НПО;
- оперативная деятельность ЦРУ и спецслужб других иностранных государств, их дипломатических миссий по вербовке агентуры подрывного влияния;
- работа с политической элитой по дискредитации правящего режима (президента и правительства);
- организация скрытых (через НПО и дипломатические миссии) и использование легальных (финансовых средств олигархов и криминальных структур) для непрерывного финансирования оппозиционных сил;
- организация, обучение и раскрутка массового протестного движения с использованием социальных медиа (СМИ и социальных сетей);

- работа с сообществами в глобальной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ГИКС «Интернет»), политически активными группами населения для привлечения их к борьбе за «социальную справедливость» [6, С. 68].

В ходе исполнительной стадии (от нескольких недель до нескольких месяцев) оппозиционные силы, координируемые политтехнологами ЦРУ, организуют формирование ситуации «кризиса власти» (или ситуации «управляемого политического кризиса»), предъявляют ультиматум правящему режиму «о сложении властных полномочий», организуют массовые забастовки. В установленный момент организуется «революционный хаос». Агенты-исполнители (боевики групп оперативного реагирования) вооружаются и направляются (по автономным каналам связи) политтехнологами ЦРУ на силовые акции по устранению (нейтрализации) первых лиц государства, лидеров спецслужб, оппозиционных партий. В этот период возможны массовые грабежи и репрессии по отношению к сторонникам действующего режима. Далее осуществляется захват важнейших объектов военного и государственного управления, телевидения, критически важных объектов жизнеобеспечения крупных городов.

Как правило, отмечают А.Э. Гапич и Д.А. Лушников, в классической «цветной революции» участвует «от 500 до нескольких тысяч человек» [6, С. 83], что никак нельзя сравнить с многомиллионной революционной аудиторией в традиционных социальных революциях.

В мировых СМИ политтехнологами ЦРУ осуществляется информационная поддержка победы лидеров оппозиционных сил, после чего новое проамериканское правительство оглашает программу «реформ», переходит под внешнее управление США и осуществляет доступ американских ТНК и ТНБ к ресурсам страны.

Проведя свыше тысячи подрывных (тайных) операций ЦРУ создали подрывную технологию, затрачивая: на подготовительной стадии – 500–800 млн долларов в год; на исполнительной – 300–500 млн долларов. Для осуществления госпереворотов ЦРУ используют ряд типовых сценариев «цветных революций»: «классическая оранжевая революция», «элитный переворот», «поход на столицу», «осадное сидение», «сепаратистский или национально-освободительный сценарий» [6, С. 96–97].

Таким образом, под **«цветной революцией»** можно, по мнению автора, понимать смену правящего политического режима страны-жертвы в интересах третьей стороны (страны-агрессора), осуществляемая контрэлитой и оппозиционными силами, финансируемыми через американские неправительственные организации и дипломатические миссии, путем создания «кризиса власти», организации массовых социальных протестов и проведения силовых акций для захвата власти.

III этап (2014 год – настоящее время)

Современной формой управляемых политических трансформаций является «гибридная война». Она, отмечает академик РАН С.Ю. Глазьев, была «развязана США против России и КНР. В ней участвует весь коллективный Запад, модель либерально-рыночного капитализма которого подошла к пределу своего развития... В ближайшее десятилетие США будут стремиться сдержать и уничтожить Россию, как экономически более слабое государство (по сравнению с Китаем). Затем наступит очередь разрушения самого Китая» [7, С. 54].

На мирной стадии «гибридной войны», отмечает военный эксперт А.А. Бартош, США могут применить подрывную политическую технологию «цветных революций» для «ускорения дестабилизации ситуации в стране-жертве» [1, С. 133].

В ходе мирной стадии «гибридной войны», отмечает политолог А.В. Манойло, США «осуществляют наступательные информационные операции против России» [8, С. 76], готовят общественное мнение к очередным «цветным революциям». В ходе военной стадии «гибридной войны», по мнению исследователя Л.В. Савина, США «для завоевания информационного превосходства над Россией и разрушения системы управления военными и гражданскими объектами будут использованы кибервойска вооруженных сил США и кибервойска ОВС НАТО» [15, С. 184].

В рамках подготовительного этапа «гибридной войны», развязанной США, ЦРУ созданы и временно законсервированы террористические ячейки, которые Вашингтоном планируется использовать при реализации силовых сценариев «гибридной войны», подобных событиям в Казахстане, реализованных ЦРУ в январе 2022 года. Для реализации «гибридной агрессии» у границ страны-жертвы планируется развертывать дополнительные контингенты войск ОВС НАТО, стимулировать подготовку иррегулярных вооруженных формирований и деятельность сил специальных операций ОВС НАТО.

Сравнительный анализ двух современных форм управляемых политических трансформаций («цветной революции» и «гибридной войны») представлен в таблице 1.

В таблице 1 показано, что цель в ходе «гибридной войны» ставится более жестко – смена враждебного политического режима. Далее количество субъектов международного конфликта значительно расширяется, за счет «использования США фокусных стран, через которые на страну-жертву оказывается давление или она втягивается в локальные военные конфликты» [1, С. 187].

**Отличительные особенности современных форм
управляемых политических трансформаций**

Основание для сравнения	Современные формы управляемых политических трансформаций	
	«цветная революция»	«гибридная война»
Цель	Смена враждебного политического режима. Изменение отношения правящего режима к США	Смена враждебного политического режима
Количество субъектов конфликта	2 (страна-агрессор и страна-мишень)	3 и более (7–10) (страна-агрессор, страна-мишень, фокусные страны)
Форма	Подрывная (тайная) операция ЦРУ	Комплекс подрывных (тайных) операций ЦРУ и военных операций министерства обороны США
Механизм	Пошаговая реализация подрывной технологии	Последовательное осуществление мероприятий подготовки и ведения «гибридной войны»
Стадии	Подготовительная, исполнительная	Мирная (подготовительная), исполнительная (гражданская война с использованием иррегулярных вооруженных формирований)
Сферы (пространства) противоборства	Политическая, экономическая, информационная, включая киберпространство, социальная, военная сфера и др.	
Методы	Экономические санкции, информационные войны, кибератаки, военные операции с использованием иррегулярных сил, теракты	

По форме реализации «цветная революция» представляет собой одну подрывную (тайную) операций ЦРУ, а «гибридная война» – комплекс операций. Стадии их в целом похожи, но их содержание отличается разительно.

В ходе исполнительной стадии «цветной революции» используются группы оперативного реагирования (военно-боевые группы) оппозиционных сил, в ходе стадии ведения «гибридной войны» планируется использовать десятки тысяч бойцов иррегулярных вооруженных формирований (наемников частных военных компаний (ЧВК), боевиков террористических и криминальных групп).

Что касается сфер межгосударственного противоборства, то они используются комплексно для ухудшения качества жизни населения России для последующей дестабилизации обстановки.

Впервые в современной истории американское правительство в масштабном порядке начало привлекать наемников ЧВК для обеспечения безопасности в ситуации вооруженного конфликта во время военной операции США в Афганистане (2001–2014 гг.) и войны в Ираке (2003–2011 гг.). Сегодня военно-политические документы США и НАТО предусматривают «использование ОВС НАТО совместно с наемниками ЧВК в гибридных военных конфликтах против России и Китая» [17, С. 153–154].

Подготовка и сертификация наемников ЧВК, отмечает военный эксперт О.В. Мартьянов, осуществляется направленно «в трёх специализированных учебных центрах вооружённых сил США» [11, С. 10]. Главным заказчиком услуг военно-силового бизнеса является министерство обороны США, на долю которого в 2001–2014 гг. приходилось 80% контрактов ЧВК (83 млрд дол., 207 500 человек) в Афганистане и Ираке. Взаимодействие военнослужащих вооруженных сил США и контрактников ЧВК осуществляется в соответствии с *наставлением FM 100-21, 1999 г.*

Наибольшее количество контрактов на проведение военных и специальных операций в Афганистане (2001–2014 гг.) и в Ираке (2003–2011 гг.) Пентагон и ЦРУ заключили со следующими *крупнейшими американскими корпорациями ЧВК.*

ЧВК Airscan (штаб-квартира в г. Титусвилле, штат Флорида) основана в 1991 г. специализируется на воздушной разведке, системах наблюдения и безопасности. В настоящее время в корпорации работает свыше 1000 человек. Ежегодный доход: 3–5 млрд долларов.

ЧВК Academi /Blackwater (штаб-квартира в г. Маклеан, штат Вирджиния) основана в 1997 г. В настоящее время в корпорации работает свыше 5000 человек. Ежегодный доход: 10–13 млрд долларов (от контрактов с федеральным правительством США).

ЧВК Dyn Corp (штаб-квартира в г. Фолс Черч, штат Вирджиния) основана в 1986 г. В настоящее время в корпорации работает свыше 2000 человек. Ежегодный доход: 3–5 млрд долларов.

ЧВК MPRI, Inc. (штаб-квартира в г. Александрия, штат Вирджиния) основана в 1987 г. В настоящее время в корпорации работает свыше 5000 человек. Ежегодный доход: 8–10 млрд долларов.

ЧВК L-3 Services, Inc. (штаб-квартира в г. Сан-Диего, штат Калифорния) основана в 1981 г. и специализируется на предоставлении информационных и коммуникационных продуктов. В настоящее время в корпорации работает свыше 2000 человек. Ежегодный доход: 1–3 млрд долларов.

ЧВК Triple Canopy, Inc. (штаб квартира в г. Херндон, штат Вирджиния) основана в 2003 г. В настоящее время в корпорации работает свыше 5000 человек. Участвует в военных и специальных операциях Пентагона. Ежегодный доход: 5–8 млрд долларов.

По данным американских аналитиков В. Мюррэя и П. Мансура, общее количество «погибших наёмников американских ЧВК в Ираке и Афганистане в 1,5 раза превысило летальные потери военнослужащих американской армии в этих военных конфликтах» [17, С. 62]. Политическая маскировка экспансионистской внешней политики США на лицо: если нет официальных потерь в конфликте, то агрессии США как бы тоже нет.

Военный эксперт А.А. Бартош обоснованно отмечает, что «гибридная война» включает разнообразные способы враждебных воздействия и серии подрывных операций против страны-жертвы: экономические подрывные акции (санкции), информационное противоборство, кибервоздействия, применение подразделений сил специальных операций вооруженных сил США и ОВС НАТО, и иррегулярных вооруженных формирований (наемников американских ЧВК, бандитов террористических и криминальных организаций). Общие способы противодействия, по мнению ученого, «гибридной агрессии» сводятся к: надежному перекрытию каналов финансирования оппозиционных сил («пятой колонны») и иррегулярных вооруженных формирований, баз их подготовки и отдыха; использованию дипломатических средств для изоляции и наказания государств-спонсоров; совершенствованию территориальной обороны страны с опорой на оперативные данные разведки о вероятном противнике [1, С. 14–15].

Таким образом, под «**гибридной войной**» можно, по мнению автора, понимать особую форму межгосударственного противоборства, в которой одна сторона стремится нанести поражение другой, используя враждебные действия в основных сферах (политической, экономической, информационной, включая киберпространство, социальной, военной) её общественной жизни, иррегулярные вооруженные формирования (наемников ЧВК, боевиков террористических и криминальных организаций) и дозированно регулярные вооруженные формирования (для управления наемниками в зоне локальных военных конфликтов).

В заключение необходимо подчеркнуть, что семидесятилетний американский опыт «продвижения демократии» (реализации управляемых политических трансформаций) является деструктивным, направленным исключительно на разрушение суверенных стран. Поэтому в «чистом» виде для России – страны-миротворца, этот опыт не может быть воспроизведен на практике.

Вместе с тем, для укрепления зон традиционного геополитического влияния России и неповторения сценариев цветной революции в отношении стран постсоветского пространства, против американских сил и их дилеров, формирующих «гибридные угрозы» национальной безопасности Российской Федерации, спецслужбы России могут, по мнению автора, использовать «американские» методы управляемых политических трансформаций. Спецслужбам России необходимо развивать многоуровневую систему асимметричных возможностей несилового и силового противоборства с агрессором во всех сферах (пространствах) межгосударственного противоборства, затрагиваемых «гибридной войной», развязанной США.

Литература и источники:

1. Бартош А.А. Серая зона: театр «гибридной войны»: монография. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2021.
2. Бельков О.А. Понятие «война» и его аберрации в отечественном дискурсе // Власть. 2009. № 9. С. 4–8.
3. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период / Перевод с англ. под ред. В.Ю. Крашенинниковой. – М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2017.
4. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43–60.
5. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
6. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М.: Издательство «ИНФРА-М», 2020.
7. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. – М.: Издательство «Прспект», 2021.
8. Курносков Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие: монография. М.: ООО «РИТМ», 2012.
9. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2021.
10. Мартьянов О.В. Частные военные компании США: предназначение и роль в военных конфликтах // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 5. С. 8–13.
11. Матанцев-Воинов А.Н. Как США пожирают другие страны мира. Стратегия анаконды. М.: Издательство «Алгоритм», 2020.
12. Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн: монография. М.: Издательство «Горячая линия – Телеком», 2020.

13. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования // Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
14. Першин Ю.Ю. Гибридная война: много шума из ничего // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 78–109.
15. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Кучково поле», 2017.
16. Савин Л.В. Стрелы кентавра. Кибервойна по-американски: монография. М.: Издательский дом «Кислород», 2020.
17. Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: Издательство «ЮНИТИ-ДАНА», 2015. – 581 с.

**ПОПЫТКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕРЕВОРОТА В КАЗАХСТАНЕ.
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЦВЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ**

**РАЗБАЛАНСИРОВКА
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
КАК ФАКТОР ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ
В КАЗАХСТАНЕ**

*Караяни Александр Григорьевич
Русалеев Алексей Валерьевич*

4–5 января 2022 года в Республике Казахстан произошли массовые беспорядки, сопровождавшиеся гибелью сотрудников силовых органов, граждан, захватом протестантами административных зданий, узловых пунктов сообщения, телевидения, отделений полиции, массовыми погромами, грабежами, мародерством и т.д. Создалась реальная угроза не только действующей власти, сохранению политического курса государства, но и его существованию как независимого политического субъекта.

По просьбе действующего президента страны Касым-Жомарта Токаева 6 января в Казахстан были введены мобильные силы ОДКБ, взявшие под охрану важнейшие объекты жизнедеятельности страны и создавшие условия для пресечения казахстанскими силами безопасности и правопорядка насилия, преступлений, восстановления функционирования системы власти и управления.

Данные психологических и социологических исследований показывают, что подобные события не могли произойти в экономически и политически стабильной стране «на пустом месте». В их основе лежат серьезные трансформации общественного сознания, отраженных в нем мировоззренческих ориентиров, духовных и нравственных ценностей, а также социальной идентичности многих людей.

Неслучайно, Министр обороны России С. Шойгу назвал разложение общества страшной внутренней угрозой. Он подчеркнул: «Внешние угрозы – они понятны. Силовые угрозы я имею в виду, когда нам угрожают... Но есть более страшная часть, она в последнее время, точнее, десятилетия приобретает или приобрела уже основную опасность для любой страны – это внутренние угрозы» [1].

Известно, что жизнедеятельность общества в значительной степени определяется состоянием общественного сознания, содержанием ответов на вопросы: «откуда мы?», «кто мы?» и «куда мы идем?». Именно ответы на эти вопросы и создают для каждого гражданина и социума в целом систему духовных, нравственных, политических и социальных координат, определяющих их социальную активность.

Анализ состояния общественного сознания казахстанского общества показывает, что в последнее время здесь отмечалась заметная турбулентность.

Прежде всего, возникло противоречие с ответом на вопрос «Откуда мы?», то есть подверглось некоторой трансформации историческое сознание казахстанцев.

Изучение документов, литературы, материалов выступлений значимых в Казахстане политических фигур позволяет констатировать, что в общественном сознании казахстанских граждан циркулируют противоречивые, часто конфронтационные представления об историческом пути их родины. Так, бывший президент республики Н. Назарбаев неоднократно заявлял о том, что ... «У Казахстана, у казахов никогда не было границы. В очерченных сегодняшних границах не было государственности никогда» (24 августа 2005 года.) ... «Никогда казахского государства не было, поскольку оно не имело границ» (2011 год)». Он подчеркивал, что республика – государство молодое, и предлагал отсчитывать его историю и вовсе с развала Советского Союза [3].

В противовес этому ряд исследователей и политических деятелей полагают, что историю казахской государственности следует отсчитывать от времен Золотой Орды, в частности, от так называемого Казахского ханства (в 2015 году праздновалось его 550-летие).

В подтверждение этого видения истории действующий президент страны Токаев 5 января 2021 года в своей статье подчеркнул: «Никто

извне не отдал казахам эту огромную территорию. Наша история не начинается 1991 или 1936 годом. Наши люди жили и росли здесь во времена Казахского ханства и раньше – при Золотой Орде, Тюркском каганате, гуннах и саках». Он также указал на необходимость противостоять провокациям со стороны «некоторых иностранцев, которые сомневаются в нашей территориальной целостности», и защищать национальные интересы «не только с помощью дипломатии, но и с более жестких позиций» [4].

Конфронтационность представлений об истории своей страны не только мешает формированию непротиворечивой идентичности большинства казахстанских граждан, формирует группы граждан с разным историческим сознанием, но и делает их подверженными деструктивным идеям в этой области.

Неспособность истории республики выступить в роли социального скрепа разных поколений и социальных групп усугубляется и тем, что большой этап ее развития – советский – квалифицируется преимущественно как деструктивный. При его анализе акценты нередко делаются на голоде 1930 гг., репрессиях, тоталитаризме, неблагоприятных последствиях функционирования ядерного полигона близ Семипалатинска и др. Это негативное отношение к советскому этапу развития республики бесосознательно или осознанно экстраполируется на отношения с современной Россией.

Тотальное переименование населенных пунктов и административных районов, перенос столицы республики, изменение алфавита и др. создают у граждан ощущение разрыва в историческом пути нации, чувство собственной ущемленности у старших поколений казахстанцев.

Все это может нарушить согласованность и стабильность общественного сознания казахстанцев.

Понимание казахстанцев своего текущего политического и социального положения (ответ на вопрос «Кто мы?») определяется различными, часто противоречивыми тенденциями и факторами.

На их самосознании не может не оказывать влияния геостратегическое положение страны.

Республика Казахстан (Казахстан) одновременно находится в Азии и в Европе, что создает основу для формирования у населения страны евразийского менталитета. Республика входит в десятку крупнейших государств мира по территории (2,7 млн км²) и имеет население порядка 19 млн чел. По статистическим данным по объёму ВВП по ППС страна занимает 42-е место в мире.

Казахстан занимает важное геостратегическое положение у южных границ (как говорят эксперты – «в подбрюшье») нашей страны. Казахстан – это центр Евразии, стык Средней Азии, Китая и России.

Протяженность его границ с Россией составляет более 7,5 тыс. км. Территория Казахстана является, по существу, единственным сухопутным коридором для связи России с государствами Центральной Азии (Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, а также с Афганистаном и Ираном), в первую очередь – с членами ОДКБ.

Казахстан является одновременно и широким транспортным коридором в названные государства и своеобразным шлюзом, в определенной степени регулирующим потоки поступления в Россию террористов, наркотиков и контрабанды из стран региона. Казахстан, владея 5 железными и 6 автомобильными дорогами международного значения, активно развивает трансконтинентальные перевозки между Европой и Азией, в том числе транскаспийские перевозки. С реализацией масштабного проекта «Новый Шелковый Путь», международного коридора «Западная Европа – Западный Китай», Казахстан планирует достичь положения главного связующего звена континента и превращения его в крупнейший деловой и транзитный хаб региона – своеобразный мост между Европой и Азией.

Значимость географического положения Казахстана связана и с тем, что республика входит в Тюркский совет, который все более активно и порой безапелляционно заявляет о своих геополитических амбициях. Для Тюркского совета Казахстан – это и транспортный коридор в Россию и каналы влияния на тюркоязычное население нашей страны.

Республика Казахстан – это крупнейшая экономика среди стран Центральной Азии и вторая экономика среди государств Тюркского совета.

Вследствие своего географического положения, истории становления государственности и культурно-языковой принадлежности, Казахстан оказался в центре геополитических интересов *четырёх центров мировой силы*: России, Китая, США и Турции.

Как следствие этого республика проводит «многовекторную» политику и проявляет высокую активность в сфере геополитических отношений. Она является членом нескольких союзов, *преследующих разные, часто конкурирующие цели*.

Прежде всего, Казахстан входит в ОДКБ и Евразийский союз, являясь стратегическим союзником России. По статистическим оценкам, 80% экспорта, импорта и авиаперевозок Казахстана идёт через Россию. На Россию завязано всё машиностроение Казахстана. Две линии интернета связывают его с Россией и Китаем. Порядка 80 тыс. казахских студентов обучается в вузах России, многие учатся по российским грантам. Россия поставляет Казахстану оружие и военную технику, готовит для него военные кадры, обеспечивает ПВО его воздушного пространства.

Руководство Казахстана осознает, что нарушение отношений с нашей страной приведет к экономическому коллапсу, полному закрытию в Казахстане ряда промышленных отраслей, проблемам, связанным с получением качественного образования для молодежи, с функционированием Интернета и т.д.

Наряду с этим казахстанское руководство активно развивает отношения с другими «стратегическими партнерами», которых использует в виде «противовесов» для балансирования на международной арене, для получения политической и экономической выгоды.

Среди таких партнеров важнейшее место занимают США. Казахстан является участником формата сотрудничества «С5 + 1» (формат отношений 5 центрально-азиатских стран – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, с одной стороны, и США, с другой стороны), служащего открытому лоббированию интересов США в Центрально-азиатском регионе.

Сотрудничество Казахстана с США развивается по нарастающей в самых разных сферах, включая военную. Республика участвует в программе НАТО «Партнерство во имя мира», предоставлявшей право на участие в военных учениях США и североатлантического блока. Политический деятель Дарига Назарбаева (старшая дочь Н. Назарбаева) заявляла, что развитие партнерства с НАТО является важным приоритетом внешнеполитического курса Казахстана и что республика заинтересована в привлечении современных программ и передового опыта Североатлантического блока. А по заявлениям казахского министерства иностранных дел: «Казахстан взял на себя лидирующую роль в поддержке США в операциях по борьбе с угрозами безопасности и стабильности в Среднеазиатском регионе».

На каспийском берегу страны развернуты перевалочные базы для транзита американских военных грузов в Афганистан. Эксперты говорят о том, что обсуждалась возможность создания полигона, а затем и военной базы ВМС США в каспийском порту Актау. Благодаря Казахстану, США постепенно превращается в «каспийское» государство с собственными экономическими, финансовыми и военными интересами.

Американцы передают Казахстану военную технику, осуществляют обучение его армии по стандартам НАТО, присутствуют на всех военных учениях, проводимых в стране. С 2003 г. в республике ежегодно проводятся американо-казахстанские военные учения «Степной орёл».

Специально созданные военные подразделения Казбат и Казбриг на постоянной основе во взаимодействии с войсками США и НАТО участвуют как в военных операциях, так и около гражданских учениях

по борьбе с массовыми беспорядками, проводимых на территории Казахстана и за его пределами. В 2003 г. Казахстан направлял в Ирак 27 военных инженеров, всего в Ираке побывало 290 казахских военнослужащих.

Недалеко от Алма-Аты функционирует Центральная референс-лаборатория Пентагона. Кроме этого, агентство по предотвращению угроз (DTRA) Департамента обороны США, отвечающее за исследования оружия массового поражения, создало еще пять лабораторий при научных центрах Казахстана. По оценкам специалистов, лаборатории оснащены самым современным оборудованием. И это не случайно, ведь Агентство вложило в создание сети биологических лабораторий в Казахстане порядка \$400 млн. За 8 лет (до 2020 года) в республике реализовано не менее 28 проектов по заказу Армии США. В них были задействованы как местные специалисты, так и военнослужащие из Медицинского центра ВМФ США (Мэриленд), сотрудники Института микробиологии бундесвера (Мюнхен) и военных лабораторий в Портон-Дауне (Великобритания). Стержневое направление реализуемых исследовательских проектов в Центральной Азии – изучение опасных для человека болезней, характерных для региона (чума, сибирская язва, бруцеллез, коронавирусы) и способы их распространения местной фауной (животными и насекомыми) [5].

Как отмечают эксперты, благодаря военному сотрудничеству между Казахстаном и США формируется проамериканская элита вооруженных сил страны; «американизируется» рынок военных технологий страны; создаются основы для американского присутствия на территории страны; американцы получают возможность собирать обширную информацию об оборонном потенциале Казахстана и военной политике ОДКБ в регионе; использование американского компьютеризированного военного оборудования несет в себе угрозу присутствия в нем «закладок» для дистанционного снятия информации и вывода из строя материальной базы части оборонной инфраструктуры республики и т.д.

Не менее глубоко и прочно в жизнь Казахстана входит и Китай. Китай является одним из крупнейших внешнеторговых партнеров Казахстана. В стране реализуется 51 китайско-казахстанский проект на общую сумму 28 млрд долл. в самых разных сферах. Здесь действуют соглашения о взаимном признании документов о высшем образовании, в ряде городов функционируют институты Конфуция. В Китае обучаются около 14 тыс. казахстанских граждан.

Казахстан считает Китай одним из приоритетных партнеров в сфере обороны, а также наращивает связи с крупнейшими оборонными предприятиями КНР.

Важным фактором геополитического позиционирования Казахстана является его членство в Тюркском совете и многостороннее сотрудничество с Турцией, которая также считается стратегическим партнером. Страны сотрудничают в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной, военной и других сферах. Турция поддержала кандидатуру Казахстана для проведения всемирной специализированной выставки «Экспо-2017», а также лоббировала Казахстан в качестве кандидата в непостоянные члены СБ ООН, оказывая помощь в странах Африки и Латинской Америки, где нет диппредставительств Казахстана.

Казахстан и Турция активно сотрудничают в ряде тюркоязычных и исламских международных организаций, таких как: Совет сотрудничества тюркоязычных государств; Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ); Парламентская Ассамблея тюркоязычных государств (ТюркПА) и др. При этом Казахстан выступает одним из самых активных инициаторов «тюркских» процессов, что говорит о том, что тюркская идентичность является мощным регулятором его политической активности.

Развиваются также совместные проекты в сфере образования и культуры. В Казахстане функционируют два совместных университета – имени Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане и имени Сулеймана Демиреля в Алма-Атинской области. При университете имени Ходжи Ахмеда Ясави работают Тюркская академия и Евразийский научный институт, которые занимаются гуманитарными исследованиями.

Действует сеть казахско-турецких лицеев. В Турции обучаются студенты по казахстанским и турецким специальным программам.

Культурное сотрудничество Казахстана и Турции довольно интенсивно для стран, которые не имеют общей границы. В Астане открыт культурный центр имени Юнуса Эмре, проводятся фестивали, устанавливаются памятники, проходят показы фильмов, переводятся и издаются книги.

Развивается и военное сотрудничество. Турция называется стратегическим партнером Казахстана, являющегося членом ОДКБ.

Таким образом, Казахстан в настоящее время находится в поле влияния мощных разнонаправленных внешних сил. В этих условиях он осуществляет «многовекторную» политику, балансировку между противоречивыми и конфронтационными интересами различных центров силы, сложную и опасную политическую игру на противоречиях.

Все перечисленное не может не сказываться на формировании общественного сознания казахстанских граждан. С одной стороны, это создает некоторую основу для повышения их самооценки («от нас здесь все зависит»), а, с другой стороны, лишает их надежных и стабильных политических, социальных, духовных и нравственных коор-

динат, не позволяет им однозначно ответить на вопросы «кто же мы?» и «с кем мы?»).

Социальную идентичность казахстанцев затрудняет сильная зависимость их сознания от родовой и территориальной принадлежности. Казахский этнос структурно состоит из трех жузов: старшего, среднего и младшего. Эксперты утверждают, что жузовое мышление доминирует над общенациональным, особенно в сложных ситуациях. Есть разные взгляды на страну, ее историю, настоящее и будущее, на важнейшие обстоятельства ее жизни у представителей южных, северных, восточных и западных областей республики.

Родовая и территориальная архитектура страны также создает сложности на пути формирования у казахстанцев целостного общественного сознания. В случае возникновения любых социальных конфликтов противоречивость общественного сознания становится фундаментом для противоречий в действиях.

Неблагоприятное влияние на общественное сознание казахстанцев оказала сложившаяся система двоевластия в стране. Всенародноизбранный президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, по существу, не является полноправным руководителем государства. С 15 мая 2010 года в стране действует специальный пост – Елбасы (лидер нации). Статусом Елбасы наделен Нурсултан Назарбаев. В 2019 г. Назарбаев признан единственным пожизненным лидером нации. Установлено, что мнение Елбасы будет иметь особое значение при разработке и принятии решений стратегического характера. Влияние Н. Назарбаева на внутреннюю и внешнюю политику значительно усиливалось тем, что до недавнего времени он был главой Совета безопасности. По существу президент страны не может принимать самостоятельных решений по важнейшим вопросам жизни страны. Властные полномочия президента страны урезаются и тем, что ранее была принята стратегия перехода к парламентской республике и часть этих полномочий постепенно перетекает в парламент.

В общественном сознании казахстанцев отражается эта политическая противоречивость и проявляющаяся в последнее время конфронтация между окружениями двух главных политических лидеров государства.

Не менее противоречивым является отраженное в общественном сознании казахстанцев будущее республики (ответ на вопрос «куда мы идем?»).

Наряду с официальными заявлениями казахстанского руководства о дружбе и стратегическом партнерстве с Россией в политическом и социальном пространстве республики активизируются процессы, подталкивающие страну и ее народ в обратном направлении.

Среди наиболее «громких» событий последних лет в Казахстане можно назвать спланированный до 2023 года процесс смены алфавита: отказ от кириллицы в пользу латинского шрифта. Сам факт того, что кириллица представляется как устаревшее буквописание, а латиница, как своеобразный путь к прогрессу, показывает обращенность, по крайней мере, активной элиты страны к Западу.

Отказ от кириллицы спровоцировал постановку радикалами вопроса об отказе от русского языка как официального. Воинствующие казахстанские националисты, «работая на опережение» и копируя украинских национал-радикалов создали так называемые «языковые патрули». Эти «патрули» совершали набеги на общественный транспорт и магазины, проверяли на каком языке написаны этикетки и ценники и понимают ли их продавцы. Они третировали, а иногда и физически оскорбляли лиц, говоривших на русском языке, выкладывали видеоролики с извинениями «провинившихся». Иногда такие рейды совершаются в сопровождении сотрудников правоохранительных органов. В Интернете размещаются видеоролики с заголовками типа «Для тупых русскоязычных граждан не владеющих казахским языком». С 2001-го в республике реализуется программа, предусматривающая постепенный перевод делопроизводства и документации на казахский язык. Недавно власти Казахстана провозгласили масштабный план по дерусификации образования, согласно которому к 2023 году все школьники будут обучаться на казахском языке. После парламентских выборов 2021 года антироссийски настроенные либерал-демократы (в том числе их радикальное крыло – партия «Ак Жол») укрепили свои позиции в казахстанской политике [6].

В 2021 году казахский блогер, правозащитник и общественно-политический деятель, известный своими антиисламскими и пророссийскими взглядами, Ермек Тайчибеков дал интервью изданию «Царьград», в котором обвинил власти Казахстана в ущемлении русских. Результатом этого интервью стал приговор – семь лет колонии строгого режима.

Тревожным сигналом звучит назначение 11 января 2022 года президентским указом откровенного русофоба Аскара Умарова министром информации и общественного развития. С 2017 года Умаров руководил международным информационным агентством «Казинформ». В том же году это агентство опубликовало карту Казахстана, в которую включены Оренбург, Омск, Ташкент, Каракалпакия и часть Синцзянь-Уйгурского района Китая. Именно этот политик рекомендовал казахам, которые вместе с русскоязычными гражданами страны празднуют День Победы: «Когда все будут напиваться водкой и праздновать непонятный день победы, вы помяните молитвой наших несчастных дедов, не вернувшихся

с чужой войны. Кого победили, что победили?». Именно ему принадлежит деление народа на две категории: «расово правильных» казахопантюркистов и «расово неправильных» «чернорусов» или «манкуртов» – казахов, воспринимающих русскую культуру как органическую часть культуры казахского народа, а русский язык считают родным. Судьба последних – «прислуживать своим хозяем русским» [7].

Сохранил свой пост министр образования и науки Асхат Аймагамбетов, сторонник соросовских проектов. По некоторым прогнозам, заместителем руководителя АП должна стать бывший министр информации и общественного развития Аида Балаева, известная попыткой запретить в Казахстане трансляции российского телеканала «Звезда».

Возможно, все перечисленные тенденции и государственные назначения – это некая внутригосударственная политика балансирования и противовесов. Но казахстанское общество не мыслит такими неявными категориями. Для него это может служить своеобразной «сигнальной ракетой», указывающей направление движения.

Проведенный анализ тенденций, способных формировать у казахстанцев образа будущего показывает, что они также разнонаправленные, противоречивые, дестабилизирующие. В какой-то мере общество с разбалансированным видением будущего можно сравнить с психологической толпой, для которой свойственны деперсонализация личности человека, преобладание эмоций над разумом, сильным влиянием на поведение психического заражения и подражания, склонность к неконтролируемым, агрессивным, а нередко, и преступным действиям.

Если казахстанское руководство не примет мер для балансировки и стабилизации общественного сознания, оно всегда будет «пороховой бочкой», готовой взорваться от небольшой искры. Для этого даже не требуется хитроумное внешнее информационно-психологическое воздействие как орудие когнитивных, психологических, поведенческих, гибридных и иных войн.

Литература и источники:

1. Шойгу назвал разложение общества страшной внутренней угрозой. <https://russian.rt.com/russia/news>.
2. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации. Москва, 2021.
3. Мендкович Н. Перешли границы. Как фраза о советском прошлом может поссорить Россию и Казахстан. <https://lenta.ru/articles/2020/12/19/kazah>.
4. Полный текст статьи Главы государства «Независимость превыше всего». https://www.inform.kz/ru/polnyy-tekst-stat-i-glavy-gosudarstva-nezavisimost-prevyshe-vsego_a3737695.

5. Опасные соседи. США открыли у границ России секретные лаборатории. Почему оттуда могут вырваться страшные вирусы? <https://lenta.ru/articles/2020/06/16/biolab>.

6. Плотников Д. Поговорите тут. Языковые патрули, тюрьма и гонения: как в Казахстане притесняют русских? https://lenta.ru/articles/2021/08/20/kz_rus.

7. Ибрагимбеков М. Реалии ЕАЭС: пантюркист-руссофоб у руля масс-медиа в Qazaqstane. https://ruskline.ru/opp/massmedia_v_qazaqstane.

ТЕХНОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В КАЗАХСТАНЕ

*Манойло Андрей Викторович
Стригунов Константин Сергеевич*

События в Казахстане первой декады января 2022 года показали со всей очевидностью не только то, что потенциал для системной социально-политической дестабилизации не исчез, но и то, что эти деструктивные процессы обрели новые черты с учетом специфики страны, где их запустили. Отметим, что, как и ранее в других странах, спусковым крючком мятежа в Казахстане стали действия его властей, которые подняли цену на газ – распространенный вид топлива в Казахстане – вдвое, что и стало запалом и детонатором для будущей кровавой вакханалии. Теперь стало совершенно очевиден организованный характер выступлений банд, которые некоторыми горе-обозревателями и горе-аналитиками до сих пор интерпретируются как «народный бунт». Да, справедливости ради отметим, что нашлось место и народному гневу, праведно возмущенному резким ухудшением своего положения после действий властей. Но как оно чаще всего бывает, за объективным недовольством народа скрывались откровенно антигосударственные силы. В протестах они почти с первых суток стали проявлять себя, целенаправленно нанося удары по силам правопорядка, национальной гвардии, Комитету национальной безопасности РК, захватывали, грабили и поджигали здания акиматов (администраций). Беспорядки начались в городе Жанаозен, но затем распространились и в других городах, таких как Актау, Актоб, Алма-Аты, Караганда, Кокшетау, Нур-Султан, Уральск, Шымкент. Протесты быстро с ураганной скоростью трансформировались в массовые беспорядки, акты насилия с убийствами полицейских, погромы и мародерства. Практически сразу же были выдвинуты политические лозунги по типу отставки президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, отставки правительства и пр. И хотя власти пошли на ряд уступок, как, например, снижение цен на газ в Мангистауской области до 50 тенге и отставка правительства (5 января), однако все это никак не повлияло на уже активно распространявшиеся беспорядки, переросшие в откровенные мятежи. В тот же день было введено чрезвычайное положение – сначала в отдельных регионах Казахстана, а затем по всей стране. Однако насилие не прекращалось и достигло таких

масштабов и жесточенности, что силы правопорядка и даже армия не были в состоянии эффективно противодействовать бандам и распространению насилия.

На первый взгляд (да и то лишь в самом начале событий) действительно могло показаться, что происходящее – есть лишь проявление народного гнева, доведенного до крайности в своем отчаянии. Как мы уже выше отметили, и это тоже присутствовало. Но при анализе событий совершенно четко стали проявляться характерные признаки управляемости насильственными процессами в РК. Так, в Алма-Ате боевики захватили здание КНБ, разграбили оружейные склады. Удар наносился по силовым структурам и местным властям. Имеются видео, где показано, как бандам прямо посреди города раздают оружие, чтобы его использовать против властей и силовиков. Появилась информация об обнаруженных трупах двух полицейских с отрезанными головами. В одном из своих выступлений президент РК Токаев сообщил, что только в одной Алма-Ате орудовали порядка 20 тыс. бандитов. Некоторые аналитики посчитали данную цифру завышенной, однако если речь шла не о ядре мятежа, а обо всех преступниках, участвовавших в нем, то цифра уже не видится неправдоподобной. Само ядро мятежа было, понятно, меньше, но в данном случае оно выступило в качестве организующего начала. Теперь же важно понять, как так получилось, что столь мощный удар был пропущен. Являлось ли это глупостью или изменой? Что собой являло ядро мятежа, кто в него вошел и кто его направлял? Начать, как водится, нужно издалека, чтобы проблема виделась комплексно, а среди деревьев удалось разглядеть и лес.

Казахстан в силу исторических, социальных и культурных особенностей является специфическим государством, в котором присутствует трайбализм, т.е. когда родоплеменная организация лежит в основе социально-политического устройства. В Казахстане существуют т.н. жузы – по сути, союзы племен на определенной территории. Причем, чем дальше от городов, т.е. отдаленные сельские регионы, тем эти племенные и неформальные отношения играют бóльшую роль по сравнению с законами государства. В общем и целом восприятие государства у значительной части жителей таких регионов уступает племенным и клановым союзам. Отметим, что в отношении жителей сельской местности иногда используют слово с уничижительной окраской мамбет (а также ряд других слов, которые мы опустим), означающее малограмотного, некультурного и невоспитанного человека. В такой среде, население с низким уровнем культуры, но сильными кланово-племенными связями, живущее в тяжелых социально-экономических условиях часто усиливаются криминальные отношения. Фактически организованная преступность становится своеобразным компенсационным механизмом

там, где государственная власть ослабла или отсутствует целиком и полностью. В таких депрессивных регионах провести подготовку к мятежу представляется посильной задачей, поскольку проведение агентурной работы там затруднено (хотя и не невозможно) и требует значительных ресурсов. Примечательно то, что в таких обществах уже присутствуют готовые организационные структуры хотя бы низового уровня, на которые накладывается криминал в соответствии с местными правилами, этнической (племенной) принадлежностью и пр. И вот этот момент особенно важен для нашего анализа.

Полагаем, очевидно, что произошедшее в Казахстане есть также следствие грандиозного по своим масштабам провала спецслужб и органов правопорядка. Учитывая, что наиболее ожесточенные бои с властями проходят в таких городах как Кызылорда, Алма-Ата, Талдыкорган (в этих городах ведется антитеррористическая операция), а также Шымкент и Тараз, то возникают разнообразные вопросы. Например, эти города расположены недалеко от границ с Киргизией и Узбекистаном, где контроль за границей довольно-таки сложный. Это не мудрено: длина границы с Киргизией у Казахстана составляет 1212 км, а с Узбекистаном – 2351 км. Итого – 3563 км. Учитывая, что все вооруженные силы Казахстана, национальная гвардия и прочие воинские формирования оцениваются в 100–120 тыс. человек (при населении чуть более 19 млн в стране с площадью более 2.7 млн кв. км), можно сделать вывод, что границы достаточно пористые и через них в РК могут проникать разные подрывные элементы, в т.ч. криминал. На присутствие последних косвенно указывают и сообщения о наличии репатриантов из Киргизии и Узбекистана в числе мятежников.

Фактически транснациональной преступности не составит труда основаться в РК, взаимодействуя с местным криминалом, представители которого обкладывают данью предпринимателей, магазины и рынки. В самих мятежах присутствовали криминальные авторитеты по типу Армана «Дикого» Джумагельдиева (арестован), который известен своими связями с турецкими мафиози, как, например, Седатом Перкером, имеющим тесные связи в турецкой разведывательной службе МИТ. Имеются доказательства тесных контактов Армана «Дикого» с криминальными авторитетами Казахстана, Узбекистана, Киргизии, а также Азербайджана (в частности, «вором в законе» Надиром Салифовым по прозвищу «Лото Гули»). Известно, что Джумагельдиев пытался легализоваться в политике, он же, к слову, стоял за русофобскими «языковыми патрулями» в Казахстане. Фактически этот представитель криминального мира встроен в пантюркистский проект, центром которого позиционирует себя Турция. Известно, что параллельно с распространением своего влияния через турецкие вооруженные силы, инструкторов, продажу военной техники

(ударно-разведывательных БПЛА и пр.), создание НПО и НКО, «культурных центров», турки активно используют и нелегальные методы и средства. В частности, поддерживая запрещенную в России террористическую организацию «Братья мусульмане», задействуя прокси-группировки террористов в Сирии, Ливии и пр. вместе с частной военной компанией SADAT. При этом еще одной специфической и неафишируемой частью турецкой экспансии становится использование криминала, который активно взаимодействует с криминалом в других тюркоязычных государствах (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия) и не только. Это решает сразу несколько задач.

Во-первых, перехватывается управление криминальными потоками, в частности, наркотиков, которые, как известно, идут и через среднеазиатский регион в Турцию, а далее через Балканы попадают в Европу – один из крупнейших рынков сбыта в мире.

Во-вторых, устанавливаются и крепнут неформальные, но имеющие огромное значение связи и влияние на территории тюркоязычных стран. Фактически усиление влияния на криминал в отдельных регионах способно превосходить то влияние, которые имеют местные правительства.

В-третьих, потенциально возможным становится создание спящих ячеек через агентуру, внедренную в криминальные структуры, которые в нужный момент могут быть реактивированы для дестабилизации социально-политической ситуации в стране.

В-четвертых, криминальные элементы интегрируются в местные этнически (племенные) группы (союзы), а значит, в определенной степени получают готовые организации низового уровня, которые можно использовать для мятежа, при условии договора с местными старейшинами и «авторитетами», которые получают свою долю в случае успеха «мероприятия».

В-пятых, под видом криминальных элементов могут внедряться откровенные экстремисты и террористы, в том числе и те, что возвращаются из зон конфликтов (отметим, что казахским боевикам, принимавшим участие в Сирийской войне, оказывали логистическую, информационную и ресурсную поддержку именно турки, а сама Турция для них представляла собой убежище).

В-шестых, наличие трудно контролируемых или неконтролируемых для властей страны регионов и социальных (этноплеменных) страт предоставляло значительные возможности для тех чиновников и представителей отдельных кланов, которые проиграли аппаратную борьбу и были выброшены из властных структур, а значит, лишены полномочий и отодвинуты от социальных и материальных благ, которые давал их бывший высокий официальный статус.

На последнем пункте следует остановиться подробнее. Учитывая масштабность, скоординированность и ожесточенность мятежа, его крайне высокую динамику (фактически мятеж в Казахстане за трое суток преодолел тот путь, который «майдан» на Украине прошел за несколько недель), возникают более чем весомые подозрения, что происходящее в Казахстане является не только колоссальным по своим масштабам провалом, но и предательством лиц из числа руководства государства, спецслужб и силовых ведомств. Тогда высокая эффективность действий мятежников становится объяснимой. Также становится ясно и то, почему здание управления КНБ по Алма-Ате был сдан практически без боя. На это указывает и сообщение от 8 января, согласно которому был задержан бывший глава КНБ РК Карим Масимов, которого подозревают в государственной измене. Стоит отметить, что ситуацией воспользовались и находящиеся у власти кланы в аппаратной борьбе друг с другом. Предположительно, клан, связанный с Елбасы Нурсултаном Назарбаевым, по результатам подавления мятежа будет потеснен.

Таким образом, складывается следующая картина. С высокой долей вероятности ядром мятежников выступили подготовленные провокаторы из числа криминальных структур, бывших или действующих спецслужбистов и радикалов (отметим, что некоторые из них, вероятно, имеют экзогенное происхождение, о чем и заявил Токаев). Значительная часть погромщиков из числа мамбетов перешла к грабежам, мародерству и убийствам, что добавило сумятицы. При этом важно отметить тот факт, что к координации мятежников на определенном этапе присоединились подконтрольные Западу сетевые ресурсы по типу печально известной Nexta – телеграм-канала, контролируемого польскими спецслужбами, координировавшего беспорядки в Белоруссии во времена т.н. «беломайдана» в августе-сентябре 2020 года. Данный канал действует до сих пор. Кроме Nexta «отметились» и такие соцсети как Twitter и Reddit, где была развязана целая кампания по дискредитации присутствия ОДКБ в Казахстане. Также «отметились» и одиозные персонажи, как, например Мухтар Аблязов, активно агитировавший против властей Казахстана и выступавший на стороне «протестующих» из Киева. Кроме того, хотелось бы сказать и о предположительном участии в этих процессах Великобритании, которая, по мнению ряда аналитиков, едва ли не управляет внешней политикой Турции. Поскольку в наличии турецкого следа в мятеже в Казахстане все меньше сомнений, то, следуя их логике, за этим должен стоять и Лондон. В реальности же, конечно, все гораздо сложнее и считать Турцию своеобразной марионеткой Великобритании неверно. Да, разумеется, влияние Лондона есть, но турки и сами по себе во многом субъекты, хотя и действуют не без оглядки на Запад. Однако их ресурсов и политической воли, а также уникальное

геополитическое положение дает возможность вести и самостоятельную игру. В Анкаре отлично понимают, что Запад вряд ли станет вредить Турции, которая входит в НАТО, поскольку удар по ней автоматически нанесет удар и по самому альянсу, но также и потому, что неоосманский пантюркизм при Эрдогане хорошо вписывается в стратегию Запада по сдерживанию России и Китая.

Нельзя не отметить и то, что Казахстан является важной страной как для России, поскольку у двух стран есть исторические, в определенной степени культурные, политические, военные и экономические связи. Большое значение Казахстан имеет и для Китая, поскольку через РК проходит один из маршрутов его глобального проекта «Один пояс, один путь» – гигантской трансконтинентальной инфраструктурно-логической сети, запущенной Си Цзиньпином в 2013 году. К слову, объявил он о ее создании именно в Казахстане в 2013 году. Следовательно, дестабилизация РК бьет одновременно и по России, сокращая ее влияние на постсоветской периферии, и по Китаю, поскольку потенциально способна помешать реализации китайского мегапроекта на казахской территории. Рикошетом удар может быть нанесен и по Ирану, также участвующему в данном проекте, который логистически связан со среднеазиатским регионом.

В связи с вышесказанным, следует констатировать, что принятие решения о вводе контингента ОДКБ было неизбежно, поскольку в условиях комбинированного удара по Казахстану извне и изнутри едва ли не единственный способ был обращение именно в данную военную организацию. Тем не менее, ввод миротворческого контингента порядка 5–7 тыс. человек (на 3/4 состоящего из российских военных) сопряжен с определенными рисками. Перечислим их:

1) внешние и, по всей видимости, внутренние силы будут использовать факт ввода войск ОДКБ для стабилизации ситуации в РК в анти-российских целях (уже сейчас наблюдается массивный поток фейков об «оккупации» Россией Казахстана);

2) есть риски, когда вина в подавлении внутреннего конфликта между элитами и народом может быть этим самым народом возложена на внешних «интервентов» (то есть, не подстрекатели из кланов и уголовники виноваты в погромах и человеческих жертвах, а войска «нового варшавского договора», повторившие в Казахстане «пражскую весну»);

3) в долгосрочной перспективе внешние акторы могут попытаться создать несколько зон нестабильности, в т.ч. в странах Средней Азии (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), а также повторить сценарий 2020 года в Белоруссии с учетом неудачи позапрошлого года;

4) существует вероятность, что таким способом (через активацию сразу нескольких кризисных ситуаций по периметру России) попыта-

ются создать эффект перенапряжения ресурсов у Москвы, а заодно постараться лишить ее маневра;

5) возможна активация дестабилизационных процессов внутри России при синхронизации с внешними кризисами для создания разрушительного синергетического эффекта.

Далее отметим специфические особенности попытки государственного переворота в Казахстане:

1) выраженный фактор криминала в действиях мятежников;

2) сращивание организационных структур в племенных союзах с местным криминалом и транснациональной преступностью, которые в спайке с иностранными спецслужбами и, предположительно, ренегатами из числа местных спецслужб и чиновников сумели создать устойчивые агентурно-боевые сети;

3) фактор транснациональной преступности стал одним из ключевых при налаживании каналов связи между отступниками из числа госчиновников и спецслужбистов РК с иностранными спецслужбами;

4) в определенной степени в Казахстане наблюдалось применение технологии «DDoS-революции», описанной авторами еще в 2019 году. Суть ее вот в чем. Мы отмечали, что «опасность состоит в том, что такие процессы (протесты и беспорядки – прим. авт.) могут пройти приблизительно в одно и то же время, но в пространственно разнесенных областях. В таком случае намного трудней адекватно на них реагировать. В небольших по площади государствах переброска и сосредоточение нужного числа силовиков в конкретном месте в минимальные сроки существенно проще из-за небольших расстояний. Однако в государствах с территорией достаточно большой, например, в Китае или России, маневр ресурсами затрудняется вследствие значительных расстояний между городами [...] Последствия такого запаздывания могут оказаться разрушительными. Таким образом, имеет место суперпозиция нестабильностей – с увеличением количества охваченных беспорядками городов произойдет исчерпание возможностей властей контролировать ситуацию. Как следствие, по мере того, как обстановка продолжит деградировать, ресурсы властей продолжат стремительно сокращаться, а их способность к стабилизации обстановки радикально упадет. В результате возникнет самоподдерживающийся режим разрегулирования с появлением отрицательного синергетического эффекта» [3]. По всей видимости, в некоторой степени данный эффект проявился и в казахстанских событиях (вследствие площади РК). Для России угроза такой технологии особенно значительна, учитывая ее размеры.

В то же время ситуация в Казахстане выявила и ряд положительных аспектов:

1) появился прецедент использования военной силы ОДКБ для подавления цветных государственных переворотов, что может быть ис-

пользовано в дальнейшем, если при грамотных действиях России и ОДКБ не будет вызывать отторжение, а напротив, станет ассоциироваться со стабилизирующим фактором;

2) у ОДКБ появился шанс на деле показать свою пользу, поскольку в последние годы все чаще звучали разговоры о том, что по факту данная организации недееспособна, что совсем не так, как и продемонстрировали события в Казахстане;

3) появилась возможность разрекламировать действия миротворческого контингента сил ОДКБ в максимально положительном свете при условии грамотных действий по политико-дипломатической линии и в информационно-психологической сфере;

4) стабилизация ситуации в Казахстане при участии ОДКБ стабилизирует весь Центрально-азиатский регион и всего постсоветского пространства (СНГ).

Мощным фактором в событиях в Казахстане стали операции в информационно-психологической сфере, в определенной степени сопоставимые по своей важности с контртеррористическими операциями по наведению порядка. Это объясняется тем, что в случае проигрыша в информационной войне действия ОДКБ выставят в самом негативном свете и вызовут отторжение у населения РК и других стран СНГ, которое в дальнейшем будет чрезвычайно сложно изменить. В этой связи крайне важным становится создание специализированного центра по противодействию информационным операциям и разным формам государственных переворотов, включая и цветные революции, адаптированные к условиям конкретной страны-участницы союзов на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, Союзное государство России и Белоруссии и пр.). Вместе с тем необходимы специалисты, обладающие теоретическими наработками и практическим опытом в деле противодействия перечисленным выше угрозам. При наличии такой структуры и специалистов, выступая в тесной координации со странами-участницами СНГ/ОДКБ (власти этих стран, их ведомства и аналитические структуры), можно добиться положительного синергетического взаимодействия для отражения тех угроз, которые мы наблюдали за последние полтора года в Белоруссии, Киргизии и Казахстане.

Практически не вызывает сомнений, что некоторые иностранные акторы постараются максимально обострить ситуацию по периметру России к 2024 году, к выборам Президента РФ. Следовательно, времени осталось совсем немного и нарастание вбросов против стран СНГ и ОДКБ, активация попыток госпереворотов и войн (Вторая Карабахская война 2020 года) в сопредельных с Россией странах явно указывает на то, что к 2024 году внешние агрессоры постараются максимально «нагрузить» Россию и ее союзников для усиления деструктивного эффекта.

Отметим, что стабильность в странах СНГ сохраняется во многом именно благодаря России, что и показал кризис в Казахстане. Поэтому дестабилизация России автоматически сокрушительно ударит по всем странам СНГ. Следовательно, у каждой страны-участницы этой организации есть общая заинтересованность в недопущении эскалации, продуцируемой деструктивными силами как извне, так и изнутри этих стран, поскольку речь идет о сохранении их государственности и территориальной целостности. Однако для эффективного противодействия нужны адекватные структуры, способные противодействовать данным угрозам системно и во всех сферах, особенно информационной.

Литература и источники:

1. Бобров А.К. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России и США (2016–2019 гг.) в контексте дискуссий о «новой холодной войне» // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 49 (9). С. 39–40.
2. Бобров А.К. Три десятилетия внешней политики современной России // Международная жизнь. 2021. № 10. С. 64.
3. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
4. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации. Москва, 2021.
5. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. Москва: Горячая линия – Телеком, 2020.
6. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования // Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
7. Постсоветское пространство 30 лет спустя / Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

НОВАЯ МИРОЛЮБИВАЯ, МИРОТВОРЧЕСКАЯ, ИСКУССТВЕННАЯ ОБЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Кишин Юрий Яковлевич

Новые вызовы и угрозы для человечества приняли Всемирный, Вселенский характер

Они охватили человечество, природу и освоение космоса:

- идет мировая вирусная война, в которой мы участвуем;
- природные и техногенные катастрофы;
- космические тела из космоса;
- войны традиционные (включая ядерную), природные; войны вселенские (освоение космоса);
- международный терроризм;
- войны внутри государств;
- кровавые революции;
- кризис человечества, природы.

Вирусные войны могут обострить политические, экономические, духовные отношения как между государствами, так и внутри государств, они могут привести к традиционным войнам.

Вирусные войны могут обострять «исторические» причины между воюющими в прошлом государствами.

Они могут сузить права человека, приостановить демократические реформы.

Все угрозы объединены в постоянную единую угрозу существованию человечества, разрушению природы.

Нужны срочные, кардинальные, экстренные меры, чтобы обеспечить выживание человечества, сохранить природу, чтобы продолжить мирное освоение космоса.

Предлагается создать новую миролюбивую, миротворческую, искусственную Общность человечества, природы и освоение космоса.

Базовые основы Общности: Новая миролюбивая Общность; Искусственный характер Общности человечества; Ядерное разоружение; Революция космополитизма.

Новая миролюбивая Общность

Миролюбивая и миротворческая Общность будет себя идентифицировать в зависимости от ее связей с войнами, способами ведения войн, к их итогам и последствиям.

Произойдет иерархическое бытие – вращение одной иерархии в другую, личность в нацию, нацию в человечество, человечество в миролюбивую и миротворческую Общность.

Идентичность будет объединять миллионы граждан Земного шара. Будет происходить самоидентификация Общности.

Новая Общность будет не только осуществлять сосуществование этнических, национальных, религиозных идентичностей, но и включать их в себя, если они будут носителями миролюбия и миротворчества.

Цели Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности человечества, природы и освоения космоса:

- обеспечить выживание человечества;
- осуществить соби́рание миролюбивых, миротворческих людей Земного шара и создать государства нового типа;
- ликвидировать войны традиционные, природные, вирусные, всемирные, вселенские, создать Вечный мир;
- ликвидировать несовершенности человечества во всех сферах жизнедеятельности, негативные процессы в природе и в освоении космоса;
- продолжить поиск контактов с другими планетами, модели Вечной жизни землян распространять на другие планеты;
- человечество должно получить право на жизнь в космосе;
- внести вклад в создание Большого Отечества.

Миролюбивая Общность создаст благоприятные условия для совершения принципиально новых, ненасильственных Революций:

Всемирной Гуманитарной Революции человечества; Гуманитарной Революции в природе; Совместной Всемирной Гуманитарной Революции человечества и природы; Революции в освоении космоса; Единой Всемирной, Вселенской Гуманитарной Революции человечества, природы и освоения космоса.

Государства Общности, Общности в целом будет преследовать следующие цели в отношении природы: сохранять и защищать природу; сохранять многообразие окружающей среды; обеспечить мирное освоение космоса; осваивать природу других планет.

В Новой Общности будут философские смыслы: историческая судьба человечества; вселенское мировоззрение; патриотизм – вселенская категория.

Общность будет иметь доминирующие сердцевинные государства на всех регионах и континентах, которые будут лидерами в выполнении глобальных, всемирных и вселенских задач. При создании и развитии Общности не обязательно иметь территориальную соприкосновенность государств, культур, этносов и религий.

Новая Общность опередит историческое время и обозначит будущее человечество, природы, освоения космоса; освободит от недостатков прошлой жизни, явится фактором самовоспитания. Для создания и развития Новой Общности необходим новый тип вооруженных сил, которые готовы для ведения справедливых видов войн на Земном шаре, в окружающей сфере, при освоении космоса. Итогом любых видов агрессии против Общности должна быть только Победа. Идеология Общности будет подпитываться Победой России во Второй мировой войне; достижениями в освоении космоса, борьбой за мир во всем мире.

Искусственная характерность Новой Общности человечества

Чтобы обеспечить выживание человечества, сохранить природу, продолжить освоение космоса, необходимо придать искусственную черту Общности человечества, в которой объединены войны, вооруженная борьба и ненасильственные революции.

Цели миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности:

- создать концепцию Новой искусственной, миролюбивой и миротворческой Общности человечества, объединить справедливые войны и ненасильственные революции, создать структуру «войны-революции»;
- обеспечить выживание человечества;
- распространить Новую Общность на планете, используя невоенные и военные способы, средства;
- осуществить сбор миролюбивых и миротворческих людей Земного шара;
- ликвидировать несовершенности человечества во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения;
- объединить мир Земли и мир Космоса;
- ликвидировать разобщенность человечества;

- ликвидировать войны всех видов, создать Новый, Вселенский образ жизни человечества;
- совершить ненасильственные революции в человечестве, в природе, в освоении космоса;
- изменить историческое, глобальное направление в развитии человечества и природы;
- ликвидировать эксплуатацию человека человеком, добиться, чтобы в будущем новые виды энергии не использовались для уничтожения людей, для разрушения природы;
- научиться управлять демографическими процессами в новых государствах, в человечестве в целом;
- внести вклад в создание Большого Отечества – абсолютное Единство Человечества, Природы и Космоса.

Во многих государствах на различных этапах развития преследовались принципиально другие цели.

Примером таких государств были различные панидеи, которые часто находились в состоянии борьбы друг с другом.

В конце XIX века был создан Пангерманский Союз с целью включения в состав империи всех земель, где проживало германское население, включая расчленение России – захват Прибалтики, Украины, Кавказа.

В конце XIX века был создан Панисламизм с целью создания единого мусульманского государства.

В 1910 году был создан Панамериканский Союз, с 1948 года он выполняет роль аппарата Организации американских государств.

В целях панидеи заложены основы, которые привели к возникновению фашизма в Германии и в Италии; мирового и регионального господства на Земном шаре, международного терроризма, стали причинами Первой мировой войны.

Панидеи были ориентированы на сохранение несовершенностей человечества, на сохранение колониализма, на сохранение войн как образ жизни человечества, на сохранение разобщенности государства, мировых религий.

Лидеры панидеи осуждают ценности космополитизма; гуманизм, мораль, солидарность, демократическое устройство государств; стремятся вывезти природу из мироустройства, и Земного шара, из борьбы добра и зла, света и тьмы.

В условиях новых вызовов и угроз происходит кризис религий. Взаимная неприязнь и разобщенность мировых религий и религиозных конфессий. Священные тексты не всегда трактуются в духе миролюбия. Мировые религии испытывают дефицит влиятельных лидеров. По-прежнему ведутся религиозные войны.

Чтобы ликвидировать кризис религий потребуются века, миролюбивая, искусственная Общность позволит ускорить ликвидацию кризиса путем проведения реформ мировых религий и религиозных конфессий.

Общность будет иметь доминирующие сердцевинные государства на всех регионах, континентах, которые будут лидерами в выполнении глобальных, всемирных и вселенских задач.

Россия проявит историческую инициативу в развитии человечества, станет ее Лидером, сердцевинным государством Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности.

XXI век – век рождения миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности человечества, природы и освоения космос, век начало пути к Большому Отечеству – абсолютному Единству человечества, природы и ближайшего космоса. Это самый амбициозный проект века.

Для создания миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности необходим новый тип вооруженных сил. Войны будут вестись внутри государств, между государствами: войны традиционные, природные и вселенские. Вооруженные силы должны быть готовы для ведения справедливых войн на Земном шаре в природе и в космосе.

Итогом любых видов агрессии против миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности должна быть только Победа, содержание которой необходимо оценивать по различным критериям: военная, политическая, социальная, идеологическая, экономическая, территориальная, демографическая, религиозная, военно-техническая, военно-научная, гуманитарная.

Военная победа – главная, основная. Она заключается в разгроме вооруженных сил противника, в ликвидации военного потенциала.

Особенно важно определить перспективы развития децентрализации, постоянное дробление территорий государств на многочисленные территориальные структуры, стремление территориальных общин контролировать свою территорию. Итоги децентрализации: образование новых независимых государств, некоторые из них войдут в состав миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности. Децентрализация может привести и к объединению. Некоторые объединения государств также могут войти в состав миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности.

Создание и развитие новой миролюбивой, миротворческой и искусственной Общности позволит развиваться в пространстве и во времени.

Они охватят человечество, природу, освоение космоса. Обеспечат приоритет миролюбия и миротворчества над другими ценностями.

В новой государственно созданной миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности произойдет влияние истинного патрио-

тизма ее государств с истинным патриотизмом мирового сообщества. В одном лице гражданин Общности будет сочетать лучшие черты патриотизма государств с лучшими чертами патриотизма мирового сообщества. Искусственная составляющая Общности позволит ускорять течение исторического времени.

Ликвидация войн как образ жизни человечества потребует десятки, сотни лет.

Миролюбивая, миротворческая, искусственная Общность позволит привести к установлению Вечного мира сразу после ее создания и развития.

Родовые, этнические, религиозные, культурные Общности создавались тысячелетиями и веками. Новая миролюбивая, миротворческая, искусственная Общность начнет создаваться уже в XXI веке, который явится отсчетом по созданию Большого Отечества.

Миролюбивая, миротворческая, искусственная Общность окажет историческое влияние над все ее составляющие, на человечество, на природу, на освоение космоса.

Миролюбивая, миротворческая, искусственная Общность позволит ликвидировать не только разобщенность народов, государств, культур, этносов, религий, Новая Общность ликвидирует разобщенность человечества, природы и освоения космоса.

Искусственная составляющая Новой Общности позволит опередить другие Общности в отношении ко всем глобальным проблемам: более широкое понимание единства войны; сущность и содержание природных войн; ядерное разоружение; новое устройство государств; новый мировой порядок; изменение роли народа в системе «народ-власти»; эксплуатацию человека человеком; равенство мужчин и женщин; управление научно-техническим прогрессом; управление демографическими процессами.

Новые миролюбивые, миротворческие, искусственные государства Общности будут создаваться на территориях прежних государств, что позволит, с одной стороны, учесть использовать их позитивные достижения, с другой стороны – извлечь исторические уроки.

На основе миролюбия, миротворчества, искусственная Общности будет создаваться всемирное и вселенское миротворчество: система ценностей в миротворчестве; подготовка и ведение справедливых войн; право на жизнь, создание мирной жизни; разработке наук, теоретической деятельности; мораль, культура, право; воспитание и образование; миротворческие вооруженные силы; война – созидание и разрушение.

При создании и развитии миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности необходимо учитывать философские смыслы: историческая судьба человечества; вселенское мировоззрение; патриотизм –

вселенская категория. Новая Общность предполагает переосмысление концептуальных положений философии, социологии, политологии, этики, права.

Новая Общность будет воспитывать патриотизм во всех государствах и одновременно будет отрицать национализм.

Партнерами, союзниками Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности будут участники борьбы за мир, антивоенные движения, оппозиционные силы в диктаторских, авторитарных государствах, участники борьбы против международного терроризма, участники гражданских войн.

Наступит новая эпоха миролюбивого и миротворческого взаимодействия. Связь людей будет зарождаться внутри в них, а затем их изменит.

Во многих государствах Земного шара имеются сепаратистские движения. Они могут привести к созданию новых государств, которые войдут в состав миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности.

Миролюбивая, миротворческая, искусственная Общность определит свой вселенский исторический путь, опередит историческое время и обозначит будущее человечества, природы и освоение космоса. Собранные на Земном шаре люди создадут благоприятные условия для осуществления ненасильственных Гуманитарных Революций в человечестве, в природе, в освоении космоса.

В отношении природы Общность будет осуществляться охрана и защиты природы, освоение космоса, освоение природы других планет.

Произойдет Революция при освоении космоса. Будут установлены контакты с другими планетами. Вечная жизнь землян будет распространяться а других планетах, она примет вселенский характер. Освоение космоса примет мирный характер, не будет вселенских войн, «звездных войн». Человечество получит право на жизнь в космосе.

Ядерное разоружение

40–50-е годы XX века был созданы ядерные государства, государства, имеющие ядерное оружие. Они имеют исторический характер, возникнув в XX веке, ядерные государства прекратят свое существование на определенном этапе своего существования.

В настоящее время в мировом сообществе существует 9 ядерных государств. Это США, Россия, Соединенное Королевство, Франция, Китай, Индия, Пакистан, КНДР и Израиль, который никогда не подтверждал и не отвергал наличие у себя ядерного оружия.

Ядерное государство – феномен цивилизации с новой системой принципов, ценностей, с новым ядерным образом жизни. Это новая форма самоорганизации.

Они имеют свои политические, социальные, экономические, военные и духовные системы, которые отличаются от аналогичных систем других государств. Отличаются они от традиционных государств по целям, способам ведения войны, их итогам и последствиям.

Статус ядерных государств (кроме КНДР и Израиля) – результатом экономической, политической и военной мощи.

Они обладают глобальным экономическим потенциалом, являются ключевыми игроками в мировой политике.

Ядерные государства являются странами с развитой оборонной промышленностью, в Военно-промышленном комплексе сосредоточены миллионы людей, научно-технический потенциал, оборонные центры и предприятия.

Продолжается распространение оружие массового уничтожения, расширяется ядерный клуб государств.

Ядерные государства во многом управляют человечеством, являются членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, пять государств являются членами СБ ООН. Ядерные государства играют ведущую роль военно-политических блоках.

В ядерных государствах особые отношения между властями и народом. Ядерная кнопка вне гражданского контроля.

Ядерные государства являются угрозой для выживания человечества. Они являются угрозой и друг для друга.

Возможна война с использованием ядерного оружия между Индией и Пакистаном, КНДР и Южной Кореей.

Доктрины ядерных государств предусматривают возможность применения ядерного оружия. Ядерное составляющая имеется в деятельности исполнительной, законодательной и судебной властей.

Настораживает возможность в определенных условиях использование государствами «ядерного клуба» против неядерных государств. Не исключено попадание ядерного оружия в руки международного терроризма.

Не создана система ядерного сдерживания всех 9-ти ядерных государств.

Соперничество в сфере ядерных вооружений может привести к тому, что лидер в этой гонке может явиться инициатором ядерной авантюры.

Ядерные «ястребы» стремятся увековечить войны и ядерные оружия путем дальнейшего совершенствования ядерного оружия.

В сообществе ядерных государств основными ключевыми игроками в XXI веке являются США и Россия, что обусловлено тем, что они обладают самыми мощными ядерными потенциалами внутри ядерных государств.

Система стратегического ядерного сдерживания между США и Россией, предотвращая мировую ядерную войну, обеспечивает на данном историческом этапе выживание человечества.

Однако между США и Россией существуют серьезные разногласия по сокращению ядерных арсеналов и созданию систем ПРО.

Возможное стратегическое ядерное сдерживание между США и Россией нуждается в глубоком совершенствовании. Совершенствование Стратегии взаимного сдерживания необходимо при одновременной ликвидации ядерного оружия.

В сложившейся обстановке США и России целесообразно заключить специальное антиядерное соглашение, направленное на немедленное прекращение гонки ядерных вооружений и отказ от борьбы за военно-техническое превосходство, на достижение безъядерного мира.

Отношение ядерных государств будут «пересекаться», поэтому возможны ядерные союзы. Китай и Индия могут достигнуть мощи США и России. Возможны и другие союзы. Пакистан и КНДР могут распространить свои ядерные технологии по всему миру.

Чтоб ослабить, нейтрализовать острые ядерные противоречия между США и Россией, необходимо использовать их отношения в других сферах жизнедеятельности:

- национальные интересы;
- устройство государств;
- освоение космоса;
- демографические процессы;
- ресурсы Земли и Космоса;
- мироустройство безъядерных государств;
- природные войны, включая вирусные;
- отношение к природе;
- будущее ядерных государств;
- новые функции Организации Объединенных Наций;
- помощь народам планеты при природных и техногенных катастрофах;
- укрепление действующих правовых режимов и введение в действие новых норм.

Базовые основы Общности – ядерное разоружение будет тесно взаимодействовать с другими базовыми основами – идентичность Общности, Новая искусственная Общность человечества, Революция космополитизма.

Революция космополитизма

Цели космополитизма:

- совершить Революцию;

- добиться побед добра над злом, света над тьмой; космополитизма над антикосмополитизмом;
- обеспечить выживание человечества, защитить природу;
- ликвидировать войны как образ жизни, создать Вечный мир на Земном шаре;
- создать благоприятные условия для создания Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности человечества, для ядерного разоружения;
- объединить справедливые войны и ненасильственные революции, создать структуру «войны-революции» как способ создания Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности человечества;
- внести вклад в ликвидацию несовершенностей человечества, природы;
- создать благоприятные условия для осуществления ненасильственных революций в человечестве, природе и в освоении космоса;
- овладеть управлением демографическими процессами и научно-техническим прогрессом;
- создать благоприятные условия для ликвидации эксплуатации человека человеком; для равенства мужчин и женщин; для изменения роли народа в системе «народ – власти»;
- внести вклад в формирование Большого Отечества – Единства Человечества, Природы и Космоса.

Без космополитизма добиться создание Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности, ядерного и всеобщего разоружения невозможно.

Космополитизм – общечеловеческое, всемирное, вселенское явление. Всемирно-исторический путь развития космополитизма – это освоение мира, борьба за новые формы бытия.

Революция космополитизма охватывает человека, мораль, отношение людей в государствах, интеграцию народов, государств; демографические процессы; отношение к предкам и потомкам; взаимоотношения человека и природы; освоение космоса; защиту от вирусов, от природных и техногенных катастроф.

Самоуправление охватит отношения внутри государств и международные отношения. Будет создано глобальное демократическое самоуправление. В Революции возникнут космополитические государства, союзы космополитических государств.

Революции позволят ослабить, нейтрализовать, ликвидировать несовершенности человечества.

Перманентное расширение ценностей космополитизма – закономерность его развития. Так, добродетель сострадания, относящаяся к войнам, будет выводить на более широкие и глубокие ценности: человекоберегательная система военной безопасности, гуманизация войн, запрет на участие в войнах детей, создание в войнах норм международного гуманитарного права и др.

Встреча ценностей, добродетель космополитизма с конкретными явлениями, процессами, событиями будет происходить наращивание ценностей, их содержание будет расширяться, углубляться – ценности конкретизируются, станут более действенными, более масштабными.

Ликвидация несовершенностей позволит преобразовать человека. Каждая добродетель сольется с несовершенностями, растворится в ней, превратит ее в совершенно новую ценность.

Человек социально природное явление, часть природы. Природа имеет свои законы, человек способен их познать и использовать при создании Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной. Деятельность человека является вкладом в развитие природы, человек преобразует биосферу в ноосферу.

Космополитизм отказывается от прошлых взглядов, ошибок, заключающихся в утилитарно-прагматическом отношении к природе.

Революция космополитизма охватит ценности и дополнит новыми. Многие утопии станут реальностью.

Революция позволит создать благоприятные условия для формирования политиков, которые сочетают патриотизм в государствах с патриотизмом всего человечества, которые мыслят «веками и континентами».

Революция предполагает создать новые модели демократий, которые учитывают идентичность, культурные, этнические, религиозные особенности.

Идеология космополитизма самая прогрессивная, миролюбивая, гуманная, справедливая. Философские смыслы Революции космополитизма имеют Всемирный и Вселенский характер. Они ориентированы на счастливую жизнь, она объединит в единое общество народа, государства, определит созидательные цели человечества, природы и освоение космоса.

Она рационально насыщена, эмоционально привлекательна, доступна широким массам.

Опираясь на идеологию, люди участвуют в справедливых войнах, ненасильственных революциях, в освоении космоса, охраняют природу, участвуют в борьбе с вирусами, в ликвидации природных и техногенных катастрофах. Человек – главная ценность, его право на жизнь имеет универсальный характер, она приоритетна по отношению к другим ценностям.

Идеология космополитизма отрицает марксизм в ленинской и сталинской трактовке.

Между идеологией космополитизма и космополитической практикой образуется Единство.

Космополитическая Революция имеет свою концепцию по развитию научно-технического прогресса. Созидательная составляющая направлена на обеспечение выживания человечества, на создание Новой миролюбивой Общности человечества, на создание искусственной Общности человечества.

Разрушительная составляющая научно-технического прогресса несет в себе угрозу человечеству. Космополиты осуждают политиков, военных стратегов, которые выступают с «социальными заказами» ученым, руководству военно-промышленного комплекса, по заданию создания новых видов оружия массового уничтожения.

Космополитизм исходит из того, что человечество способно управлять как созидательной, так и разрушительной составляющей научно-технического прогресса.

Важным направлением Революции космополитизма является реформированных мировых религий, религиозных конфессий: возвращение к истинному учению, исправление канонических ошибок, реформирование новых религиозных реформаторских учений, концепций; сближение мировых религий, религиозных конфессий; отказ от исключительности, монопольного обладания вероучительной истиной; демократизация религий, прекращение религиозных войн, отказ от распространения оружия массового уничтожения, ядерных войн, от милитаризации религий.

Глобализация – закономерность исторического процесса, тенденция общественного развития. Она охватывает политику, экономику, культуру, все формы общественного сознания.

В глобальном процессе участвуют народы всех континентов; человек будет чувствовать ответственность уже не только за себя, но и за всю планету, за создание новой Общности человечества, за создание искусственной Общности.

Космополитизм исходит из того, что ресурсы биосферы как единое должны принадлежать всему человечеству. Целесообразно разрешить государствам обмен территориями и поощрять добровольную передачу территорий другим государствам; осуществлять переселения народов в другие страны и регионы с целью поднятия численности населения в малонаселенных районах.

Революция космополитизма осматривает освоение космоса как средство решения многих земных задач, как фактор обеспечения выживания человечества, развитие и распространения ценностей космополитизма.

Система «Человек – Земля – Космос» изменит человечество в своем отношении к планете, к космосу.

Космополиты считают, что любую деятельность надо соизмерять с космосом. Они убеждены, что есть связь жизни человечества с жизнью космического целого.

Космос участвует в создании человечества.

Революция космополитизма предполагает участие в создании новой системы военной безопасности человечества.

Военная безопасности человека, природы, освоение космоса будет включать в себя силовую и гуманитарную составляющие.

Силовую составляющую представляют вооруженные силы государств, союзы государств, коалиции, национальные структуры типа НАТО, ОДКБ, Миротворческие воинские формирования, антитеррористические структуры, вооруженные силы Организации Объединенных Наций, военные структуры по нейтрализации космических тел, коллективная космическая оборона, политические и военные руководства силовой составляющей, вооруженные силы Новой Общности.

Гуманитарная составляющая: космополитические демократические ценности, моральные и правовые нормы, антивоенные движения, экономическая и экологическая безопасность, диалог религий.

Черты гуманитарной составляющей: ненасилие, компромиссы, миролюбие, созидание, гуманизм, легитимность, она более устойчива, стабильна, предсказуема нежели силовая составляющая. Космополитизм отдает приоритет гуманитарной составляющей.

Космополитизм исходит из того, что война – явление историческое, образ жизни человечества; война – проявление несовершенности человечества; война – социально-природное явление; война – зло, насилие, варварство, гибель людей, разрушение природы; война – организованная борьба для достижения политических, социальных, экономических, культурологических, этнических и религиозных целей. Такое широкое понимание войны позволит осознать увеличивающую угрозу выживанию человечества, создать Новую миролюбивую, миротворческую, искусственную Общность, объединит войны и революции для защиты космополитизма.

Человечеству угрожают эпидемии, природные и техногенные катастрофы, которые влияют на политику, экономику, культуру, науку, право, религию.

Для защиты «биологического фонда» космополиты предлагают создать Всемирную и Вселенную систему управления борьбой с вирусами и природными и техногенными катастрофами.

Космополитизм имеет свои взгляды на историческую науку. Космополиты раскрывают историю государств как фактор определения их

места во всемирно-историческом процессе, к единству человечества. Они стремятся знать своих предков, гордятся ими, не идеализируют прошлое, извлекают из него поучительные уроки, включая для Новой миролюбивой, миротворческой, искусственной Общности. Космополиты обеспокоены тем, что в историческом видении много лжи. Они осуждают политиков, которые используют историю для сохранения и укрепления в своей власти.

Новый космополит – гражданин Земного шара, мужественный защитник и патриот своего Отечества и Большого Отечества; покоритель космоса, активный участник борьбы за ликвидацию войн, за установление Вечного мира; гуманист, носитель нового статуса человека; революционер Единой Всемирной и Вселенской Революции; интернационалист, готовый оказать всестороннюю помощь силам в любой точке Земного шара; защитник природы. Каждый гражданин планеты будет Клятву Жизни, которая будет включать: цель жизни, отношение человека к себе, к родственникам, к человечеству, к природе, к освоению космоса, к предкам и потомкам, к Большому Отечеству.

Однако одной Клятвой Жизни не достаточно. Прожитую Жизнь необходимо оценивать. Оценка прожитой Жизни явится способом воспитания и перевоспитания новых поколений. Уходить из Жизни уже будут новые люди.

Литература и источники:

1. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
2. Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии академии военных наук. Москва, 2021. Том 3
3. Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития / Бочарников И.В., Овсянникова О.А., Герасимов А.В., Богатырева С.Н. Сборник материалов / Москва, 2014.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЗА РУБЕЖОМ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА, РОЛЬ И МЕСТО ГОРОДА МОСКВЫ

Тымчик Владимир Ильич

С подачи американского учёного Дж. Ная «мягкая сила» стала трендом теории международных отношений и международной политики. Научный концепт попал на благодатную почву: успех «мягкой силы» был одновременно синонимом американского успеха. Идеи американской исключительности, американского образа жизни будоражили умы и национальных элит, и миллионов людей во всем мире. Получить образование в США, обрести вид на жительство в этой стране считалось великим жизненным благом. На этом фоне сформировалась тенденция деградации ценностей других национальных социумов. Она всячески поддерживалась и разогревалась многочисленными международными организациями, инвестируемыми, как правило, из США и некоторых других стран западного мира. Мировая либеральная элита, воодушевлённая подобным положением дел, не только приветствовала его, но и стала оплотом, адептом данного тренда в своих национальных государствах. Россия не исключение. Идеи отказа от некоторых территорий под неаргументированными предложениями разоружения, мотивируемого тем, что, дескать, «никто нам не угрожает», «тотального нарушения прав человека» при том, что факты этих нарушений, как правило, были «притянуты за уши» – стали обыденностью либеральной пропагандистской практики. Постепенно проекты американской «мягкой силы» становились своеобразным заменителем военных операций. С последними нередко возникали трудно решаемые проблемы финансового, политического и иного порядка. Примером может служить операция «Буря в пустыне», когда наметилась трещина во взаимоотношениях США со своими стратегическими союзниками, некоторые из которых посчитали, что достаточных оснований для ее проведения нет.

Ничем подобным проекты «мягкой силы» не грозили. Подготовка национальных лидеров в других государствах по американским лекалам, внедрение в общественную жизнь государств западных ценностей и, соответственно, вытеснение национальных – все это происходило под предлогом демократизации мира, избавления его от авторитарных проявлений. Итогом же становилось формирование т.н. «пятых колонн»

и включение их в политическое противостояние, поддерживаемое западными государствами, вплоть до соучастия в незаконных политических переворотах. Цветные революции стали своеобразным олицетворением западной «мягкой силы». Понимание данного обстоятельства всё чаще побуждает национальные элиты активно противостоять подобному тренду: уж больно разрушительны его последствия. Примеров – более чем достаточно. На слуху – события в Казахстане, Белоруссии и других государствах, власти которых открыто обвинили некоторые международные организации в деструктивных, антигосударственных действиях. Но как всё благобно начиналось?! Программы культурного (образовательного) обмена, взаимные поездки, приглашение наиболее перспективных студентов, учеников школ в США... Казалось бы – что в этом плохого?! Напротив, налицо упрочение межкультурных связей. Однако, по факту, – вербовка будущих элит национальных государств, воспитание их в прозападном духе. События последнего времени показали, что далеко не всё в порядке с западной, в т.ч. американской исключительностью. Гражданское противостояние в США, доводимое временами до абсурдных проявлений, колоссальные социальные проблемы, например, с получением медицинской помощи, безработица, которая по оценке главы Федеральной резервной системы США Дж. Пауэлла в 2020 году достигла 10%, что в 2 раза выше, чем официально объявленные показатели, сопоставимы с показателями времен финансового кризиса 2008 года. Конечно, во многом подобное положение обусловлено влиянием пандемии. Однако данное обстоятельство тем не менее побуждает более критично посмотреть на состояние дел в оплоте мировой демократии. Поскольку своим позитивным примером развития Западу сегодня влиять на мировые процессы стало сложнее, потребовались иные действия, многие из которых выходят за рамки демократических приличий и технологий «мягкой силы». Рост мировой экономической и военной конкуренции, многочисленные поражения во внутренней политике и на международной арене побуждают элиты США и их стратегических партнёров объявить настоящую войну конкурентам по привлекательности на международной арене, дезавуировать их успехи. В первую очередь, это коснулось России и Китая. В качестве аргументов используются ложь, клевета, очевидная дезинформация. «Разорванная в клочья российская экономика», «антигуманная политика России и Китая», «регулярные нарушения прав человека в Крыму», основанные на тенденциозной информации украинской стороны, «непременное вторжение России на Украину»... Все эти и многие другие аналогичные сентенции начинают вызывать естественное отторжение у здравомыслящих людей. Появляется брешь, залатать которую становится всё сложнее. Сегодня «мягкая сила» США и Запада в целом все больше осуществляется под аккомпанемент силы жесткой:

вторжения на Украину нет, а решения о расширении военного освоения Восточной Европы уже приняты. Украина «накачивается» оружием, военной техникой и военными специалистами.

Любопытные процессы происходят с публичностью и транспарентностью. Вначале лидеры Франции и Германии «обиделись» на Россию за публикацию материалов переговоров в Нормандском формате. Затем Госдеп США потребовал от России не публиковать ответ западных структур на требования российской стороны по вопросам угроз национальной безопасности. Как это стыкуется с демократическими нормами? Ответ очевиден: никак! Налицо – стремление оставить лазейку для огульного очернения России как «мирового зла».

Противостоять отмеченным тенденциям сложно. Ложь, повторенная многократно, поражает сознание, формирует ложные оценки в умонастроениях граждан. С этим надо бороться. Диапазон инструментов подобной борьбы многообразен. В первую очередь это реальные показатели социально-экономического развития. Но не только. На наш взгляд, важно актуализировать и активизировать возможности «мягкой силы» современной России. В системе таких возможностей отметим и потенциал российских соотечественников за рубежом. На слуху – цифра: более 30 млн граждан, подпадающих под этот статус. Они «разбросаны» по всему миру. Российские диаспоры за рубежом формировались по самым разным причинам: экономическим, военным, религиозным. Только после Гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1922 гг.) отток вынужденных эмигрантов увеличился на 5–7 млн чел. За годы Второй мировой войны российская диаспора пополнилась на 10 млн т.н. перемещённых лиц, каковыми были советские люди, насильно вывезенные из оккупированных территорий в целях использования в качестве дешёвой рабочей силы.

Продолжился данный процесс и в послевоенный период. К 1989 году не менее трети (от 32,5% до 65,1%) русских были уроженцами прибалтийских республик. Например, в Эстонии лишь 34,9% русского населения были приезжими, 65,1% – родились в этой стране (тогда – республике в составе СССР). Местными уроженцами были 43,3% русского населения Молдовы, 42,3% – Украины, 41,6% – Латвии [8, 74]. Широко известно о притеснениях русскоязычных граждан в странах Балтии. С молчаливого согласия западного политикума местные власти развернули борьбу за вытравливание всего русского из самосознания данной категории людей. В этом начинании их активно поддержали местные националисты. Они не гнушались ничем, воевали даже с захоронениями. В.И. Винокуров, служивший в начале 1990-х гг. в посольстве России в Латвии, свидетельствует о многочисленных актах вандализма. «Технология разрушения воинских кладбищ была немудрёная: сначала

разламывают таблички, плиты, которые лежат на земле полгода – год, и если за это время никто не поднимает шума, их потихоньку убирают с глаз долой... Латвийская сторона... не делала ничего для сохранения и надлежащего ухода за местами боевой славы. Хотя это возлагалось на неё ст. 13 российско-латвийского соглашения» [13, 242].

Боролись не только с мёртвыми, но и с живыми. Широко известна история ветерана войны В.М. Кононова. Его латвийская судебная система попыталась обвинить в убийстве людей в годы войны, не принимая во внимание, что люди эти были пособниками фашистов и активно сопротивлялись силам, ведущим борьбу против этого зла на территории Латвии. В данном случае даже европейская фемида засомневалась: согласно решению ЕСПЧ, все претензии к ветерану были признаны незаконными, латвийские власти должны были выплатить 30 тыс. евро в качестве компенсации. Но даже после этого латвийская юстиция не успокоилась: Рига направила в Страсбург апелляцию на решение ЕСПЧ. До полного разрешения ситуации ветеран не дожил: скончался в возрасте 78 лет 31 марта 2011 г.

Приведенный пример показателен, помимо прочего, тем, что существенную помощь в ведении судебной тяжбы В.М. Кононову оказала Россия. Ветерану было предоставлено российское гражданство. Московское правительство выделило на правовую защиту В.М. Кононова 5 млн руб. [13, 246]. Латвийские граждане русского происхождения, весь мир убедились в том, что Россия своих в беде не бросает. Подобный подход к защите прав российских соотечественников за рубежом, на наш взгляд, должен стать нормой и для федеральных, и для региональных властей Российской Федерации. Только в таком случае можно будет вести речь об эффективной «мягкой силе» нашего государства.

Однако вернёмся к российским диаспорам. Их становление происходило различным образом: в одних странах относительно спокойно, в других – сложно, в противостоянии с властями. Однако в итоге сложилась весьма разветвлённая система диаспор, обладающая колоссальным потенциалом влияния в соответствующих государствах. Обратимся к фактам.

На сегодняшний день только в Европе проживают миллионы выходцев из нашей страны, в т.ч. в:

- Германии – ок. 4 млн чел.;
- Латвии – ок. 750 тыс. чел.;
- Эстонии – ок. 400 тыс. чел.;
- Греции – ок. 350 тыс. чел.;
- Литве – ок. 220 тыс. чел.;
- Великобритании – ок. 200 тыс. чел.;
- Франции – 70–80 тыс. чел.;

- Бельгии – 70 тыс. чел.;
- Италии – 30 тыс. чел.;
- Болгарии – 30 тыс. чел.;
- Люксембурге – 4 тыс. чел. [5, 137]

Впечатляющие показатели и по другим региональным подсистемам и государствам мира. Например, в США, по разным оценкам, число выходцев из России колеблется от 3 до 4 млн чел. И это при том, что прибывшие в рамках «старой эмиграции» на учет никоим образом не становились. В Израиле количество выходцев из России достигло 1,5 млн чел. Проживают русскоязычные и в Китае. Однако их количество составляет 15 тыс. чел. и представляют они не только Россию, но и СНГ – пространство. Сотни тысяч выходцев из России «осели» в Латинской Америке, Африке и других регионах мира.

Распределяются они по-разному. В Латинской Америке лидирующее место занимает Аргентина и Бразилия. В Аргентине, например, проживают примерно 300 тыс. чел. – выходцев из России.

Налицо огромная масса людей, в основе своей ностальгирующих по этнической родине, считающих себя российскими патриотами. Именно они вполне могут быть проводниками российских интересов и ценностей. Тем более, что потребность в такой миссии весьма велика. Важно нести миру правду о России, её внутренней и внешней политике, развенчивать ложь и клевету недобросовестных политиков и журналистов.

Анализ свидетельствует: российские диаспоры за рубежом в большинстве своём самоорганизованны, обладают определёнными возможностями: финансовыми, печатными и др. Однако этого недостаточно. Требуется действенная поддержка диаспор со стороны российских федеральных и региональных властей. Одним из первых значимых документов в данной сфере стала Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам, утверждённая Постановлением Государственной Думы РФ от 8 декабря 1995 г. В том же году был учреждён и Совет соотечественников.

В 1999 году вступил в действие Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Новый импульс поддержке соотечественников был придан в 2000-е гг.

11 октября 2001 г. состоялся Первый Всемирный Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом, выступая на котором Президент РФ В.В. Путин объявил защиту соотечественников от огульных обвинений, помощь им в отстаивании общечеловеческих прав государственной задачей. Можно утверждать, что Конгресс стал отправной точкой российской политики по поддержке соотечественников. К сегодняшнему дню сложилась стройная система такой поддержки. В неё входят Пра-

вительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, МИД России, Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом и по гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), а также фонды, научные, культурные и общественные организации. Как видим, институциональная система поддержки сформирована. Насколько эффективно она работает? Этот вопрос напрямую был поставлен на Втором Всемирном конгрессе российских соотечественников в 2006 году. В его работе участвовали 600 делегатов из 78 стран мира. Конгресс принял решение о создании Всемирного Координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом. Было решено собирать Всемирные конгрессы не реже одного раза в три года, а в промежутках между конгрессами проводить тематические конференции, региональные и страновые форумы по актуальным проблемам жизни диаспор. На конгрессе выступили 150 докладчиков. Многие из них обратились с просьбой к российскому руководству рассмотреть возможность предоставления гражданства соотечественникам на упрощённых условиях. Было принято решение увеличить средства, выделяемые на поддержку российских диаспор за рубежом. Как известно, в последующие годы данный тренд был продолжен. VII Всемирный конгресс российских соотечественников за рубежом проходил в 2021 году. В его работе участвовали около 400 руководителей и активистов организаций соотечественников из 102 государств мира. Президент РФ В.В. Путин напомнил, что конгресс проходил после внесения в Конституцию РФ положения о защите прав и интересов соотечественников, сохранения общероссийской культурной идентичности и объявил поддержку соотечественников одним из важнейших общенациональных приоритетов.

На всех всемирных конгрессах российских соотечественников в тех или иных формах постоянно обсуждался вопрос об участии регионов РФ в работе по их поддержке. Лидером в данной сфере является город Москва. На сегодняшний день российская столица – единственный регион, осуществляющий поддержку соотечественников на основе соответствующего закона, принятого 23.09.2009 г. № 37 «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы». Законом обозначены сферы поддержки: образование, культура, спорт, содействие изучению русского языка и преподаванию на русском языке, сохранение исторической памяти, правовая помощь, поддержка экономических связей и др.

Финансирование Москвой поддержки соотечественников осуществляется на основе Закона о бюджете города Москвы. В 2020 г. оно составило около 269 млн руб. [6, 146].

Масштабы системы поддержки Москвой соотечественников за рубежом впечатляют. В неё напрямую включены Департамент внешне-

экономических и международных связей города Москвы, АНО Московский центр международного сотрудничества, ГАУ Московский Дом соотечественника, Дома Москвы за рубежом. В настоящее время Дома Москвы успешно функционируют в Вильнюсе, Ереване, Минске, Риге, Сухуми.

Работа Правительства Москвы по поддержке соотечественников ведётся на регулярной основе, в соответствии с ежегодными планами мероприятий в сфере осуществления государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. Анализ планов позволяет определить, что основной акцент в настоящее время делается на:

- поддержку русского языка, культуры и образования;
- проведение культурно-массовых и иных общественных мероприятий;
- развитие и совершенствование деловых и научных связей с российскими диаспорами;
- информационную поддержку;
- поддержку социально незащищённых слоёв;
- проведение мероприятий, нацеленных на сохранение исторической памяти, исторических традиций, духовного наследия.

В настоящее время Правительство Москвы сотрудничает с 260 организациями российских соотечественников, представляющими 55 государств мира. Как отметил Министр Правительства Москвы, Руководитель Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы С.Е. Черёмин, «...приоритетами являются сохранение и продвижение русского языка и русской культуры за пределами России, правовая поддержка, медицинская помощь и ряд других... социально значимых направлений. С 1997 года реализуется программа «Стипендия Мэра Москвы», призванная оказать содействие молодым соотечественникам и русскоязычным студентам, желающим получить в своих странах образование на русском языке» [11, 7]. Каждое приоритетное направление обеспечено финансовыми и другими ресурсами, представлено системой направлений деятельности и форм их реализации.

Особая миссия по осуществлению приоритетных направлений поддержки возложена на Московский Дом соотечественника (МДС). Так, реализуя задачу по поддержке русского языка, культуры и образования за рубежом, МДС прибегает к разнообразным формам и методам работы. Среди них, например, Пушкинский конкурс. Он проводится ежегодно. Сооснователями являются Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы и «Российская газета».

В жюри конкурса входят журналисты и филологи. Они выбирают 50 лучших работ. Лауреаты приглашаются в Москву на День города,

отмечаемый в первую либо вторую субботу сентября каждого года. В Белом зале Мэрии им вручаются награды. Такая торжественная процедура надолго сохраняется в памяти победителей, имеет имиджевый смысл.

Столь же скрупулезно и ответственно подходят в МДС и к проведению других мероприятий. В последние годы активизировались деловые связи МДС с российскими диаспорами. Данный тренд назревал давно. Соотечественники во время Всемирных конгрессов неоднократно высказывали соответствующую просьбу. Сегодня можно констатировать глубокую интеграцию многих представителей российских диаспор в деловую среду нашей страны. Приобщённые к деловому сотрудничеству представители диаспор ведут активную разъяснительную и рекламную работу, смысл которой сводится к консультированию желающих организовать бизнес в России, об условиях его ведения. Примером может служить деятельность Председателя Всемирного координационного совета российских соотечественников и одновременно Председателя Русского клуба в Шанхае М.В. Дроздова. Благодаря его усилиям и усилиям его соратников и партнёров, с 2000 года в Китае реализуется проект China Window. Миссия проекта – оказывать содействие российским предпринимателям и компаниям в выходе на китайский рынок [6, 33].

В ряде государств созданы и функционируют специальные деловые советы соотечественников. Они имеют разные названия: в Японии – это Деловой совет соотечественников, в Камеруне – Русский деловой центр, в ОАЭ – Российский совет предпринимателей и др. Однако суть от этого не меняется: деловые советы занимаются оказанием помощи в установлении партнёрских связей предпринимателей, информационной и консультационной поддержкой, способствуют продвижению товаров и услуг, соответственно, на российский и местные рынки [6, 33].

В практику делового сотрудничества вошло проведение бизнес-форумов, международных конгрессов женщин-предпринимателей и других подобных мероприятий.

Вся вышеозначенная деятельность проходит под кураторством и при непосредственном участии Рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству, созданной в соответствии с решением Всемирного конгресса 2015 г. Рабочая группа функционирует при Всемирном Координационном совете российских соотечественников. В её составе – русскоязычные руководители крупных компаний. В настоящее время группа работает над «картой бизнеса соотечественников за рубежом». Правительство Москвы активно соучаствует в данной работе, инициирует проведение мероприятий в контексте данного направления деятельности.

Серьёзным экзаменом для российских и московских структур поддержки соотечественников за рубежом стала пандемия коронавируса. Анализ показал, что, несмотря на возникшие сложности, работа не была остановлена, соответствующие структуры оперативно перешли на онлайн-формат. В качестве примера приведём организованные совместными усилиями МДС, Московского городского университета Правительства Москвы и Центра развития деловых коммуникаций в ноябре – декабре 2019 г. шести образовательных онлайн-тренингов для представителей русскоязычной молодёжи Италии и Испании по таким актуальным темам, как «Переговоры без поражений», «Как обеспечить безопасное поведение и использование Интернета и цифровых сервисов» и др. Помимо онлайн-тренингов, в практику работы МДС вошли онлайн-конференции, онлайн-лекции и др. Заслуживает внимания, в частности, онлайн-конференция «Мы и мир после коронавируса», организованная МДС для молодых соотечественников и состоявшаяся в 2020 г.

Подобные мероприятия благотворно влияют на формирование чувства сопричастности соотечественников к своей исторической родине, мобилизуют их на совместное преодоление вызовов и угроз современной действительности. В процессе общения возникает понимание проблем и озабоченностей сторон, без чего невозможно выстраивание эффективной деятельности по их разрешению.

Кроме МДС поддержкой соотечественников за рубежом занимается АНО Московский центр международного сотрудничества (МЦМС). Его прерогатива:

- поддержка общественных организаций и объединений российских соотечественников;
- реализация социальных, гуманитарных и культурно-просветительских программ;
- организация информационного сотрудничества;
- поддержка русского языка, культуры и образования;
- поддержка молодёжных организаций диаспор;
- взаимодействие с приходами РПЦ за рубежом.

МДС и МЦМС работают в тесной координации друг с другом.

Как отмечалось выше, Москвой сформирована сеть культурно-деловых центров за рубежом, именуемых Домами Москвы. Очевидно, что поддержка соотечественников в соответствующих государствах – их первоочередная задача. Сотрудники Домов Москвы призваны формировать позитивный имидж российской столицы, оказывать содействие московским и в целом российским предпринимателям для выхода на местные рынки товаров и услуг. Важной задачей, приобретающей в условиях санкционного давления на Россию и ее регионы особое значе-

ние, является привлечение зарубежных инвесторов, в том числе и из представителей российских диаспор.

Дома Москвы являются центрами тяготения российских соотечественников в соответствующих государствах, подлинным инструментом «мягкой силы», консолидирующим русский мир. Они ведут огромную культурно-просветительскую работу, содействуют организации внешнеэкономических и международных связей с исторической родиной. Свою работу они осуществляют в тесном контакте с российскими посольствами и консульствами. Координация их деятельности возложена на Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы. Функционируют Дома Москвы на основе самоокупаемости, за счет доходов, получаемых от коммерческой деятельности.

Из других московских структур, профессионально занимающихся поддержкой соотечественников за рубежом, отметим Московскую торгово-промышленную палату (МТПП), ГБУК «Дом российского зарубежья им. Александра Солженицына» и др.

В Департаменте внешнеэкономических и международных связей города Москвы данную сферу курирует Управление по работе с соотечественниками, странами СНГ и Балтии.

Все московские институты, осуществляющие поддержку российских диаспор за рубежом, взаимодействуют в рамках стройной, четко организованной системы, функционирующей на договорной основе.

Примером может служить взаимодействие Правительства Москвы с МТПП. В последние годы оно актуализировано в связи с востребованностью делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом. Столичные власти активно соучаствуют в мероприятиях МТПП: бизнес-форумах, выставках, вебинарах и др. Отметим, в частности, вебинары, организованные инвестиционной компанией российских соотечественников Consucco Surgus, посвященных кипрским инвестиционным компаниям и трастовым фондам.

МДС сотрудничает с МТПП на основе договора о сотрудничестве в области работы с бизнесменами из числа российских соотечественников, проживающих за рубежом. Диапазон совместных мероприятий масштабен. Для примера приведем лишь одно, но весьма значимое. 15 декабря 2020 г. совместными усилиями МДС и МТПП было проведено рабочее онлайн-совещание: «Москва: потенциальные возможности и преференции для бизнеса. Роль соотечественников в развитии деловых коммуникаций». Мероприятие получило достаточно широкий резонанс в среде российских диаспор, поскольку главная задача совещания заключалась в оценке деловой активности, коммерческого потенциала соотечественников и их компетенции. В совещании приняли участие и выступили представители российских диаспор из Китая и Испании, поведавшие о со-

стоянии бизнеса российских соотечественников, перспективах сотрудничества с российским предпринимательским сообществом.

Сложная международная обстановка высветила комплекс проблем в информационном взаимодействии Москвы с диаспорами. Сегодня определены приоритетные направления информационного сотрудничества. Прежде всего, это:

- объективное освещение состояния дел в российских диаспорах, взаимодействия Москвы с соотечественниками;
- оказание необходимой помощи в выпуске периодических изданий диаспор;
- проведение научных и научно-практических конференций и семинаров;
- поддержка интернет-проектов;
- реализация обучающих программ и проектов, имеющих целью консолидацию диаспор и помощь русскоязычным СМИ за рубежом.

Активизируется издательская деятельность. В 2020 г. Москвой была оказана помощь русскоязычным СМИ за рубежом в 21 стране, в 2021 г. – в 13 странах [7, 74].

В июле 2021 г. МДС и АНО «Русские Репортёры» провели онлайн-лекторий «Школа реальной журналистики». В данном мероприятии приняли участие более 150 чел. из 50 стран мира [7, 77].

При поддержке Правительства Москвы функционирует «Медиаальянс русских сообществ» (MARS), тесно координирующий свою деятельность с ДВМС.

Проведённое исследование показало, что российские соотечественники получают существенную помощь от исторической родины. Сформирована система их поддержки, обеспечивается финансирование. При этом стороны решают весьма благородные задачи по сплочению русского мира, продвижению российских интересов за рубежом. В данной сфере деятельности задействованы и российские регионы. Пример Москвы показателен. Однако не все регионы проявляют достаточную активность. Опыт же российской столицы достоин того, чтобы его тщательно изучить и распространить в других субъектах РФ.

Предметом общественной дискуссии является и проблема государственного финансирования поддержки диаспор. Не вдаваясь в её детали, отметим, что летом 2019 г. по результатам работы состоявшегося в Крыму Международного Ливадийского форума Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко поставила вопрос об удвоении финансирования из бюджета России деятельности по юридической защите прав граждан России и российских соотечественников за рубежом.

Представляется, что постановка вопроса о совершенствовании поддержки российских диаспор является своевременной и крайне актуальной в современных условиях.

Литература и источники:

1. Конституция Российской Федерации (в действующей редакции). Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
3. Закон г. Москвы от 23.09.2009 г. № 37 (в действующей редакции) «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы». Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
4. Распоряжение Мэра Москвы от 01.08.2003 г. № 288-РМ «Об утверждении Концепции создания организаций «Дом Москвы» за рубежом. Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
5. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
6. Европейский Союз в системе современных международных отношений, взаимодействий с Россией и её регионами (на примере города Москвы) / Под общ. редакцией В.И. Тымчика. М.: Восход-А. 2020.
7. Каплун Ю.И., Клишин М.А. Сотрудничество Правительства Москвы с деловыми кругами соотечественников за рубежом // Вестник Университета Правительства Москвы, 2021, № 3. – С. 31–37.
8. Москва соотечественникам за рубежом / Гладков П.В., Каплун Ю.И., Колесникова А.А. и др. М., 2021.
9. Международный опыт поддержки и защиты прав соотечественников. Вып. II. М.: Стромьнка Принт, 2020.
10. Постсоветское пространство 30 лет спустя / Кошкин А.П., Бочарников И.В., Манойло А.В., Бондалетов В.В., Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н., Масликов В.А., Новиков А.В., Овсянникова О.А., Перенджиев А.Н., Севостьянов П.И., Черданцев В.В. Москва, 2021.
11. Тарасова С.В. Международные связи как фактор социально-экономического развития города Москвы: проблемы истории, теории, практики: учебное пособие / С.В. Тарасова, В.И. Тымчик. М., 2014. С. 89–98.
12. Черёмин С.Е. Инвестиции в сотрудничество за рубежом: деловой и культурный облик Москвы // Вестник Университета Правительства Москвы. 2021, № 3. С. 7.
13. Винокуров В.И. Две жизни в дипломатии: книга воспоминаний. М.: Русская панорама. 2021.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

К ИСТОРИИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ДОГОВОРОВ

Ружейников Владимир Владимирович

В начале 2022 года руководство МИД РФ настойчиво потребовало от Госдепартамента США гарантий безопасности в очень широком понимании. Идея фикс отечественной дипломатии, широко освещенная в СМИ, состояла в том, чтобы получить их письменно в виде декларации, расписки, договора или клятвы. Практика не новая в международных отношениях. Как правило, такие квазидокументы предшествуют полномасштабным соглашениям на уровне руководителей государств, которые подлежат ратификации. Затем идет мучительный процесс имплементации – выполнения взятых обязательств. Не все соглашения подписываются, чтобы их выполнять. Известно, что гарантиями договоров служат не красиво написанные строки, а глубокая взаимная заинтересованность в их соблюдении. Иначе документ не стоит бумаги, на которой изложен.

Обратимся к ранним эпизодам формирования договорной базы российско-американских отношений. Намеренно выберем весьма отдаленные события XVIII–XIX веков и документы, гриф секретности с которых давно снят. Постараемся избегать каких-либо параллелей.

Насколько подзабытый сегодня Г. Гегель в «Философии истории» заметил: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории ... В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не

помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего».

Талантливый интерпретатор философии отечественной истории В. Ключевский несколько упростил роль Клио. Дескать, история не учит, а только наказывает за незнание уроков.

Обращение актуальных творцов нынешней российской политики к примерам достойных предков позволяет извлечь хоть какие-нибудь уроки и избежать наказания в настоящем и будущем. Наказанными остаются часто не вожди, а народы.

Россия приняла активное участие в создании США, сначала косвенно и факультативно. Отношения с американскими колониями рассматривались как производные от российско-британских. Позднее американские дела принял Азиатский департамент МИД России.

Англичане и русские начали осваивать Северную Америку с разных сторон почти одновременно в XVIII веке и долгое время просто не могли найти друг друга. В России в то время был «золотой век» Екатерины II. Первым ее шагом в мировой политике стала отправка экспедиции к берегам Америки через Северный полюс в 1765 году. Авантюра не удалась. Далее последовала цепь успешных войн за Украину, Польшу, Крым и пр. При этом Екатерина все-таки находила ресурсы для изучения своих восточных и северных владений. В ее царствование в интересах распространения влияния России на северную часть Тихого океана были проведены морские экспедиции Креницына – Левашова (1764–1771 гг.) и Биллингса – Сарычева (1785–1795 гг.). В результате этих экспедиций руководство империи осознало масштабы державы. «От прусских отмелей и до хребтов Аляски моя Отчизна – русская страна» – так выразил наш современник поэт Виктор Петров начинавшееся в ту эпоху формирование русского географического сознания.

Увлеченность европейскими и азиатскими делами не мешала императрице и ее кабинету трезво оценивать всю глобальную политику. На американском континенте в 1775 году началась Американская революция – борьба за независимость от Великобритании 13-ти колоний Атлантического побережья Северной Америки. Реакция метрополии была жесткой. Король Георг III в 1776 году направил в колонии флот с десантом до 6 тысяч человек. Причем это были не английские войска, а наемники из германского княжества Гессен. Тогда же король, представитель Ганноверской династии на британском троне, попросил направить наемников и Российскую императрицу. Какие-то 20 тысяч русских солдат смогли бы сыграть решающую роль в подавлении восстания в колониях. Возможно, британцы полагали, что имеющая родовые корни в германском княжестве Ангальт-Цербст, космополитичная Екатерина

легко предоставит «брату» Георгу экспедиционный корпус. Ответ «добрый сестры» и хозяйки земли русской был предельно вежлив: «Я глубоко сожалею о невозможности оказать Вам эту услугу». В действительности российская императрица, сама только что подавившая восстание Е. Пугачева, сочувствовала именно законной монаршей власти в Америке, а не бунтующей черни. В 1781 году Конгресс США по собственной инициативе отправил в Россию делегацию для установления дипломатических отношений. Ее глава Фрэнсис Дэйн покинул Санкт-Петербург в 1783 году, так и не удостоившись высочайшей аудиенции, довольствуясь контактами с вице-канцлером И.А.Остерманом. Случилось это почти одновременно с подписанием Парижского договора между Великобританией и новым субъектом международного права Соединенными штатами.

Американцы ввели революционную войну широко. В нее оказались втянуты Франция и Испания, Американские колонии, нуждавшиеся в европейских ресурсах, были заблокированы британским флотом. Враждующие флоты перешли к тактике каперства. Георг III еще раз попросил Екатерину II навести порядок на морях. Россия эффективно положила конец морскому беспределу, прежде всего в своих интересах. Необходимо было защитить свои торговые суда, которые враждующие стороны стали грабить. В 1780 году Российский кабинет принял замечательный односторонний документ по гарантиям взаимной безопасности – Декларацию вооруженного нейтралитета, к которой присоединился ряд европейских государств. Нейтралитет всегда бывает в чью-то пользу. В той ситуации он пошел на пользу американским колониям, которые получили возможность торговать с Европой. В российской декларации, направленной «воюющими дворами – лондонскому, версальскому и мадридскому» было всего пять пунктов:

1. Нейтральные корабли могут свободно ходить из порта в порт и приставать к берегам воюющих стран;
2. Товары воюющих стран на нейтральных кораблях неприкосновенны, кроме военной контрабанды;
3. Контрабандою признаются только оружие и боеприпасы;
4. Гавань считается в блокаде, когда вход в нее перекрыт неприятельскими кораблями;
5. Законным призом можно признать только военную контрабанду.

Вооруженный нейтралитет, за соблюдением которого следили российские эскадры, действовал до признания независимости американских колоний. Таким образом, внешняя политика Екатерины II, проводимая в российских интересах, объективно способствовала победе Американской революции, изменению расклада политических сил во всем мире.

Расклад сил 1783 года оказался в пользу России, которая окончательно закрепила за собой Крым и приняла под покровительство Восточную Грузию.

Сама Екатерина II так и не взяла под покровительство русские колонии в Америке, опасаясь осложнений европейских дел. Ее сын император Павел Петрович, действуя наперекор политическим установкам матери, закрепил за Россией Аляску в 1799 году, узаконив Российско-американскую компанию (РАК).

Непосредственные дипломатические отношения Россия и США установили в 1807–1809 годах во времена американского президента Томаса Джефферсона и российского императора Александра Павловича. Общий интерес далеких государств оказался в Средиземном море и на его берегах.

Александр I так и не заключил какого-либо масштабного письменного договора с американцами. Следуя парадигме внешней политики, доставшейся еще от первого президента, Соединенные Штаты воздерживались от создания союзов с европейскими странами. К тому же Россия была союзницей Англии в борьбе с наполеоновской Францией. Сами американцы вели вторую войну за независимость от той же Англии (1812–1814 гг.).

Только в 1824 году в конце своего царствования Александр I решился на подписание Русско-американской конвенции о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле. Для Соединенных Штатов это было политической победой в рамках доктрины президента Джеймса Монро. В 1825 году Россия подписала конвенцию с Великобританией о разграничении владений в Северной Америке. Обе конвенции партнеры России вяло имплементировали только под давлением российских военных кораблей и судов РАК, ссылаясь на необузданность частного предпринимательства.

По мере сближения интересов России и США росла их политическая активность, направленная на создание гарантий безопасности двух держав.

В начале 1863 года еще очень далекие в политическом и географическом отношении США и Россия оказались на грани существования. Страны не были озабочены делами друг друга и не имели лишних военных ресурсов для организации каких-либо совместных действий. И все же объективный ход истории подтолкнул оба государства к союзническим отношениям, которые поддерживались почти сто следующих лет.

В Америке шла ожесточенная Гражданская война, грозившая расколоть страну надвое. В реформируемой России, не завершившей Кавказскую войну, началось восстание в Царстве Польском – автономии созданной в составе империи после 1815 года. Вооруженное движение

за независимость охватило польские территории, ныне принадлежащие Литве и Белоруссии. В прусских и австрийских частях разделенной когда-то Польши обстановка оставалась относительно спокойной.

После Крымской войны Французский император Наполеон III все еще считал себя вершителем судеб Европы и попытался оказать давление на императора России Александра II в польском, внутреннем для империи, вопросе. Он готов был по опыту Наполеона I создать зависимое, но уже от Франции, польское государство. В антирусскую коалицию французы пригласили Великобританию, Австрию и Пруссию. Последняя деликатно отказалась, озабоченная собиранием вокруг себя германских земель. Часть этих земель принадлежала когда-то Речи Посполитой. Да и Австрия не стремилась отдавать свои земли вокруг Львова. Великобритания и Франция считали целесообразным поддерживать любое выступление, направленное на раскол России. Надвигалась война, хуже Крымской.

Эти же две европейские державы с одобрением смотрели и на борьбу Конфедерации Южных Штатов за выход из Союза. Общие противники сделали возможным политическое объединение США и России, похожих только своей территориальной необъятностью и борьбой с внутренним рабством.

К давлению на Россию пытались привлечь и Соединенные штаты. Вашингтонский кабинет отклонил предложение Наполеона III и конфиденциально известил о недружественных шагах российского посланника в Вашингтоне. Дальновидный американский госсекретарь У. Сьюард рассчитал баланс интересов следующим образом: «Эта просьба, на которую бы мы в любом случае не согласились, тем более она не может подлежать обсуждению сейчас, когда собственные дела дают нам достаточно затруднений. В тот момент, когда отвергнута, как мы знаем, идея вмешательства в наши внутренние разногласия, по какому праву мы могли бы вмешиваться в дела других государств». Эти устные гарантии безопасности встретили живое одобрение Российского императора.

Россия в свою очередь смирилась бы с возникновением государства Южан только вынужденно и только по окончании войны. Еще весной 1862 года глава российского МИДа А. Горчаков инструктировал посланника в Вашингтоне: «Существенно важно не давать даже повода предполагать, что императорский кабинет имеет благоприятное или неблагоприятное мнение в отношении той или другой из сторон. Такая осторожность диктуется нам позицией, которую мы заняли и которую хотим сохранить. Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть Федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдаем с прискорбием. Мы проповедуем умеренность и примирение, но мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, ко-

торое находится в Вашингтоне». Взаимопонимание на основе общих интересов сложилось, хотя и не было закреплено договором.

Для противодействия угрозе новой войны и вмешательства Англии и Франции во внутренние дела России был принят беспрецедентный и крайне смелый план – вывести силы флота на коммуникации противника еще до начала боевых действий. Российский МИД, традиционно сдержанно относился к демаршам военного и морского ведомств. Но тут пришлось признать российскому канцлеру, что политическое значение задуманной экспедиции оценивалось в том смысле, что из положения угрожаемой Россия сразу становилась угрожающей.

Управляющий морским министерством адмирал Н. Краббе хорошо представлял, что Балтийских флот оставался слабее соединенных англо-французских морских сил. Русская флотилия на Тихом океане тоже была недостаточна даже для защиты Сибирских портов. На Черном море русского флота по итогам последней войны не содержалось вовсе. Поэтому и был разработан план одновременной посылки двух эскадр в порты благожелательных к России северян. В июле 1863 года были даны инструкции морского ведомства, предписывающие командующим эскадр «по получению известия об открытии военных действий направить свои суда на уязвимые места неприятельских владений, а также для нанесения противникам вреда на торговых путях сообщения».

Первая эскадра из шести вымпелов под командованием контр-адмирала С. Лесовского направлялась через Атлантику в Нью-Йорк. Чтобы избежать встречи с неприятелем корабли огибали Британские острова с севера. Такая же по мощи вторая эскадра была собрана в своих и нейтральных портах Тихого океана. Командовавший эскадрой контр-адмирал А. Попов имел задачу поставить свои корабли «в условия, наиболее благоприятные для открытия военных действий с максимальной энергией и продуктивностью против Англии и Франции». Наиболее благоприятные условия оказались в Сан-Франциско, имевшем телеграф, ремонтную и продовольственную базы. Базы снабжения русских крейсеров были разнесены по Атлантике: в Бразилии, Аргентине и Африке. Эскадры покинули Америку в 1864 году, когда польское восстание было подавлено, а чаша военного успеха склонилась на сторону северян.

России удалось избежать войны и вмешательства в свои внутренние дела. Вашингтонскому кабинету – сохранить целостность страны, завершить Гражданскую войну. Госсекретарь У. Сьюард заметил: «Хотя русский флот пришел по его собственным причинам, преимущество от его присутствия было в том, чтобы убедить Англию и Францию, что он явился, чтобы защитить Соединенные Штаты». Его русский коллега А. Горчаков оценил операцию русских морских сил в Северной Атлантике в политическом смысле удачной, а в исполнении отличной.

Российско-американское военно-морское и общеполитическое сближение было продолжено после Гражданской войны. Уже в 1866 году американцы нанесли ответный визит в Кронштадт. Миссию возглавлял, помощник морского министра Густав Фокс. Флагманом выбрали монитор «Миантономо» с орудиями столь большого калибра (381 мм), что из них запрещалось стрелять, кроме как во время боевых действий. Разумеется, этот монстр прибыл в сопровождении более привычных кораблей. В 1867 году Кронштадт нанесла визит дружбы и разведки американская эскадра из четырех вымпелов. Соединенные штаты присматривались к портам постоянного базирования в Европе.

Несколько нарушая хронологию событий, отметим еще некоторые военно-политические визиты через океан, имевшие существенное значение для обеспечения безопасности России.

В 1871 году русские отправили в Нью-Йорк фрегат «Светлану». Военная составляющая экспедиции отошла на второй план перед дипломатической. Мачтой на фрегате Императорского флота командовал великий князь Алексей Александрович, сын и личный представитель императора Александр II. Ему предстояло донести до американского правительства суть внутреннего (!) документа российского МИДа 1870 года «Циркулярной депеши к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 года»: Россия вернула себе военный флот на Черном море. Лондонская конвенция 1871 года закрепила сложившееся положение. В то же время Пруссия вывела из большой политики Францию и лично Наполеона III.

В очередной экспедиции 1877 года в Норфолк великий князь Алексей Александрович, изрядно преуспевший в английском, в морских и дипломатических делах, сам командовал фрегатом «Светлана». Будущий генерал-адмирал успешно устанавливал контакты с демократически избранными американскими президентами.

При очередном осложнении азиатско-европейских дел Россия стремилась не допустить вмешательства в них Британской империи. Предвидя острую борьбу за Черноморские проливы, управляющий морским министерством адмирал С. Лесовский в 1876 г. стал готовиться к крейсерской войне на британских коммуникациях с уже привычной опорой на американские атлантические и тихоокеанские порты. Было решено закупить в США торговые суда и переоборудовать их в крейсера, команды прислать из Кронштадта на зафрахтованном пароходе. Вооружать суда артиллерией и поднимать Андреевские флаги предстояло в море в условиях экстерриториальности. Русские на вполне законных приобрели несколько строящихся судов, которые и вошли в состав флота. Заказ был выполнен вне межгосударственных соглашений частной верфью в Филадельфии. Строительство бое-

вых кораблей в Соединенных штатах стало привычным делом для Императорского флота.

Российско-американское военно-политическое сотрудничество постепенно иссякло к началу Первой мировой войны. В философии истории уроки XIX века, как периода наибольшего сближения двух мировых держав, до сих пор подлежат осмыслению.

Самым масштабным соглашением между США и Россией до сих пор остается Вашингтонский договор о продаже (уступке) Аляски. Российские поселения на американском континенте принято называть Русская Америка или упрощенно Аляска по названию полуострова и штата. Сумму в 7 млн 200 тыс. долларов, на которую русские рассчитывали, предложили сами американцы. Это составляло около 11 млн рублей серебром. Нет оснований считать, что американцы не заплатили. На высоком межгосударственном уровне правоприменение было адекватным. Чем ниже, тем с американской стороны произвольнее.

Необходимо остановиться на самом термине «продажа». Он вполне корректен и отражает суть процесса. Однако в международном праве государственные территории не являются товаром. Изменение государственно-территориального устройства возможно, как правило, в результате браков, цессии, оккупации и, конечно же, добровольного вхождения. Во всяком случае, в Старом свете. Покупка территорий – изобретение американское. Поэтому акт продажи был назван в русском варианте «уступкой», что и отражено в документе. В американской же истории закреплено совершенно адекватное понятие «договор о покупке» – Purchase treaty, уже второй после Луизианского.

Решение об уступке зародилось в кругу высших лиц Российской империи сразу после Крымской войны и смены верховной власти. Зондаж мнения потенциального покупателя начался уже в 1860 году. Идея русских очень хорошо вписывалась в доктрину Монро и могла бы быть воспринята благопринятно американским истеблишментом. Штаты прирастали новыми землями, вытесняя не только европейские державы, но и своих ближайших соседей. Присоединены были свободные от Мексики Техас и Калифорния.

Суть интриги российского МИДа заключалась в том, чтобы американцы сами попросили бы продать им российские владения. Те не торопились, так как ждали первого вторника после первого понедельника ноября 1860 года – президентских выборов. Президентом был избран республиканец А. Линкольн. А в апреле 1861 года началась война между Севером и Югом. Потенциальный покупатель встал перед проблемой не расширения, а сохранения территорий. Янки удержали страну от распада и убедились, что предложения русских об уступке Аляски сохраняются в силе.

Исторический договор был подписан 18(30) марта 1867 года в Вашингтоне. С российской стороны подпись поставил посланник Э. Стекло, с американской – госсекретарь У. Сьюард. С небольшим демократическим скрипом Аляскинский договор был ратифицирован американским Сенатом. В России ратификация прошла безболезненно. Царь «ратификовал» его лично 3 мая 1867 года. Обмен ратификационными грамотами состоялся летом 1867 года.

Напомним несколько фрагментов межгосударственного, изложенного на французском, документа, который достаточно хорошо знаком и специалистам, и любителям истории.

«С территорией, уступленной ... верховной власти Соединенных Штатов, связано право собственности на все публичные земли и площади, земли, никем не занятые, все публичные здания, укрепления, казармы и другие здания, не составляющие частной собственности. Однако постановляется, что храмы, воздвигнутые Российским правительством на уступленной территории, остаются собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой церкви.

Жители уступленной территории могут по своему желанию возвратиться в Россию в трехгодичный срок, сохраняя свою национальность, но если они предпочитают оставаться в уступленной стране, то они, за исключением, однако ж, диких туземных племен, должны быть допущены к пользованию всеми правами, преимуществами и льготами, предоставленным гражданам Соединенных Штатов, и им должны быть оказываемы помощь и покровительство в полном пользовании свободой, правом собственности и исповедании своей веры. Дикие же племена будут подчинены законам и правилам, которые от времени до времени могут быть постановляемы Соединенными Штатами в отношении к туземным племенам этой территории».

К договору прилагалась карта Российских поселений в Северо-Западной Америке. В октябре 1867 года государственные границы в регионе не вызывали особенного спора, так зоны российских и британских владений устоялись. Эти достаточно прочные виртуальные, даже не демаркированные линии были просты и понятны. В материковой зоне граница проходила по естественному хребту, остальная часть вытягивалась в струнку по меридиану. На внутренние территории Аляски и на Алеутские острова никто из третьих стран не покушался. Фактически Россия уступала территорию, свободную от притязаний других государств и торговую компанию, свободную от международных финансовых обязательств.

Географические представления той поры не позволяли в некоторых случаях четко обозначить разграничение владений России и Со-

единенных штатов. Как оказалось, самая важная на сегодняшний день линия направлялась прямо «безгранично к северу, доколе просто она совсем теряется в Ледовитом океане». Одна линия шла *почти* в юго-западном направлении через Берингов пролив и Берингово море. Эти нестрогие и вполне уместные на 1867 год линии были уточнены более ста лет спустя. Уже по совсем другой цене.

Для передачи Аляски под новую юрисдикцию был составлен отдельный протокол, который имел подпункты согласно характеру передаваемого имущества:

А – укрепления, общественные здания, дом Главного правителя, казармы, склады, верфи, госпиталь и школа передавались Соединенным Штатам;

В – церкви и дома церковных служителей оставались в собственности прихожан;

С – частная собственность, включая дома и земли, которая оставалась за их владельцами с правом наследования;

Д – в этом пункте упоминались домовладельцы, не имеющие земли.

Официальная церемония передачи колоний состоялась в столице русских владений Ново-Архангельске на острове Ситка 6 (18) октября. В американском политическом календаре эта дата отмечается как День Аляски. Американскую делегацию возглавлял генерал Л. Руссо, русскую уполномоченный комиссар капитан 1-го ранга А. Пещуров. Главным административным лицом в Русской Америке на тот момент был капитан 1-го ранга Д. Максудов.

Американскую власть на новых территориях представлял генерал Дж. Дэвис, командующий ротой солдат. Он имел инструкцию, где предусматривался довольно мягкий режим для русского населения, покидающего Аляску. Но такое правоприменение не устраивало генерала, признававшего только свою власть. Он принялся с первых дней выселять русских из домов на корабли, закреплять приоритеты американского бизнеса в самой грубой форме. Может быть, на самый дальний северный американский форпост отбирали не самых лучших солдат. Комиссар А. Пещуров имел основание назвать их сбродом. До 30 солдат были постоянно арестованы за воровство и драки. Это составляло более десятой части всей американской армии на Аляске.

Исполнение Договора и Протокола началось по-американски неумно и вне правового поля. Соблюдался только один «совет молодому купцу» Бенджамина Франклина – «время – деньги». Американцы стремились вытеснить русских с территории до официальной передачи колоний, пользуясь положением Договора о его вступлении в силу сразу же после ратификаций. Это немедленно породило неравенство партнерских отношений. Судам под русским флагом не позволялось плавать без

особого разрешения в водах, ставших американскими территориальными. Имущество РАК, которое можно было справедливо продать, обесценивалось разными уловками.

Россия формально обеспечивала защиту интересов своего населения бывших колоний в течение трех лет. Не считая креолов, русских на Аляске было не более 500 душ. К декабрю 1868 года подавляющее большинство русского населения и рота охраны были вывезены из колоний.

Американцы после получения Аляски начали закрепляться на своих и приобретенных берегах, уже поглядывая на берега исконно российские. Как отмечал К. Скальковский, автор труда «Русская торговля в Тихом океане», изданного в 1883 году, «американцы до такой степени чувствовали себя хозяевами на Чукотке, что даже на своих картах и учебных атласах раскрашивали Чукотскую землю как независимое от России владение».

С геостратегической точки зрения Аляскинский договор следует отнести к успехам России. Он позволил империи избежать бесперспективных столкновений, оптимизироваться в других границах и продолжить свое развитие. Нельзя не учитывать, что после ухода из Америки Россия продолжала расширяться до самой Первой мировой войны.

Само же название Аляска, исторически территория совместного освоения, стало весьма метафоричным в дипломатической практике. Подводя итоги переговоров по стратегическим вооружениям между СССР и США в Рейкьявике 1986 года, завершившихся явно в пользу США, американский политический деятель Эд Марки сказал, что «русские сделали лучшее предложение со времени продажи Аляски». Как мы сегодня знаем, сделали опрометчиво. Встреча завершилась без подписания итоговых документов. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности был подписан в 1987 году и закономерно иссяк к 2019 году. События очень близкого прошлого подтвердили, что американцы соблюдают только односторонне выгодные соглашения.

В Рейкьявике же в 2021 году состоялась первая встреча нынешних руководителей внешнеполитических ведомств России и США, как тогда казалось дававшая надежду на улучшение российско-американских отношений. Начался новый политический цикл сотрудничества и противостояния. Учим историю.

Литература и источники:

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веков. М., 2004.
2. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.

3. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43–60.
4. Гегель Г. Философия истории. М., 2018.
5. Гринев А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественно и мировой истории). М., 2016.
6. Исторические портреты патриотов России / Абрамов А.В., Бочарников И.В., Дзамихов К.Ф., Емец В.С., Овсянникова О.А., Ружейников В.В. Москва, 2016. Том 1.
7. Климент (Капалин), митрополит Православная церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009.
8. Коршунов Ю.Л. Когда океан соединяет. Из истории дружественных отношений флотов России и США. СПб., 1996.
9. Мэхэн. А.Т. Адмирал Фаррагут. СПб., 1998, (Морской сборник, СПб., 1899).
10. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования / Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
11. Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественно и зарубежных рынках (1799–18670) .М., 2006.
12. Рокот В. Князь Русской Америки Д.П. Максудов – М., 2007.
13. Россия и США: становление отношений. 1765–1815. / Сост.: Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж.Х. Браун и др. М., 1980.
14. Русское открытие Америки. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. М., 2002.

К СТОЛЕТИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917–1922 ГГ.)

Криворучко Александр Анатольевич

Приближающийся юбилей окончания одного из самых трагических событий в истории нашего Отечества – Гражданской войны, разразившейся фактически с 1917 года, заставляет задуматься о том, какие важнейшие выводы из тех грозных дней наше общество за отведенное ему на это столетие сумело сделать, а какие их уроки так, увы, и остались неувоенными. Как известно, неверное понимание собственного прошлого вполне может привести к его повторению, а вот уж подобного каждому из нас хотелось бы менее всего.

Прежде всего необходимо признать, что к более-менее объективному и взвешенному осмыслению событий и людей того крайне неоднозначного периода мы стали приближаться буквально в самое последнее время. Так уж сложилось, что очень долгое время трактовались они предельно однобоко и тенденциозно. Во времена Советского Союза по понятным причинам героями и «правой стороной» Гражданской считались исключительно представители лагеря красных. Их оппоненты выставлялись воплощением зла и всевозможных пороков. Иногда в преувеличенно демонизированном виде, порой – в откровенно карикатурном. Что поделать, историю всегда пишут победители.

Позднее, после 1991 года, отчетливый «перекос» вполне закономерно пошел в противоположную сторону. В рванувшей по пути «декоммунизации» стране уже «комиссары в пыльных шлемах» начали выставляться чуть ли не исчадиями ада, а представители белого движения изображаться исключительно благородными и возвышенными радетьями России и мучениками за нее. К счастью, сейчас верх начало брать желание наиболее думающей части наших соотечественников познать и постичь великую смуту XX века во всем ее многообразии и сложности.

Вот в этом, пожалуй, и заключается первый и один из главнейших уроков: в таком запутанном вопросе, как вооруженный конфликт людей одной крови, одной веры, одной земли никогда нельзя «мазать» ту или другую сторону (в нашей Гражданской их, кстати, было вовсе не две, а намного больше) какой-либо одной краской, предавая огульно анафеме одних и чуть ли не обожествляя других. В том-то и заключалась главная трагедия русской братоубийственной брани, что в ней сошлись люди,

абсолютное большинство которых искренне желали высшего блага своей земле и своему народу. Вот только видели они это самое благо совершенно по-разному. И были готовы ради своих убеждений не только умирать, но и, увы, убивать.

Еще один важнейший урок, который, хочется верить, усвоен накрепко: любая гражданская война выгодна прежде всего внешним врагам государства, коих Россия имела во множестве сто лет назад. Сегодня, впрочем, их количество ничуть не уменьшилось. От русской смуты в начале XX века однозначно выиграли прежде всего британцы с американцами и их тогдашние союзники. И дело тут не только в полках интервентов, топтавших тогда нашу землю, а в крушении великой империи, возродить которую пришлось в крови и муках. Вот об этом мы должны помнить всегда: устраивая «разборки» в собственном доме, мы поджигаем его на радость тем, кто спал и видел, чтоб наша Родина оказалось в огне, да никак не мог устроить это собственными силами. Расплатой за войну гражданскую всегда и неизбежно служит геополитическое поражение той страны, которая ее допустила в собственных пределах.

И главный, пожалуй, вывод и урок: в гражданской войне, с какими бы благородными и справедливыми целями она ни велась, победителей не бывает. Представьте себе, это именно так. Остаются только побежденные – со страшными шрамами на теле и на душе, которым достается в наследство разоренная дотла страна, земля, пропитанная кровью соотечественников и ненависть, пускающая свои ядовитые корни на много поколений. Заводы и дороги можно отстроить, поля – засеять вновь. Но что делать с семьями, где сын вынужден был противостоять отцу, а брат – идти с оружием на брата? В нашей стране ужасные последствия всего этого начали сглаживаться, пожалуй, только в годы Великой Отечественной войны, объединившей в общей ненависти к иноземным захватчикам и вчерашних белых, и красных, и партийных, и беспартийных.

Именно этот урок и следует наконец усвоить всем тем, кто сегодня нет-нет, да и пытается звать Россию к революции и, по сути дела, гражданскому конфликту как средству решения тех или иных проблем. Россия пережила множество бедствий, веками валившихся на ее могучие плечи, и способна выстоять в годину самых тяжелых испытаний. Однако смута, раскол, братоубийство не должны повториться на нашей земле никогда.

Причины, своеобразие и основные этапы Гражданской войны

Победа большевиков в октябре 1917 г. не только не привела к разрешению общенационального кризиса, но и вызвала усиление гражданского противостояния классов и общественных групп, привела к Гражданской войне. Причинами Гражданской войны стали свержение Временного пра-

вительства, роспуск Учредительного собрания, утверждение большевистской диктатуры, внутренняя политика большевиков. Особенностью Гражданской войны в России стало ее переплетение с военной интервенцией. Вооруженное вмешательство во внутренние дела Советской России было вызвано отказом Советского правительства платить по долгам царского и Временного правительств, национализацией иностранной собственности на территории России, боязнью распространения революционных идей. Кроме того, еще в декабре 1917 г. Англия и Франция подписали конвенцию о разделе России на «зоны влияния»: Англия получила право контроля над Кавказом. Франция – над Бессарабией, Украиной и Крымом.

Антибольшевистские выступления начались сразу после победы вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г. Летом 1918 г. вооруженная борьба приобрела общенациональный масштаб, война стала основным содержанием жизни общества.

Условно участников Гражданской войны делят на красных и белых. Красные – большевики и их сторонники отстаивали завоевания Октябрьской революции, стремились сохранить власть. Белые – их противники – преследовали различные цели: от единой, неделимой монархической России до России советской, но без коммунистов. Следует иметь в виду, что особую позицию в этой войне занимали крестьяне. Их интересы не совпадали с интересами дворян, которые стремились отменить действие декрета о земле. Вместе с тем повсеместно крестьяне выражали недовольство продразверсткой.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917–1922 гг.)

Первый этап войны

После захвата власти большевиками в конце октября – начале ноября 1917 года и подавления выступлений в Петрограде и Москве Советская власть к весне 1918 года была установлена практически на всей территории бывшей империи, за исключением районов, оккупированных немецкими войсками.

В советские годы этот процесс получил название «Триумфальное шествие Советской власти». Однако не все регионы признали власть Советов. Первые вооруженные выступления против новой власти произошли на казачьих территориях Дона, Кубани и Южного Урала. Так, силы атамана Войска Донского генерала А.М. Каледина в декабре 1917 года захватили Ростов-на-Дону, Таганрог, значительную часть Донбасса.

В Оренбургской губернии против большевиков выступили казаки под командованием А.И. Дутова.

В это же время на Дон прибывают освобожденные из Быховской тюрьмы будущие лидеры «белого» движения Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин, которые вместе с генералом М.В. Алексеевым приступают к формированию Добровольческой армии.

Однако уставшая от длительной войны основная часть казачества не поддержала восставших. На подавление мятежного Дона Советским правительством были посланы более многочисленные войска под командованием В.А. Антонова-Овсеенко.

В итоге отряды Войска Донского были разбиты, а атаман Каледин застрелился. Добровольческая армия была вынуждена отступить на Кубань.

Во время 1-го Кубанского «Ледяного» похода при штурме Екатеринодара (ныне Краснодар) 13 апреля был смертельно ранен Л.Г. Корнилов. Командование белогвардейцами принял на себя А.И. Деникин.

Войска атамана А.И. Дутова также были разгромлены и вынуждены отступить в Тургайскую область.

8 февраля 1918 года красногвардейцами был взят Киев. Советская власть установилась на не оккупированной немецкими войсками части Украины.

Таким образом, отряды Красной Армии, поддержанные широкими слоями населения, более многочисленные и хорошо вооруженные, сумели подавить первые выступления против Советской власти.

5 января 1918 года в Петрограде открылось заседание Всероссийского учредительного собрания, на котором большевики оказались в меньшинстве. Подавляющее преимущество по мандатам имели эсеры, которые с примкнувшими к ним беспартийными депутатами отказались признать легитимность захвата власти большевиками. Было предложено сформировать новое демократическое правительство вместо Совнаркома.

В ответ на это большевики и левые эсеры покинули зал заседаний. На следующий день после расстрела митингов в его поддержку Учредительное собрание было разогнано. Фраза матроса Железняка «Караул устал», которой было разогнано заседание, впоследствии стала крылатой.

После этого большевики объявили все другие партии контрреволюционными. Эти действия оттолкнули от большевиков интеллигенцию, буржуазию и часть крестьянства, которая симпатизировала эсерам.

Один из главных лозунгов большевиков – «мир без аннексий и контрибуций» – был очень популярен в народе, но он не нашел отклика ни у одной из воюющих сторон. Поэтому, не имея сил для сдерживания наступления немцев и стремясь во что бы то ни стало удержать власть. 3 марта 1918 года большевики подписали сепаратный Брестский мирный договор с Германией. Условия договора были унижительными: Россия признавала независимость Украины, Беларуси, Финляндии и При-

балтики, выплачивала огромную контрибуцию в размере 6 млрд марок, должна была демобилизовать армию и флот.

Немецкие войска на занятых территориях способствовали созданию национальных правительств. В конце марта 1918 года началось новое восстание на Дону, которое возглавил генерал Краснов, избранный атаманом Всевеликого Войска Донского. Заключив союз с немцами, отряды Краснова к середине мая прогнали большевиков с территории Дона.

В июне восьмитысячная Добровольческая армия под командованием генерала Деникина начала Второй Кубанский поход и к концу лета 1918 года, после ряда побед над превосходящими силами противника, очистила территорию Кубани от большевиков.

Потеря Украины и юга России – самых богатых хлебом регионов – привела к тому, что в центральных губерниях, подконтрольных большевикам, начались перебои с поставкой продовольствия.

Советская власть отреагировала на это созданием продовольственных отрядов (продотрядов), составленных из рабочих крупных городов и направленных в деревню для изъятия «излишков» хлеба у крестьян.

На селе были организованы комитеты бедноты (комбеды), состоявшие из беднейших слоев крестьянства, которые также способствовали поиску и конфискации хлеба у «кулаков» и середняков. С помощью таких мер Советское правительство отчасти решило продовольственную проблему, но оттолкнула от себя зажиточную часть крестьянства.

Основная угроза существованию Советской власти на этом этапе исходила от чехословацкого корпуса. Корпус состоял из военнопленных австро-венгерской армии, изъявивших желание участвовать в войне против Германии на стороне Антанты. Еще в марте 1918 г. Советское правительство дало согласие на переброску этих войск через Дальний Восток во Францию. Корпус растянулся по железной дороге от Пензы до Владивостока. Поводом к мятежу послужила попытка Советского правительства разоружить корпус. Вооруженное выступление чехословацкого корпуса стало сигналом к объединению антибольшевистских сил. На огромной территории страны – в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке Советская власть была свергнута. В Самаре, Уфе, Омске и других городах к власти пришли правительства эсеров, кадет, меньшевиков. Деятельность их была направлена на то, чтобы дать демократическую альтернативу большевистской диктатуре и буржуазно-монархической контрреволюции. Программы их предусматривали возрождение Учредительного собрания, восстановление политических прав и свобод всех граждан, денационализацию промышленности, отмену продовольственной диктатуры.

В июне в Самаре эсерами был создан Комитет учредительного собрания (Комуч), а в Омске – Временное сибирское правительство, которые в сентябре объединились во Временное всероссийское правительство (Уфимскую директорию).

Созданная Народная армия Комуча под руководством подполковника В.О. Каппеля летом 1918 года заняла многие города Поволжья, в том числе 7 августа взяла Казань.

Успехи противников Советской власти вынудили большевиков перейти от добровольческого принципа формирования армии к введению всеобщей воинской повинности.

Также в командный состав Красной Армии были привлечены офицеры бывшей царской армии, введен институт комиссаров, создан реввоенсовет под руководством Л.Д. Троцкого.

Все эти меры значительно повысили боеготовность Красной Армии, и к концу осени 1918 года войска Народной армии Комуча были вытеснены на Урал. Советская власть в Поволжье была восстановлена.

В ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге в Ипатьевском доме большевики, опасаясь подхода армии адмирала Колчака, расстреляли бывшего императора Российской империи Николая II с семьей.

Примерно в эти же дни были расстреляны многие другие члены императорской фамилии. Начался так называемый красный террор, при котором уничтожались любые противники новой власти, зачастую лишь по принципу социального происхождения. Особый размах террор приобрел после убийства 30 августа 1918 года председателя Петроградского ЧК Урицкого и покушения на Ленина, совершенного анархисткой Фанни Каплан.

Второй этап войны

В ноябре 1918 года Первая мировая война завершилась поражением Германии и ее союзников. Территории, оставленные немцами, начали занимать части Красной Армии. Для этих целей в начале 1919 года было сформировано два фронта: Западный во главе с Д. Н. Надежным и Украинский во главе с В.А. Антоновым-Овсеенко. К началу весны Красной Армией была занята большая часть Прибалтики, Белоруссии и Украины.

Восточный фронт:

18 ноября 1918 года в Омске в результате переворота Временное Всероссийское правительство во главе с эсерами было низложено. Адмирал А.В. Колчак, занимавший в правительстве пост военного министра, получил диктаторские полномочия и объявил себя Верховным правителем России, с чем согласились остальные лидеры «белого» движения.

К концу декабря 1918 года войска под командованием А.В. Колчака захватили Пермь, но были разбиты под Уфой и временно приостановили наступление.

В начале марта наступление было возобновлено, и 14 марта Уфа была взята, но недалеко от Самары и Казани войска Колчака остановили превосходящие силы Красной Армии.

В это время В.И. Лениным был провозглашен лозунг «Все на борьбу с Колчаком!» Назначенный большевиками командующим Восточным фронтом М.В. Фрунзе имел под своим началом вдвое больше войск, чем значилось у «белых».

В итоге последовавшего контрнаступления «красные» к августу захватили Екатеринбург и Челябинск, а основные части колчаковцев были разбиты и начали отступление в Сибирь.

После падения Омска остатки армии А.В. Колчака совершили знаменитый Великий Сибирский Ледяной поход, во время которого они преодолели свыше 2 тысяч километров, стремясь избежать окружения.

Прибыв в Иркутск, адмирал А.В. Колчак был взят под арест чехословацкими соединениями и передан в руки Политцентра эсеров и меньшевиков. В ночь с 6 на 7 февраля 1920 года адмирала А.В. Колчака расстреляли без суда по приговору иркутского ревкома. Тело адмирала было сброшено в прорубь.

Южный фронт:

В начале 1919 года Донская армия генерала Краснова потерпела поражение при штурме Царицына (ныне Волгограда) и стала отступать. Вторгнувшиеся на Дон войска Красной Армии начали массовые репрессии против казачества, так называемое расказачивание. Это привело к массовому восстанию казаков против Советской власти.

В январе 1919 года Добровольческая армия А.И. Деникина завладела Северным Кавказом, разгромив 11-ю Красную армию. После этого все отряды белогвардейцев на Дону, Кубани и Северном Кавказе были объединены в Вооруженные Силы Юга России (ВСЮР) во главе с А.И. Деникиным.

На фоне вспыхнувших в тылу большевиков крестьянских и казацких восстаний Вооруженные Силы Юга России начали широкомасштабное наступление. К концу июня были взяты Царицын, Харьков, Екатеринослав (ныне Днепр) и Крым.

Советское правительство, осознав всю опасность положения на юге, под лозунгом «Все на борьбу с Деникиным!» бросила почти все силы против деникинских войск. Назначенное на 15 августа контрнаступление «красных» было сорвано рейдом Мамонтова – с 10 августа по 19 сентября казаки под командованием генерала К.К. Мамонтова грабили тылы и нарушали коммуникации «красного» Южного фронта.

В это время войска белогвардейцев продолжили наступление и к середине октября заняли Киев, Одессу, Воронеж, Курск, Орел и другие города.

Советское правительство начало подготовку к эвакуации из Москвы. Но нехватка резервов, а также партизанские действия Н.И. Махно в тылу у «белых» остановили наступление.

В ходе начавшегося в конце октября контрнаступления Южного фронта Красной Армии под командованием А.И. Егорова основные войска белогвардейцев были разбиты.

4 февраля М.Н. Тухачевский, сменивший на посту главкома фронта А.И. Егорова, довершил разгром «белых» на Кубани и Кавказе.

Остатки отрядов ВСЮР эвакуировались в Крым. 4 апреля 1920 года А.И. Деникин передал командование генерал-лейтенанту П.Н. Врангелю и на английском линкоре «Император Индии» покинул Россию.

Северо-Западный фронт:

Войска «белых» весной и осенью 1919 года предприняли две попытки наступления на Петроград под командованием генерала Н.Н. Юденича с территории Эстонии. Из-за малочисленности войск наступление провалилось. Советское правительство осенью 1919 года признало независимость прибалтийских стран, после чего отряды Н.Н. Юденича, находившиеся на территории Эстонии, были разоружены и выданы большевикам.

Третий этап войны

Пользуясь тем, что главные силы Красной Армии были направлены на восток и юг, еще в апреле 1919 года польские войска захватили Вильнюс, а в августе 1919 года – Минск.

Хорошо подготовившись и вооружившись, в апреле 1920 года поляки вторглись на Украину и 7 мая захватили Киев. Для войны с Польшей Советским правительством были созданы два фронта: Западный, который под командованием М.Н. Тухачевского должен был наступать на Варшаву, и Юго-Западный, который под командованием А.И. Егорова должен был атаковать Львов.

В ходе контрнаступления к концу мая Красная Армия вышла к границам Польши. Но самонадеянность командования и растянутые коммуникации привели к разгрому советских войск под Варшавой – так называемому «чуду на Висле». Из пяти армий четыре были разбиты, до двухсот тысяч красноармейцев попали в плен, большая часть погибла в польских лагерях для военнопленных.

В итоге Советское правительство вынуждено было пойти на заключение мирного договора, по условиям которого в состав Польши вошли Западная Украина и Западная Беларусь.

Приняв командование над остатками армии А.И. Деникина в Крыму, генерал П.Н. Врангель провел реорганизацию и укрепил дисциплину «белых» войск. ВСЮР были переименованы в Русскую армию. Отбив в апреле 1920 года несколько атак большевиков на Перекоп, «белые» войска провели контратаку и заняли Северную Таврию, пополнив запасы продовольствия. Но силы были слишком неравны.

Заклучив перемирие с Польшей, Советское правительство бросило в октябре 1920 года на штурм Крыма войска Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе. После недельного штурма укрепления Перекопа были взяты, и Красная Армия устремилась вглубь полуострова. Три дня остатки Белой Армии и гражданское население, не принявшее новую власть, эвакуировались в Константинополь.

В это время Россию покинули до 150 тысяч человек. После захвата Крыма большевики расстреляли, по разным данным, от 50 до 120 тысяч человек.

В 1921 году по всей территории России прокатились крестьянские восстания, которые были жестоко подавлены. 1 марта 1921 года взбунтовался оплот большевиков – Кронштадт, восставший под лозунгом «За Советы без коммунистов!» Войска под командованием М.Н. Тухачевского 16 марта подавили восстание.

Политика «военного коммунизма».

Внутренняя политика Советского правительства в годы гражданской войны и военной интервенции (1918–1920 гг.) получила название политики «военного коммунизма».

«Военный коммунизм» не был обязательным этапом на пути социалистического строительства. Это была вынужденная условиями Гражданской войны и интервенции политика. Вместе с тем она отвечала представлениям определенной части большевиков о возможности быстрого построения безрыночного социализма.

Политика «военного коммунизма» включала следующие мероприятия в экономической и социально-политической сферах:

- национализацию всех средств производства. Вслед за крупными и средними предприятиями была национализирована и мелкая промышленность. Частная собственность в промышленности была ликвидирована. Одновременно вводилось централизованное отраслевое управление;
- введение продразверстки. Сначала (в январе 1919 г.) была введена продразверстка на хлеб, к 1920 г. она распространилась на другую сельхозпродукцию. Декларированный принцип проведения продразверстки «с бедняка – ничего, с середняка – умеренно, с кулака – много» зачастую нарушался. Чтобы выполнить

план хлебозаготовок, продотряды изымали не только излишки, но и зерно из семенного фонда;

- свертывание товарно-денежных отношений, введение прямого продуктообмена между городом и деревней. Свободная торговля была запрещена. Вся система распределения перешла в руки государства. Вместо денежной оплаты труда вводилась натуральная. Существовала уравниловка в оплате труда. Была отменена плата за жилье, коммунальные, транспортные, почтовые услуги;
- введение всеобщей трудовой повинности. Воплощение в жизнь принципа «Кто не работает, тот не ест». Создание трудовых армий;
- установление диктатуры РКП (б). Партия большевиков перестала быть чисто политической организацией, срастаясь с государственным аппаратом. Формализация деятельности Советов, всецело подчиненных большевикам. Запрещение стачечного движения. Свертывание демократических свобод.

Политика «военного коммунизма» позволила большевикам сконцентрировать все усилия для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией и удержать власть. В то же время, следствием полного огосударствления, принуждения и уравниловки, жестокой диктатуры стал острый экономический кризис. В 1920 г. сравнительно с 1917 г. добыча угля снизилась в 3 с лишним раза, производство хлопчатобумажных тканей – в 12 раз, выплавка стали – в 16 раз. Рубль упал в 20 тысяч раз по сравнению с довоенным. Рабочие Москвы, занятые тяжелым физическим трудом, в 1920 г. получали в среднем в день 225 грамм хлеба, 7 грамм мяса или рыбы, 10 грамм сахара. Наряду с экономическим, страну охватил и острый политический кризис.

Итоги Гражданской войны

Главным итогом войны стала победа большевиков в Гражданской войне и отражении военной интервенции. Большевикам удалось в основном сохранить территорию бывшей Российской империи. Получили независимость и отделились от России Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина были потеряны.

Победе большевиков в войне способствовало то, что они сумели мобилизовать все силы и средства и целенаправленно использовать их для победы над врагом. Страна была превращена в единый военный лагерь. Была создана политизированная Красная Армия, в рядах которой сражались и старые военные специалисты, и воины-интернационалисты. Чрезвычайно привлекательной была программа большевиков по нацио-

нальному вопросу и многим социальным вопросам. Большое значение имела солидарность международного пролетариата с Советской Россией.

Гражданская война – величайшая трагедия в истории нашей страны. В боях, от голода, болезней и террора погибло 8 млн человек, 2 млн человек были вынуждены эмигрировать. Среди них – представители интеллектуальной элиты, что привело к невосполнимым потерям в области культуры и науки. Революция и Гражданская война подорвали основы нравственности. Человеческая жизнь обесценилась.

Разрушилась прежняя система экономических связей. Был утрачен огромный производственный и организационный опыт. Материальный ущерб составил более 50 млрд рублей золотом. Промышленное производство сократилось в 7 раз, на треть сократилось производство сельскохозяйственной продукции. Была полностью парализована транспортная система страны.

Основная борьба развернулась между так называемыми «красными» – созданной большевиками в 1918 году РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армией), и «белыми» – противниками новой власти, центром которых были генералы и офицеры бывшей царской армии.

Большое влияние на ход войны оказало вмешательство в конфликт стран как Четверного союза, так и стран Антанты, а также вооруженная борьба на «национальных окраинах» империи, которые стремились к независимости.

В результате победы большевиков в Гражданской войне на большей части бывшей империи установилась Советская власть. Также по итогам Гражданской войны в России 1917–1922 гг. такие страны как Польша, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония получили независимость от России. Западная Украина и Беларусь вошли в состав Польши, а Бессарабия была оккупирована Румынией.

Литература и источники:

1. Будберг А.Я. Дневник белогвардейца. М.: АСТ, 2001.
2. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
3. Бочарников И.В. Исторический опыт ликвидации бандформирований на территории СССР в Прибалтике, Западной Украине, на Северном Кавказе. Москва, 2000.
4. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2009. № 12 (379). С. 43–60.
5. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии. М., 2000.
6. Гражданская война в документах и воспоминаниях. М., 1998.
7. Гражданская война в России: Война на Севере. М: АСТ, 2004.

8. Егоров А. И. Разгром Деникина. М.: АСТ, 2003.
9. Емельянов Ю. В. Троцкий. Мифы и личность. М.: Вече, 2003.
10. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983
11. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977.
12. Исторические портреты патриотов России / Абрамов А.В., Бочарников И.В., Дзамихов К.Ф., Емец В.С., Овсянникова О.А., Ружейников В.В. Москва, 2016. Том 1.
13. История СССР / Под редакцией В.П. Островского. М.: Просвет, 1990.
14. Коновалов В. Гражданская война в России (1917–1922 г.): мифы и реальность // Диалог. 1998. № 9.
15. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия в XX веке: Учебник. М.: Владос, 1998.
16. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992.
17. Махно Н.И. Воспоминания. М., 1996.
18. Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М.: Междунар. отношения, 1993.
19. Наше Отечество. Опыт политической истории. Т.2. М.: Просвет, 1991.
20. Овсянникова О.А. Технологии переформатирования // Стратегия России. 2016. № 2. С. 47–52.
21. Отечественная история / Под ред. А.А. Радугина. М.: Академия, 2003.
22. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. М.: Феникс, 2004.
23. Пособие по истории Отечества / Под ред. В.М. Курицина. М.: Простор, 2000.
24. Шевоцуков П.А. Страницы истории Гражданской войны. М., 1995.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГОВ – ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК В 2021 ГОДУ

Караяни Александр Григорьевич

2021 год останется в социальной памяти как один из сложнейших этапов в жизни российского общества. Динамично пульсирующая пандемия сменяющих друг друга коронавирусов, горячие страсти вокруг вакцинации, экономический кризис, порождённый пандемией и глубинными экономическими сдвигами, все еще непривычная «дистанционная» форма повседневного бытия – все это не могло сказаться на жизни и деятельности россиян. В научной сфере ситуация осложнялась радикальной перестройкой системы деятельности научных организаций, диссертационных советов, переработкой номенклатуры научных специальностей, государственных требований к подготовке научных и научно-педагогических кадров и т.д. Некоторые учёные сами перенесли заболевание, вызванное коронавирусом.

Все это не могло не сказаться на общем настрое, мотивации и исследовательской ресурсности учёных.

Целью данной работы ставилась оценка эффективности публикационной активности учёных-психологов, состоящих в Академии военных наук, в описанных выше условиях.

Методом исследования избран метод контент-анализа научных публикаций, зафиксированных в РИНЦ и так называемых «серых» работ, не входящих в существующие базы данных. При этом учитывались следующие *ограничения*: 1) 2021 год еще не завершён и последние публикации могут быть еще не опубликованы и не размещены в РИНЦ;

2) некоторые учёные-психологи не представлены в РИНЦ вследствие закрытости их работ; 3) часть учёных может быть временно включена в масштабные и «энергоёмкие» программы исследований по «гражданской» тематике и временно не исследовать военно-психологическую проблематику.

Ход исследования и обсуждение результатов.

Анализ показал, что в 2021 году в секции «Военная психология и педагогика» состояло 46 учёных. Из них 2 не представлены в РИНЦ по причине закрытости их служебной деятельности, а 1 – представлен частично. Таким образом, изучению подверглась научно-исследовательская деятельность 43 учёных.

Анализ деятельности учёных-психологов Академии военных наук позволяет констатировать, что в этих сложных условиях большинство из них мобилизовали имеющиеся у них энергетические ресурсы и продолжили активное исследование актуальных военно-психологических проблем, психологических аспектов обороны, безопасности и правопорядка.

20 из 43 трех человек в текущем году участвовали в подготовке 67 научных публикаций, что в среднем составляет 1,55 публикаций на человека. Вместе с тем вклад учёных в разработку военно-психологических проблем различен (см. рис. 1).

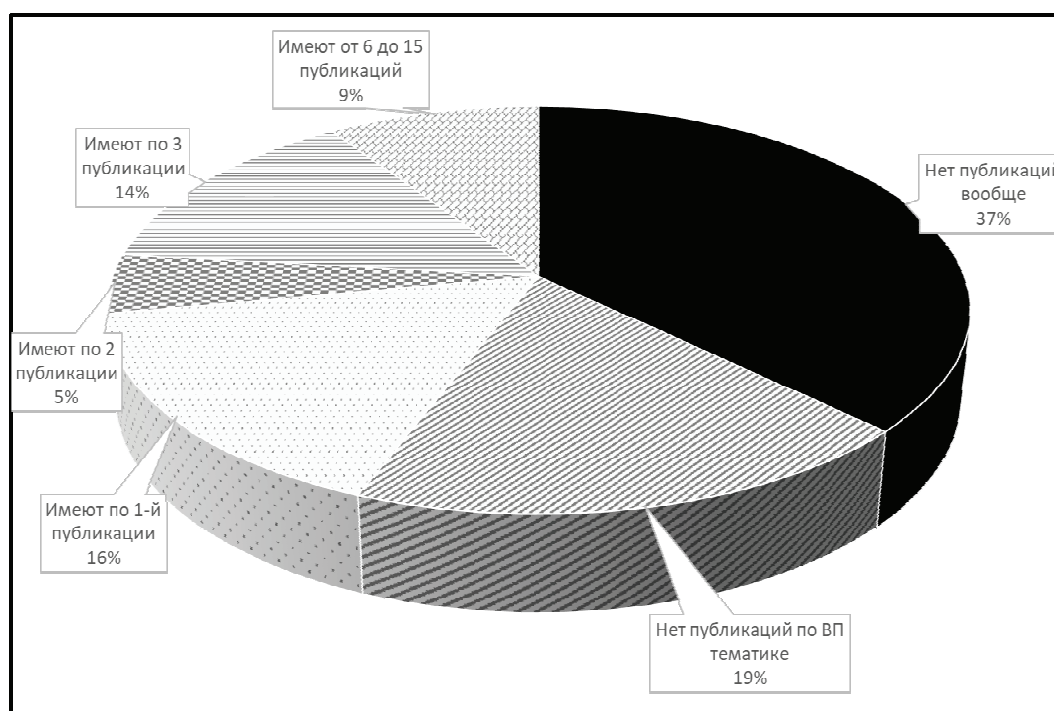

Рис. 1. Анализ публикационной активности учёных-психологов Академии военных наук в РИНЦ в 2021 году

Из рис. 1 видно, что 63% учёных-психологов в 2021 году публиковали результаты своих исследований в работах, размещаемых в РИНЦ. 44% из них опубликовали работы, посвящённые исследованию военно-психологических проблем.

При этом 4 человека (9%) на сегодняшний день опубликовали от 6 до 15 военно-психологических работ, 6 человек (14%) имеют по 3 публикации, 2 (5%) – по 2 публикации и 7 (16%) – по 1-й публикации. 8 учёных активно публиковались по проблемам, не связанным с психологическими вопросами обороны, безопасности и правопорядка.

К сожалению, 16 человек (37%) не имели в текущем году ни одной публикации, а 4 из них (9%) не зарегистрированы в РИНЦ, хотя не связаны с деятельностью, требующей секретности. По-видимому, членство в Академии для них является чисто статусным фактом.

Общая направленность опубликованных учёными-психологами работ характеризуется следующими данными (см. рис. 2).

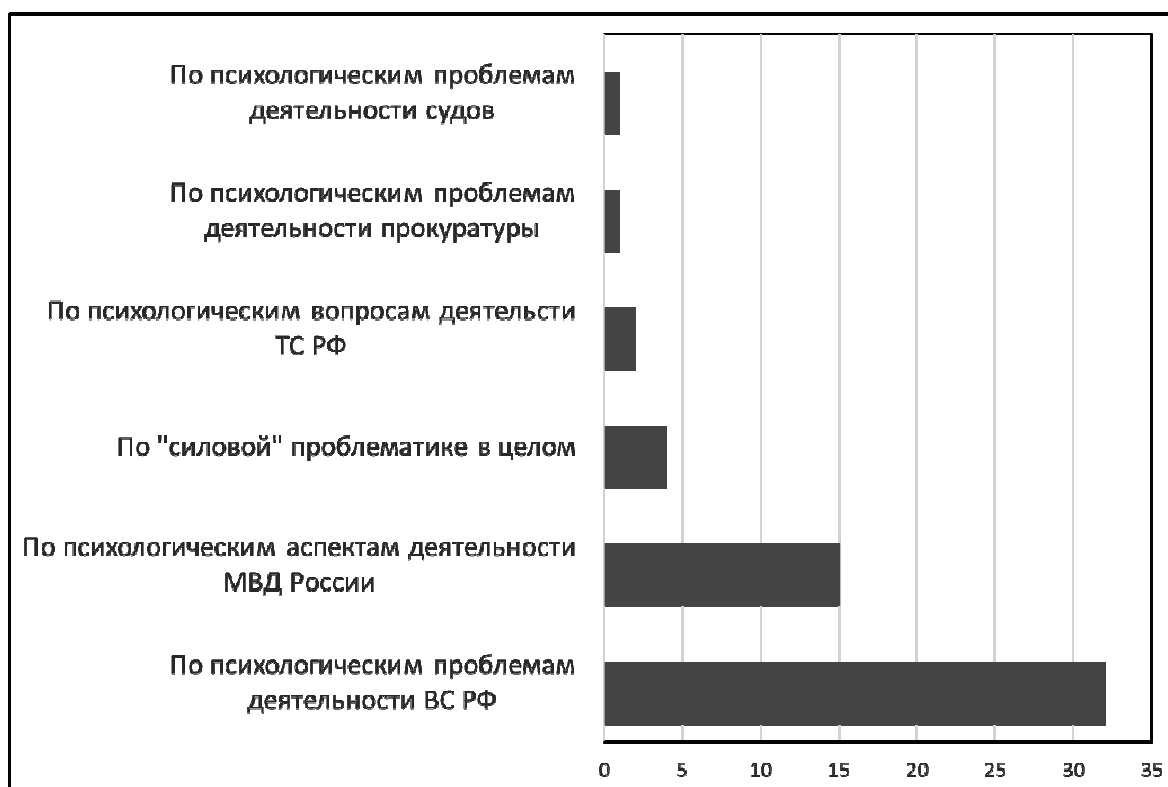

Рис. 2. Основные направления научных исследований

Учитывая то, что ряд работ был написан учёными-психологами в соавторстве друг с другом, для анализа были взяты 56 публикаций (в том числе общих). Из рис. 2 видно, что подавляющее большинство публикаций – 32 (57%) нацеливались на исследование психологических проблем деятельности ВС РФ, 15 (27%) – на анализ психологических аспектов деятельности МВД РФ, 4 (7%) – на изучение психологических

аспектов деятельности силовых структур в целом, а оставшиеся 5 публикаций посвящены анализу психологических явлений в Таможенной службе, ФСИН, судах и прокуратуре.

По видам научных исследований их с некоторой долей условности можно разделить на фундаментальные, прикладные, поисковые.

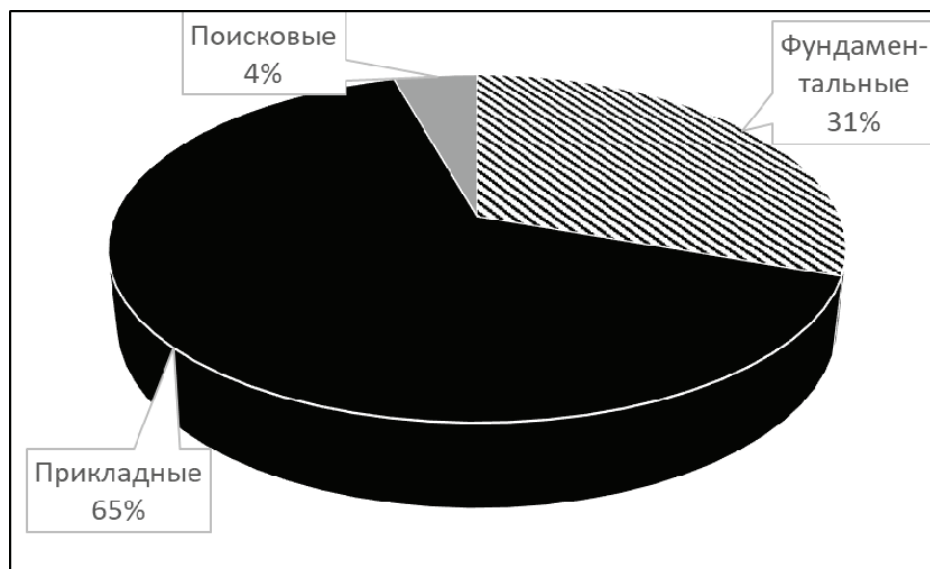

Рис. 3. Виды исследований

Как видно из рис. 3. подавляющее большинство исследований носят прикладной характер и направлено на внедрение наработок и выводов психологии в повседневную практику различных силовых ведомств.

Вместе с тем ряд исследований, в которых имеет место уточнение методологических и теоретических основ, важнейших понятий, закономерностей и тенденций в исследуемой сфере можно классифицировать как фундаментальные [1–5].

Поисковые исследования – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения [6].

Анализируемые публикации нацеливаются на решение широкого круга актуальных проблем, имеющих место в деятельности различных силовых ведомств (см. табл. 1).

Анализ тематики публикаций членов секции по военной психологии и педагогике показывает, что она тесно связана с актуальными проблемами, проявляющимися в области обороны, безопасности и правопорядка. Сегодня все более актуальными становятся вопросы обеспечения информационно-психологической зажиты и безопасности сотрудников, их информационно-психологической устойчивости. Это побудило учёных-психологов обратить пристальное внимание данной проблеме. Она

нашла осмысление в двух монографиях, в ряде научных статей и докладах на международных, всероссийских и ведомственных научных и научно-практических конференциях [7; 8].

Таблица 1

Тематическая направленность публикаций

№ пп	Тематическая направленность	Колич.
1	Информационно-психологическое противоборство	13
2	Обеспечение профессиональной надёжности специалиста, методы психической саморегуляции	7
3	История становления, состояние и перспективы развития различных отраслей психологического знания	6
4	Психологическая помощь, реабилитация и реадaptация участников экстремальной деятельности	4
5	Личностные свойства и психические состояния специалиста	3
6	Психологические особенности конкретных видов служебной деятельности	3
7	Психологические вопросы образования	2
8	Другие темы	8

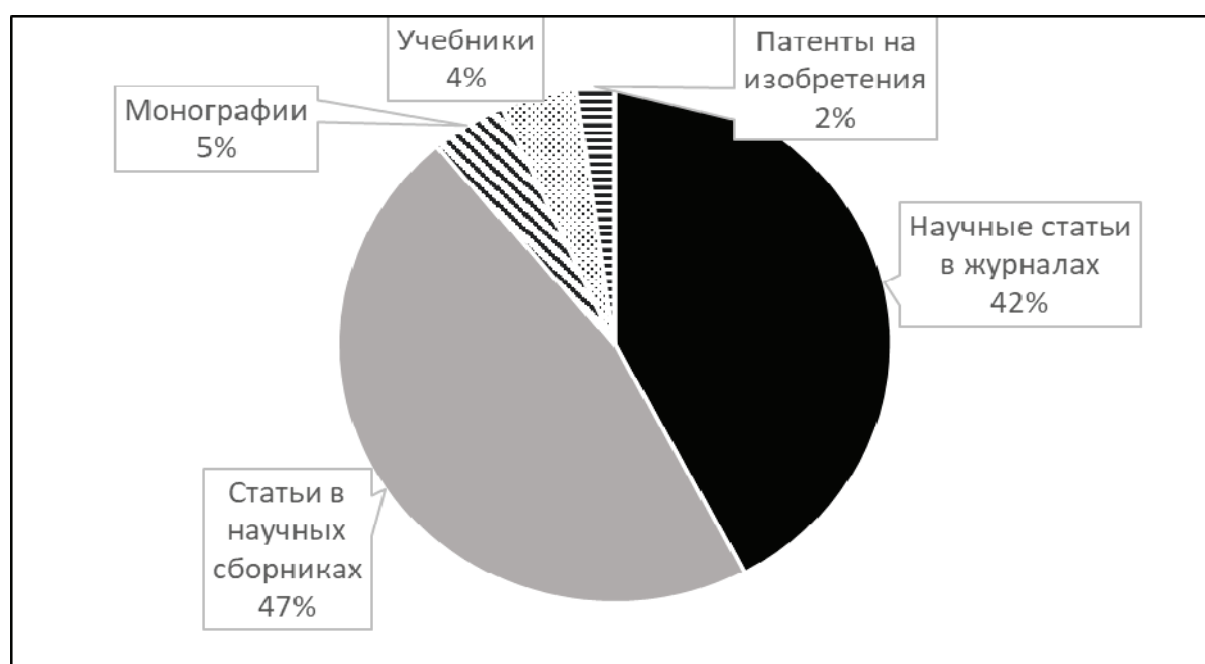

Рис. 4. Формы публикаций

Важнейшим объектом научных исследований на протяжении ряда последних лет остаётся профессиональная надёжность специалистов разных силовых ведомств. Разработке этой проблемы посвящён ряд публикаций [9].

Анализируемые публикации представлены в различных формах (см. рис. 4).

Таким образом, анализ публикаций учёных-психологов, входящих в секцию «Военная психология и педагогика», показывает, что, несмотря на реально сложную медико-санитарную обстановку, экономическую и социальную ситуацию в стране, морально-психологическую атмосферу в обществе, они активно выполняют обязанности членов Академии военных наук. За 2021 год ими разработаны и опубликованы фундаментальные, прикладные и поисковые научные работы, представленные в форме научных статей в журналах и научных сборниках, монографии, учебники, учебные пособия и патенты на изобретения, нацеленные на создание благоприятных психологических условий служебной деятельности специалистов в области обеспечения обороны, безопасности и правопорядка.

Литература и источники:

1. Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г. История отечественной военной психологии: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021.
2. Кандыбович С.Л., Лысаков Н.Д., Лысакова Е.Н. Отечественная космическая психология: история становления и особенности развития // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 97–106.
3. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 3–14.
4. Психология в деятельности сотрудника полиции: учебник / Калинин И.А., Цветков В.Л., Агапов В.С., Караяни А.Г., Крук В.М., Хрусталева Т.А., Котенев И.О. 2- изд. доп. и перераб. М.: Моск. ун-т МВД России, 2021. 414 с.
5. Федотов А.Ю., Крук В.М., Алексеев Д.Е. Функциональная надежность как самостоятельная междисциплинарная проблема. современные методы ее оценки, сохранения, укрепления и восстановления // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 88–93.
6. Клевцова Е.В., Благинин А.А. Проблема исследования психологических детерминант успешности обучения и профессиональной надежности деятельности пилотов // В сборнике: XXV Юбилейные царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции / Под общей редакцией С.Г. Еремеева. Санкт-Петербург, 2021. С. 146–155.
7. Информационно-аналитические технологии противодействия дестабилизации внутривнутриполитической ситуации: теоретические основы и практика реализации / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности: монография / под общ. ред. И.В. Бочарникова, С.Л. Кандыбовича, В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «Московский дом национальностей», 2021.

8. Технологии защиты сотрудников органов внутренних дел от негативного информационно-психологического воздействия: монография / Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Дерешко Б.Ю. и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2021. 152 с.

9. Психологическое обеспечение морально-политического и психологического состояния, надежности военнослужащего: к сущности, содержанию, общему, особенному / Крук В.М., Федотов А.Ю., Васильева М.С., Коротков К.С., Муромцев И.Ю. // Человеческий капитал. 2021. № 8 (152). С. 101–111.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ В ВУЗЕ

Овсянникова Ольга Александровна

Применение информационно-коммуникативного подхода в образовательном процессе высшего учебного заведения в настоящее время способствует передаче накопленного социального опыта, успешной адаптации обучающихся к тем изменениям, которые происходят в нашей жизни, взаимодействию преподавателей и студентов. Без данных технологий невозможно представить современную систему образования, особенно в процессе использования дистанционного обучения, что стало действительно актуальным в современных реалиях.

Информатизация высшего образования в России происходит путём внедрения электронных информационно-коммуникативных средств, а также различных систем. Преимуществами использования информационно-коммуникативных ресурсов в процессе формирования речевой компетентности обучающихся в вузах являются оптимизация образовательного процесса; повышение мотивации и познавательной активности обучающихся; межпредметные связи; быстрота и удобство поиска нужной информации; формирование информационно-образовательной среды обучающихся.

Информационно-коммуникативные технологии отличаются определёнными возможностями, такими как:

- возможность самостоятельного получения знаний обучающимися, доступность нового дидактического материала, его актуальность, неограниченность использования времени и пространства;
- разнообразные формы подачи дидактического материала. Здесь могут быть использованы гиперссылки, всплывающие окна, разнообразный видео- и аудиоматериал;
- создание специальных упражнений в виде тестов для формирования знаний, умений и навыков, интерактивных самостоятельных и домашних заданий, тренировочных упражнений как для работы с преподавателем, так и самостоятельно;
- применение интерактивного взаимодействия между преподавателем и обучающимися для установления обратной связи;

- индивидуальный и дифференцированный подход для формирования речевой компетентности обучающихся;
- применение принципа визуализации информации, то есть включение, помимо текстовых фрагментов, аудио- и видеoinформации;
- доступ к большему объёму информации;
- контроль обратной связи, объяснение ошибок при формировании речевых знаний, умений и навыков;
- развитие межпредметных связей;
- структурирование информации по разделам, темам, микро-темам;
- совершенствование методического обеспечения, поскольку необходимо постоянно дополнять и обновлять учебный материал.

Законодательство Российской Федерации, а также документы государственного стратегического планирования (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [1], Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [2], Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. № 1632-р) [3], Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 г. [4] и другие) уделяют внимание вопросу применения в системе высшего образования современных информационных и коммуникационных технологий, а также компьютерных средств обучения, способствующих формированию общего информационно-коммуникативного пространства, эффективности и конкурентоспособности современного высшего профессионального образования в Российской Федерации.

Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] выдвигает новые требования для информатизации образовательного процесса, которые направлены на совершенствование форм обучения, в нём акцентируется внимание на использование активных и интерактивных методов обучения, а именно средств информационно-коммуникативных технологий, которые должны реализовать новые педагогические возможности компетентностного подхода в обучении.

Отечественные учёные уделяли пристальное внимание проблеме внедрения и использования информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения. Вопросами информатизации занимались такие отечественные исследователи, как А.Я. Ваграменко, Б.С. Гершунский, А.П. Ершов и другие. Применение в системе высшего образования информационно-коммуникативных технологий освещались в рабо-

тах А.А. Андреева, В.П. Беспалько, И.С. Барчукова, О.М. Карпенко и других. Создание и использование обучающих компьютерных программ и автоматизированных обучающих систем рассматривали С.П. Грушевский, Е.Б. Крымская, Ю.Ф. Тимофеева и другие. Методикой применения компьютерных технологий в процессе обучения русскому языку занимались Э.Г. Азимов, А.Д. Гарцов, Л.А. Дунаева, О.И. Руденко-Моргун Н.Н. Алгазина [5] и другие.

Данные исследования говорят о том, что система высшего образования на современном этапе информатизации общества связана с процессами интеграции и внедрения информационных и коммуникативных технологий обучения. Это актуально на современном этапе, так как образовательный процесс по определённым объективным причинам, связанным с пандемией коронавирусной инфекции, был частично переведён в формат обучения дистанционно, где активно использовались информационно-коммуникативные технологии. Поэтому исследование наиболее приемлемых путей внедрения в образовательный процесс информационно-коммуникативных ресурсов как педагогами, так и обучающимися является актуальной проблемой.

Методическими возможностями применения информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения являются:

1) использование обратной связи между обучающимся и компьютером в виде интерактивного диалогового взаимодействия, заключающегося в том, что определённый запрос предполагает ответ компьютера, и задания, которые даёт обучающая программа, требуют ответа обучающегося;

2) наличие программной анимации по изучаемым учебным ситуациям, связанным с темой занятия;

3) использование аудиоматериалов, необходимых для изучения фонетических процессов;

4) компьютерное распознавание как устной речи, где есть возможность записи голоса для следующего прослушивания и оценки, так и письменной речи, которую затем можно подвергнуть обработке;

5) использование компьютерных программ для лингвистического анализа, редактирования, реферирования, аннотирования и других форм работы с текстами;

6) создание архивов для хранения огромного количества лингвистической и методической информации в виде символов, графиков, текстов, аудио-, видеоинформации, анимации, что даёт возможность быстро найти и применить её, а также использовать в различных учебных целях, например, для презентации;

7) автоматизация процессов поисковой и исследовательской деятельности;

8) автоматизация отработки умений и навыков учебной деятельности, различных видов деятельности, где есть возможность выполнения одного упражнения неограниченное количество раз, возвращение к частям заданий, которые вызывают трудность, а также обработка навыков речевой деятельности;

9) автоматизация методического, информационного и организационного обеспечения, управление образовательным процессом, мониторинг результатов усвоения знаний, умений и навыков, который предполагает проектирование, оперативное планирование и управление образовательным процессом в информационном формате как на кафедре, так и во всём высшем учебном заведении с использованием различных по масштабам компьютерных информационных сетей.

Поэтому так важно объединить все средства информационно-коммуникативных технологий, которые используются в процессе формирования компетентности обучающихся в вузе и отвечают программным требованиям. Соответствующую систему следует представить в виде учебной информационно-коммуникативной среды. В результате внедрения профессионально-ориентированного информационного обучения на основе организованной соответствующим образом информационно-коммуникативной среды и будет развиваться и формироваться вторичная профессионально-ориентированная личность обучающегося вуза.

Целесообразно использовать в высшем учебном заведении для развития компетентности информационно-коммуникативные языковые лаборатории, обладающие функциональными специфическими чертами:

- интеграционные возможности объединения в архив языковых учебных материалов, которые могут быть представлены в различном виде;
- постоянное и систематическое изменение архива учебных материалов и их корректировка преподавателем в целях совершенствования образовательного процесса и пополнения новыми данными;
- проведение постоянного мониторинга учебной деятельности обучающихся, работающих на компьютере, с главного компьютера преподавателя вуза;
- создание архивов соответствующей информации преподавателем с целью дальнейшего анализа изменений совершенствования речевой компетентности и создания отчётов, учитывающих успеваемость и посещаемость;
- создание записи воспроизведения архивов, а затем последующая передача преподавателю результатов работы обучающихся ими самими, что экономит время и способствует оптимизации процесса обучения;

- использование сети Интернет для обучения с профессионально-ориентированными информационными ресурсами;
- возможность использования доступа обучающихся к соответствующим учебным материалам вне аудиторных занятий в качестве самостоятельного обучения;
- применение разнообразных форм обучения на занятиях. Это не только индивидуальная работа обучающихся, но и работа в парах, в группе.

Выделяются требования к применению информационно-коммуникативных средств для формирования речевой компетентности обучающихся в вузе:

- взаимосвязь, совместимость и дополнение лингвистических и лингводидактических коммуникативно-информационных средств, а также других компьютерных ресурсов, эффективно и комплексно использующих лингводидактические возможности информационно-коммуникативных технологий;
- наличие необходимого количества разнообразных информационных и коммуникативных форм, их комбинирование для эффективной учебной деятельности обучающегося вуза и дидактической деятельности преподавателя в продолжение всего обучения [6];
- соединение на основе комплекса специальных созданных и подобранных лингвистических и лингводидактических информационных и коммуникативных средств, ориентирующихся на специфику компьютерного обучения;
- использование и создание языкового портфолио обучающегося, которое способствует поддержке самообразования, накоплению оценок учебных достижений обучающихся, развитию рефлексии и мотивации речевого поведения;
- возможность создания дидактического блока для преподавателя, обеспечение его информационно-методической поддержкой и автоматизация его профессиональной деятельности;
- автоматизация контроля и коррекции результатов образовательной деятельности обучающихся, самостоятельной работы в вузе;
- пополнение базы программно-методических средств и создание новых информационных ресурсов;
- использование сети интернет, для того чтобы поддерживать информационно-поисковую, исследовательскую и тренировочную деятельность в процессе актуализации учебных знаний по языку и формирования способов осуществления речевой деятельности;

- необходимость объединения различных актуальных педагогических технологий и творческих методик авторов, которые ориентированы на развитие интеллектуальных способностей обучающихся, самостоятельное получение и отработку знаний, создание новой информации [7].

Использование информационно-коммуникативных технологий формирования речевой компетентности обучающихся вуза изучалось нами в течение нескольких лет в различных высших учебных заведениях. Также было проведено комплексное исследование, которое было направлено на выявление потенциальных возможностей их эффективного внедрения в образовательный процесс вуза. Данное исследование проводилось в Московском государственном областном университете, а также в других вузах. Использовались различные методы, в том числе анкетирование преподавателей и сотрудников данного университета. Анкеты, на которые отвечали респонденты (участники эксперимента), были проанализированы, выделен круг проблем, которые возникли в процессе применения информационно-коммуникативных технологий в учебной деятельности.

Нами был применён метод анкетирования, потому что этот метод является основным методом получения первоначальных значимых психолого-педагогических данных. Являясь методическим средством, анкета, или опросный лист, организована соответствующим образом с целью выявления от респондента определённых данных. Исследователь формулирует вопросы, логически связанные с главной целью и логикой исследования, а также даёт предполагаемые варианты ответов на вопросы, из которых респонденту следует выбрать наиболее соответствующие его пониманию или предложить свои собственные.

Данные анкеты являются открытыми вопросниками и позволяют в произвольной форме формулировать ответ, а также закрытыми, допускающими только ответы «да» или «нет».

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей информационно-коммуникативного обеспечения речевой компетентности. Для этого была придумана авторская анкета, которая состояла из 15 вопросов. В качестве респондентов выступали 17 сотрудников и преподавателей Московского государственного областного университета.

Результаты исследования и обсуждение

Целью предложенных вопросов являлось выявление уровня применения информационно-коммуникативных технологий, а также определение факторов, которые способствуют формированию речевой компетентности, информационно-коммуникативных средств, используемых в учебной деятельности, выявление проблем, возникающих в процессе их применения.

Отвечая на вопрос о самых интересных образовательных технологиях, большинство респондентов назвали информационно-коммуникативные (41%), личностно ориентированные технологии (24%), в равной степени технологии проектной деятельности (15%) и технологии исследовательской деятельности (20%).

Интересен тот факт, что 60% респондентов в основном применяют их в образовательном процессе вуза. Однако 73% респондентов имеют затруднения, связанные с информационно-коммуникативным обеспечением учебной деятельности. 88% респондентов захотели повысить свой уровень применения информационно-коммуникативных технологий. Следует отметить, что 72% респондентов применяют разнообразные информационно-коммуникативные ресурсы в своей методической работе в процессе формирования речевой компетентности обучающихся.

В ходе исследования респонденты отвечали на вопрос о том, какие информационно-коммуникативные технологии следует применять в методической работе. 22% респондентов назвали теоретическую информацию (знания) по вопросам методической работы в целом; 41% испытуемых определили навыки и умения профессиональной деятельности в области методической работы; 10% респондентов обозначили, что это компьютерный банк данных в рамках направлений, форм и средств методической работы; 21% респондентов посчитали, что это методическая литература, научные статьи, обзоры, рекомендации, связанные с организацией методической работы; 6% респондентов определили, что такими технологиями является курсы повышения квалификации и подготовки различных специалистов образования в вопросах методической работы.

В ходе исследования было определено, что большое количество респондентов используют разнообразные информационно-коммуникативные технологии в процессе обучения. Так, 7% респондентов пользуются разнообразными электронными библиотеками; 5% – обучающими компьютерными программами; 13% – электронными учебными пособиями; 13% – тестами; 15% – словарями, справочниками; энциклопедиями; 7% – периодическими изданиями; 9% – видеофильмами о научных процессах и явлениях; 6% – интерактивными моделями; 13% – коммуникативными заданиями; 12% респондентов – компьютерными презентациями материалов (рис. 1).

Констатирующий эксперимент представлен на рисунке.

Респонденты определяли трудности, возникающие в процессе использования информационно-коммуникативных технологий. Интересно, что ими были определены такие: недостаточное количество соответствующих знаний, связанных с использованием информационно-коммуникативных средств на занятиях (22% респондентов), недостаточная мотивация у преподавателей в использовании информационно-

коммуникативных технологий (14% респондентов), большие энергетические и временные затраты в ходе применения информационно-коммуникативных ресурсов (17% респондентов), оснащение кабинетов в вузе информационно-коммуникативными средствами не в полной мере (18% респондентов), недостаточное с точки зрения методики обеспечение образовательного процесса (17% респондентов); недостаточная информированность преподавателей о преимуществах и возможностях информационно-коммуникативных ресурсов (12% респондентов) (рис.2).

Рис.1. Информационно-коммуникативные средства, применяемые преподавателями в учебной работе

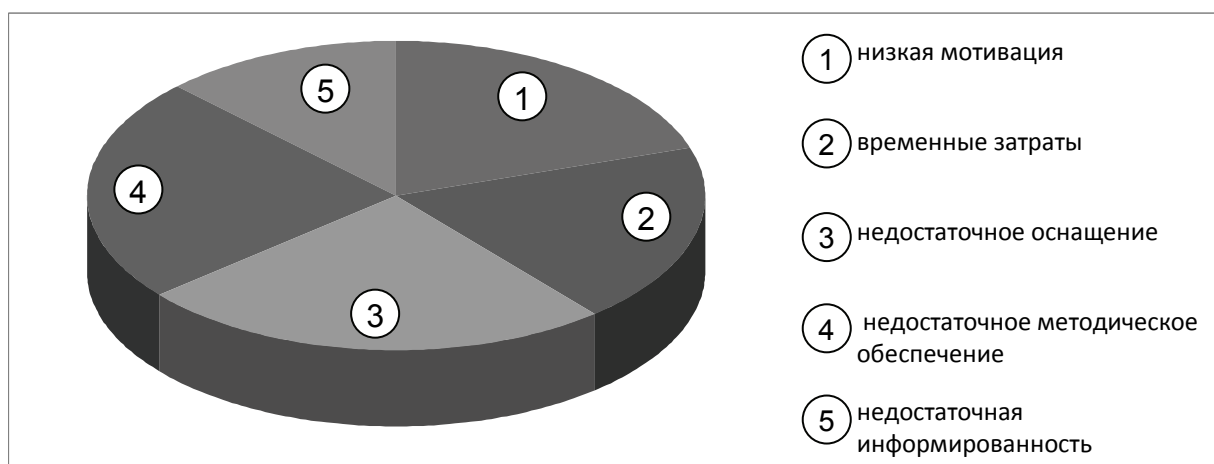

Рис. 2. Трудности в процессе применения информационно-коммуникативных ресурсов

В ходе исследования было определено, что испытуемые используют разнообразные источники информации, кроме книг. К ним можно отнести такие: сеть интернет (68% респондентов); телевизионные программы (19% респондентов); периодическая печать (газеты, журналы) (15% респондентов).

Респонденты определяли факторы, которые способствуют формированию речевой компетентности обучающихся. Поэтому на первое место они поставили чтение специальной литературы (53% респондентов); затем выделили информационную среду образовательного учреждения (23% респондентов); общение с сотрудниками (12% респондентов); чтение художественной литературы (5% респондентов); видеофильмы (12% респондентов).

В ходе опроса респонденты определили условия применения информационно-коммуникативных технологий. К ним относятся следующие: мотивация педагога, направленная на самостоятельную работу с информационно-коммуникативными ресурсами (42% респондентов); педагогическая готовность и интерес педагогов в использовании информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения, желание профессионального роста и самореализации (31% респондентов), необходимые информационно-коммуникативные ресурсы в высшем учебном заведении (23% респондентов); желание посещать курсы повышения квалификации педагогов и разнообразные тренинги (24% респондентов).

В процессе изучения данной проблемы было дано авторское определение понятия «информационно-коммуникативное обеспечение формирования речевой компетентности». В научной литературе широко не используется термин «информационно-коммуникативного обеспечение», даются только различные определения информационно-коммуникативных технологий [8]. Информационно-коммуникативные технологии представляются «совокупностью методов, производственных процессов, программно-технических и лингвистических средств, интегрируемых с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах её пользователей» [7].

Следует отметить, что данное определение является обобщённым и не раскрывает достаточно специфику учебной деятельности в вузе. Авторское определение обращает внимание на образовательный процесс применительно к формированию речевой компетентности будущих специалистов и вводит в научный оборот понятие «информационно-коммуникативное обеспечение формирования речевой компетентности». Информационно-коммуникативное обеспечение формирования речевой компетентности обучающихся в вузе – это учебная деятельность педагогов и обучающихся, направленная на овладение необходимой для после-

дующей профессиональной деятельности речевой компетентностью с применением информационно-коммуникативных технологий, необходимой на решение учебных задач.

В ходе исследования было определено, что информационно-коммуникативный, а также личностно ориентированный подходы являются наиболее востребованными подходами в обучении в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, и это соответствует современным направлениям развития высшего образования в России и во всём мире. Специалисты высшей школы один-два раза в неделю пользуются информационно-коммуникативными технологиями в учебной работе, и это представляет собой достаточно неплохой показатель. Однако существуют определённые трудности и проблемы в процессе использования информационно-коммуникативного обеспечения. Педагоги хотели бы значительно повысить уровень его применения, что является свидетельством постоянной работы специалистов в направлении самосовершенствования.

В ходе проведения констатирующего эксперимента было выявлено, что испытуемые в основном применяют разнообразные информационно-коммуникативные средства в своей педагогической деятельности с целью развития и формирования речевой компетентности. Однако следует отметить, что для проведения учебных занятий у методистов есть потребность в теоретической информации (знаниях), связанной с осуществлением методической работы в целом, а также процессом формирования умений и навыков профессиональной деятельности в сфере методической работы.

Преподаватели вузов применяют информационно-коммуникативные средства в ходе подготовки к занятиям, в процессе их проведения, контроля обучающихся, а также используют их для взаимодействия с коллегами.

Было определено, что после применения информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения у обучающихся труднее всего формируются следующие умения:

- лаконично и грамотно с точки зрения грамматики излагать и обобщать информацию, структурировать и систематизировать новую информацию;
- проводить сравнение и сопоставление информации из нескольких источников;
- формулировать рекомендации, направленные на решение конкретной проблемы, основываясь на полученной информации, в том числе противоречивой;
- приспособлять информацию для соответствующей аудитории (с помощью выбора специальных языковых средств);
- уместно и правильно цитировать источники.

Не вызывает сомнений и тот факт, что в условиях цифровизации современного общества интернет-ресурсами, кроме библиотек, преподаватели пользовались в наибольшей степени. По мнению педагогов, речевую компетентность специалиста развивает и формирует также чтение специальной (профессиональной) литературы.

Таким образом, в ходе исследования было выработано авторское определение понятия «информационно-коммуникативное обеспечение формирования речевой компетентности обучающихся в вузе». Информационно-коммуникативное обеспечение формирования речевой компетентности обучающихся в вузе – это учебная деятельность педагогов и обучающихся, направленная на овладение необходимой для последующей профессиональной деятельности речевой компетентностью с применением информационно-коммуникативных технологий, необходимой на решение учебных задач.

Преподаватели выделили средства информационно-коммуникативного обеспечения, к которым относятся электронные библиотеки; компьютерные программы обучающего характера; электронные учебники (пособия); тестовый материал; словари, справочники; энциклопедии; периодическая литература; видеофильмы учебного характера, демонстрирующие определённые процессы и явления; интерактивные модели; коммуникативные упражнения; презентации учебного материала с помощью компьютера и другие.

Существующие проблемы применения информационно-коммуникативных технологий связаны с отсутствием соответствующих знаний в данной области и мотивации у преподавателей в области использования информационно-коммуникативных средств, определёнными временными издержками на подготовку и разработку учебного материала, недостаточным уровнем оснащения информационно-коммуникативными средствами и слабым информационным методическим обеспечением образовательного процесса; достаточно небольшим количеством информации о преимуществах информационно-коммуникативных средств.

Использование информационно-коммуникативных технологий при формировании речевой компетентности будущих специалистов эффективно через оптимизацию образовательного процесса в вузе, когда осуществляется упорядоченность массивов учебной информации; использование разнообразных информационно-коммуникативных средств как самими педагогами в образовательном учреждении, так и обучающимися на различных этапах овладения речевыми и языковыми знаниями, умениями и навыками.

Использование подобного рода технологий способствует вовлечению личности в процесс обучения, изменению контроля за результатами деятельности, развитию логического мышления личности обучающегося, повышению интереса к обучению.

Следовательно, информационно-коммуникативные технологии предлагают большие возможности для внедрения самых современных методов и приёмов в образовании и поэтому увеличивают его эффективность, в том числе в процессе формирования речевой компетентности.

Данное исследование имеет практическое значение для специалистов и педагогов, которые интересуются проблемами применения информационных и коммуникативных технологий в образовательном процессе. Полученные в ходе исследования результаты помогут педагогам эффективно применять данные технологии. Перспективы исследования заключаются в дальнейшей разработке и создании различных курсов и модулей, использовании данных стратегий в образовании.

Внедрение информационно-коммуникативных технологий соответствует принципам развивающего обучения и способствует развитию языковой рефлексии и мотивации, лежащей в основе личностной самооценки.

Особенностями применения информационно-коммуникативных технологий при изучении языков (как русского, так и иностранного) в процессе формирования речевой компетентности является индивидуализация образовательного процесса, самостоятельная работа обучающихся, наличие обратной связи.

Поэтому использование в образовательном процессе вуза при изучении русского языка и культуры речи информационно-коммуникативного обеспечения предполагает:

- индивидуализацию и интенсификацию процесса обучения;
- активизацию познавательной деятельности обучающихся, повышение её стимулирующей составляющей;
- реализацию в процессе самостоятельной работы будущих специалистов индивидуального темпа усвоения учебного материала, обеспечения при этом высокой мотивации в получении знаний и практических навыков;
- осуществление оперативного контроля хода усвоения знаний, формирования навыков и умений;
- диагностику уровня подготовки обучающихся и группы в целом [8].

Также следует обратить внимание на то, что при применении современных технологий в преподавании русского языка у обучающихся проявляется повышенный интерес к занятиям, стремление исследовать учебный материал, а не просто запоминать его, что способствует созданию благоприятных условий для обучения, заинтересованность в конечном результате, а именно в полученных речевых и языковых знаниях и умениях, что повышает познавательную активность и, следовательно, эффективность обучения [9].

Таким образом, полученный опыт применения информационно-коммуникативных технологий при формировании речевой компетентности на занятиях по русскому языку позволяет сделать предположение, что данные технологии являются эффективным элементом обучения, объединяющего преимущества традиционных и инновационных подходов. Наряду с этим, необходимо отметить, что такие технологии проходят период апробации, становления и развития, однако при соблюдении лингводидактических принципов использования современных методик и технологий возможна их успешная реализация на занятиях с учетом психологических особенностей обучающихся, а также привлечения высоко профессиональных разработчиков данных программных продуктов.

Литература и источники:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения 22.01.2021).
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2006/07/29/informacia-dok.html> (дата обращения 22.01.2021).
3. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс] // URL: <https://government.ru/2006/07/29/informacia-dok.html> (дата обращения 22.01.2021).
4. Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения 22.01.2021).
5. Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой: пособие для учащихся 5–7 классов / Н.Н. Алгазина, З.П. Ларских, Г.И. Пашкова, Е.И. Фитковская. М.: Просвещение, 1996. 176 с.
6. Есенина Н.Е. Комплексная реализация лингводидактических возможностей средств информационных и коммуникационных технологий в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку / Н.Е. Есенина // Научный диалог. 2013. № 8 (20): Педагогика. С. 75–86.
7. Бочарников И.В. Политический анализ. Москва, 2018.
8. Овсянникова О.А. Применение информационно-коммуникативных технологий при формировании речевой компетентности дипломатических сотрудников // Вестник академии военных наук. 2020. №1. С. 85–90.
9. Ovsyannikova O.A., Bobrova S.V., Bocharnikov I.V. Priority areas formation of speech competence students of non-philological specialties. (E3S Web of Conferences. VIII International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in science and education» (ITSE 2020). 2020. P. 18105).

10. Ovsyannikova O. A., Mishcherina M. A., Bocharnikov I. V., Content of the process of formation of students' speech abilities at the university. (E3S Web of Conferences. VIII International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in science and education» (ITSE 2020). 2020. P. 18106).

11. Ovsyannikova O.A., Zelenkov M.Y., Laamarti Y.A., Kashchenko T.L., Lyudmila Alekseevna B., Sevastyanovna Z.G., Zayed N.M. Factors affecting the development of speech competencies: a managerial and organizational perspective // Academy of Strategic Management Journal. 2021. T. 20. № Special Issue 5. C. 1–12.

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна – заведующая кафедрой политической теории МГИМО – университета МИД России, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии военных наук.

Бартош Александр Александрович – эксперт Лиги военных дипломатов, член-корреспондент Академии военных наук.

Бочарников Игорь Валентинович – руководитель Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ имени Н.Э. Баумана, доктор политических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, действительный член Академии военных наук.

Вильчинский Антон Сергеевич – аспирант Дипломатической академии МИД России.

Герейханов Гаджи Пирмурадович – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Кандыбович Сергей Львович – руководитель секции психологии Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, член президиума Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям (заместитель председателя комиссии по вопросам патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи), заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, четырежды лауреат государственных премий Российской Федерации, действительный член Академии военных наук.

Караяни Александр Григорьевич – профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Карпович Олег Геннадьевич – руководитель секции анализа геополитических и геоэкономических проблем Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России, действительный член Академии военных наук.

Киршин Юрий Яковлевич – научный руководитель Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук, доктор философских наук, профессор, генерал-майор в отставке, действительный член Академии военных наук.

Криворучко Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военных наук.

Кулаков Андрей Анатольевич – ученый секретарь Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, кандидат философских наук, доцент член-корреспондент Академии военных наук.

Манойло Андрей Викторович – профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор, доктор политических наук, действительный член Академии военных наук.

Овсянникова Ольга Александровна – исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук.

Паутова Алла Викторовна – профессор, доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования действительный член Академии военных наук.

Разина Татьяна Валерьевна – проректор по развитию НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии образования, действительный член Академии военных наук.

Ремарчук Валерий Николаевич – руководитель секции военно-политического анализа и прогнозирования Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук, декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Ружейников Владимир Владимирович – член совета Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, член Русского географического общества, кандидат философских, член-корреспондент Академии военных наук.

Русалеев Алексей Валерьевич – сотрудник АО «ЦНИРТИ им. академика А.И. Берга», кандидат психологических наук.

Стригунов Константин Сергеевич – ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям.

Тымчик Владимир Ильич – профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член Академии военных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стратегическая культура</i>	
Алексеева Т.А. Стратегическая культура в исследовании проблем национальной безопасности	3
<i>Информационно-аналитические технологии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации</i>	
Бочарников И.В. Информационные технологии дестабилизации внутривнутриполитической ситуации и меры противодействия им в России	25
Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Информационная безопасность – как одно из центральных направлений в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации	48
Ремарчук В.Н. Предметная область информационной аналитики и ее элементы.....	53
<i>Геополитические аспекты национальной безопасности</i>	
Карпович О.Г., Вильчинский А.С. О современном миропорядке	61
Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Национальные интересы Российской Федерации в контексте формирования современного миропорядка.....	70
Паутова А.В. Ужесточение «мягкой силы» в современной мировой политике	81
<i>Современные концепции и доктрины</i>	
Герейханов Г.П. Философия безопасности Российского государства как отражение проблем и особенностей общества	93
Бартош А.А. Когнитивная война как третье операционное измерение современных военных конфликтов	102
Кулаков А.А. Управляемые политические трансформации как инструмент внешней политики США	114

Попытка государственного переворота в Казахстане. Теория и практика противодействия цветным революциям

Караяни А.Г., Русалеев А.В. Разбалансировка общественного сознания как фактор протестной активности в Казахстане 131

Манойло А.В., Стригунов К.С. Технология организации государственного переворота в Казахстане 142

Гуманитарные аспекты обеспечения национальной безопасности России

Киришин Ю.Я. Новая миролюбивая, миротворческая, искусственная общность человечества..... 151

Тымчик В.И. Соотечественники за рубежом как инструмент «мягкой силы» государства, роль и место города Москвы..... 165

История Отечества

Ружейников В.В. К истории имплементации российско-американских договоров 177

Криворучко А.А. К столетию Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) 189

Вопросы психологии и педагогики

Караяни А.Г. Анализ публикационной активности психологов – членов Академии военных наук в 2021 году 201

Овсянникова О.А. Практика применения информационных ресурсов в процессе формирования речевых навыков и умений в вузе 208

Об авторах 223

Подписано в печать 29.10.2023 г. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Заказ 1527. Тираж 100 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru